

2 p. 00 k.
Halo g'zaluyirovab
Bce umyka v d'rob
Kumil

و از کردی
تاریخ کردی
و کتابت

Л. А. СОЛУЯНОВА

ЖАЛЕ ИСФАГАНИ

Л. А. Солуянова

ЖАЛЕ ИСФАГАНИ

(Жизнь и творчество)

*Дорогой
мамма-хакими
с уважением и бла-
годарностью авт-
тора Л. Солуя-*

Монография посвящена творчеству известной прогрессивной поэтессы Ирана Жале Исфагани. Прослеживается тесная взаимосвязь поднимаемых Жале Исфагани проблем сегодняшнего Ирана с общечеловеческими проблемами: борьбой за демократию, национальное освобождение, против нищеты, бесправия и угнетения, за освобождение иранской женщины.

Для преподавателей зарубежной литературы, студентов вузов и широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор филологических наук Д. С. Комиссаров

Рецензенты:
кандидаты филологических наук
М. Муллоахмедов, Р. Иномходжаев, Р. Ходжаева

С 4603020200—553
М 355 (4)—91 251—91 © Издательство «Фан» АН
Республики Узбекистан, 1992 г.

ISBN 5—648—01183—0

Введение

Среди современных прогрессивных поэтов Ирана, чья жизнь и творчество тесно связаны с национально-освободительным движением, видное место принадлежит Жале Исфагани.

На поэтической арене Жале появилась в 40-е годы, которые отмечены активизацией общественно-политических сил Ирана и существенным подъемом литературной жизни. В то время в персидской литературе прочно утвердилось прогрессивное направление, испытавшее на себе влияние общественно-политических сдвигов в стране и значительно выросшее в идейно-художественном отношении. В поэзии Ирана впервые столь остро получили отражение актуальные социально-политические проблемы, требования участников национально-освободительного движения.

Лучшие представители персидской литературы, критически осваивая классическое наследие и создавая новаторские, проникнутые новыми идеями произведения, внесли ценный вклад в мировую культуру и литературу. Достоянное место в их ряду заняла Жале Исфагани. В ее поэзии, пронизанной ненавистью к угнетателям, феодальным пережиткам, звучит призыв к борьбе за свободу и светлое будущее народа. Творчество поэтессы отличается идейной глубиной и лиризмом, она тяготеет к «свободному стиху».

Поэзия Жале во всей полноте отражает эволюцию ее идейно-эстетических воззрений, переход от воспевания абстрактной любви к человеку к реалистическому отображению жизни. Творчество иранской поэтессы получило широкое признание в других странах. Ее произведения неоднократно публиковались также в переводе на узбекский, азербайджанский и другие языки народов СССР.

В иранском литературоведении поэзия Жале не бы-

نقسی نامیران
نوادیر امرال
در فرهنگ
و سوره که
از مانی کبرانی
لیرسم انیمه
در کمال سوار
نقطه از سوره
ازاد حیات
که از از عشق آینه به ان فی و سوره به تصویر رنگی بر آله (واقعه)
سواد به زبان از سوره ایسی اذدر ترجمه

ла предметом специального исследования. Имеется ряд статей, рецензий, откликов иранских критиков, таких как Варзи, Сепанга, Таги Гази, Асадулла Мобашири, Бану Иззат Растан и др.¹, написанные в связи с изданием первого сборника стихотворений поэтессы «Голхайе ходру» («Дикие цветы», 1944) и книги стихов «Зенде руд»² («Живой поток», 1965).

Уже первые поэтические произведения Жале привлекли к ней внимание читателей и критиков. В 1944 г. газета «Орфан» поместила рецензию Иззат Растан, в которой отмечается, что, «несмотря на молодость Жале, произведения ее ярко выражают взволнованность, различные настроения и мысли поэтессы. Стихи ее написаны с особой любовью и нежностью. Красноречивую Жале мы видим в зеркале ее произведений, написанных в различных жанрах. Мы видим ее то влюбленной, то борцом против несправедливости, то патриоткой. Жале — поэтесса большого темперамента и тонкой изобретательности»³. Рецензент выразил уверенность, что в ближайшем будущем она станет известной поэтессой. Далее та же газета писала, что «сборник «Голхайе ходру» принес Жале известность, прославил ее как писателя, утверждающего верные пути освобождения»⁴.

Краткие сведения о жизни и творчестве Жале Исфагани содержатся в изданной в 50-х годах в Иране антологии иранских поэтов Али Акбара Мошира Салими⁵. Наряду с биографической справкой, здесь даны общая характеристика ее творчества и несколько стихотворений.

В книге Борган «Современные известные писатели» (1952) приводятся биографические данные о Жале и подчеркивается, что «поэтесса жила интересами трудового народа, которому посвятила все свое искусство

¹ Рузнамайе пулад. 1323/1944. № 28; Рузнамайе Сепанга. 1323/1944. № 24; Рузнамайе Эсфахан. 1323/1944. № 132; Рузнамайе пулад. 1323/1944. № 82; Рузнамайе Иран—Техран. 1323/1944. № 8548; Рузнамайе орфан. 1323/1944. № 238; Рузнамайе оmid. Техран. 1323/1944. № 478; Рузнамайе седаи ватан. 1323/1944. № 32; А-б-долали Боруманд. Рузнамайе михан. 1323/1944. № 124; Аълохон Афсохзад. Назаре бе шеъри фарси//Садон Шарк. 1967. № 12. С. 138—139; Борга'н. Соханваране намайе моасер. Чапе доввом. Техран. 1331/1952. С. 146.

² Серешк М. Бидорийе джуибаран. Маджмуэе шеъре азаде. Техран//Сохан, 1347/1968. № 4. С. 468.

³ Рузнамайе орфан. 1323/1944. № 2308.

⁴ Там же.

⁵ Али Акбар Мошир Салими. Занане соханваре Иран, Чапе аввал. Техран. 1335/1956. дафтаре аввал. С. 230—240.

стихосложения. Ее поэзия пропитана революционным духом»⁶.

Серешк выделяет Жале «в числе пяти поэтесс, занимающих видное место в иранской литературе, наряду с Парвин Эгесами, Форугом Фаррохзад, Симин Бехбахани, Жале Гаем-Магами». По его мнению, сборник стихотворений «Зенде руд» «пропитан революционным пафосом, ее поэзия полна страсти, взволнованности, гнева и протеста. Поэтесса колеблется между двумя стилями — классическим и современным, но больше склонна к свободной форме стиха»⁷.

В 1965 г. журнал «Пейаме навин» отмечал, что «некоторые стихотворения из сборника «Зенде руд» принадлежат к классическим жанрам — от газелей до двустиший, другие же написаны метрикой свободного аруза Нима Юшиджа. Большинство стихотворений повествует о любви автора к родине, человеку, и особенно эмоционально выражены ее воспоминания о родине. Знаменательно, что этот сборник озаглавлен «Зенде руд», что является названием реки, на берегу которой родилась и выросла поэтесса»⁸.

Творчество Жале вызывало интерес и в последующие годы. В предисловии к ее поэтическому сборнику «Агар хазар калам даштам»⁹ («Если бы я имела тысячу перьев», Тегеран, 1981) известный литератор, общественный деятель Ирана Эхсан Табари отметил: «Стихи Жале очень содержательны и поэтичны... Они развиваются в общественном, гражданском и революционном направлениях... Нынешний сборник, без сомнения, будет воздействовать на сердца многих и передаст им теплые и искренние чувства поэтессы...»¹⁰

Биографические данные о Жале и ее размышления о новой поэзии приводит Парвиз Раджаби в публикации «Итоги горестной эмиграции». Он, в частности, подчеркивает важность всестороннего изучения жизни и деятельности политических эмигрантов, неразрывно связанных с судьбой родины.

В советском востоковедении поэзия Жале также не

⁶ Сайид Мохаммад Багер Борган. Соханваране нами моасер. Техран, 1331/1952. С. 146.

⁷ Серешк М. Бидорийе джуибаран. Маджмуэе шеъре азаде. Техран//Сохан. 1347/1968. № 4. С. 468—471.

⁸ Пейаме навин. 1344/1954. № 7. С. 81.

⁹ Дибаче бар кетаб «Агар хазар калам даштам» Жале. Техран, 1360/1981.

¹⁰ Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат//Фардаи Иран. Техран, 1360/1981. № 9. С. 556—564.

در زمانه
عمران
در باره گلها
حور
ز تو گفت
همیشه آری
علی اکبر
مهرش
در آرزوی
سکندر ایران
همیشه
دیده ام
فردا ایران

سریشک
عزالدین
مهرش لطف
همیشه آری
معاوضی نادر
بکلمه نفس
۱۳۴۷
«میان تو و من»
و نقد زند
طبرستان در آرزوی
پرویز رجبی
در صحنه
فردا ایران

در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف

была предметом специального исследования. В ряде обзорных статей о современной персидской литературе, а также в работах по различным вопросам литературы Ирана, в частности поэзии, авторы затрагивают и творчество Жале. Одним из первых к исследованию ее поэзии обратился З. Г. Ризаев¹¹. Он отмечал, что «среди революционно-демократических поэтов Ирана своими высокоидейными стихотворениями выделяются Э. Табари, М. Афраште, Кахраман, Джавахери, Жале Исфгани, Абутираб Джали и др.»¹². «В стихах Жале преобладают темы большого исторического значения... Лирика Жале отличается злободневностью и актуальным содержанием»¹³. Однако З. Г. Ризаев лишь коротко характеризует жизненный путь Жале, жанровое и тематическое богатство ее поэзии периода второй мировой войны и частично послевоенных лет. Отдельные произведения Жале нашли освещение в работах Б. М. Гусейнова¹⁴.

Более обстоятельно рассматривает творчество иранской поэтессы В. Б. Кляшторина. Жале посвящен раздел в ее монографии. Среди прогрессивных поэтов, тесно связавших жизнь и творчество с национально-освободительной борьбой Ирана, наряду с Афраште и Табари видное место отведено Жале. «Творческий рост поэтессы самым тесным образом связан с борьбой народа за свою независимость, с деятельностью Народной партии, возглавившей эту борьбу»¹⁵, — подчеркивает В. Б. Кляшторина. Но и в этом разделе дана лишь краткая биография Жале и беглый обзор ее произведений. Автор акцентирует внимание на описании творческой судьбы поэтессы. В предисловии к сборнику Жале¹⁶ В. Б. Кляшторина также приводит краткую биографию поэтессы и характеризует ее стихотворения последних лет.

¹¹ Ризаев З. Г. Революционно-демократическая поэзия Ирана в период второй мировой войны: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1953.
¹² Там же. С. 9.
¹³ Там же. С. 14.
¹⁴ Гусейнов Б. М. Советская тема в прогрессивной персидской поэзии: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1962; Он же. Традиции и новаторство в поэзии Ирана XX в.: Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1973; Он же. Поэты Ирана о Советском Союзе. М., 1965.
¹⁵ Кляшторина В. Б. Современная персидская поэзия. М., 1962. С. 32—45.
¹⁶ Кляшторина В. Б. Предисловие к сб.: Жале. Ожидание. М., 1967. С. 3—9.

حسن از
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف

О Жале также писала ташкентский востоковед С. Юлдашева. Во вступительном слове к поэтической книге Жале «Калдиргоч»¹⁷ («Ласточка»), вышедшей в переводе на узбекский язык, исследователь отмечает, что знакомство поэтессы с жизнью советских людей оказало большое влияние на ее творчество.

М. Мубариз Али-заде называет Жале в числе тех иранских художников слова, которые в самые трудные для страны дни создавали значительные художественные произведения, насыщенные революционным оптимизмом и глубокой верой в неизбежность грядущей победы сил демократии и социализма. Разоблачая гнусные деяния душителей свободы, они в своих произведениях призывали трудовой народ продолжать борьбу за мир, за демократию и социализм во имя светлого будущего»¹⁸. Вопросы, связанные с поэзией Жале, затрагиваются в работах Х. А. Кулиевой¹⁹ и М. Яукачевой²⁰. Помимо того, имеются многочисленные рецензии на стихи иранской поэтессы²¹.

Таким образом, можно заключить, что творчество Жале занимает видное место в персидской литературе. Произведения поэтессы многочисленны и безусловно оригинальны, но изучены недостаточно.

Главными источниками нашего исследования послужили прежде всего произведения Жале: семь сборников ее стихотворений на персидском языке и переводы на русский, узбекский и азербайджанский языки; три сборника Жале, вышедшие на таджикском языке; неопубликованные стихотворения и литературоведческие статьи поэтессы, хранящиеся в ее архиве и в фондах архива СП Азербайджана. Изучены работы по литературе Ирана, статьи и рецензии иранских и советских литературоведов. На этой основе мы прослеживаем фор-

¹⁷ Юлдашева С. Вступительное слово к сб.: Жале. Калдиргоч. Ташкент, 1966.
¹⁸ Мубариз Али-заде М. Пути развития демократических идей в персидской литературе XIX и XX веков: Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1969. С. 81.
¹⁹ Кулиева Х. А. Характерные особенности прогрессивной персидской поэзии 50-х годов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1964.
²⁰ Яукачева М. Женщина в персидской прозе. Ташкент, 1964.
²¹ Николаевская Е. Когда слова болят. Рец. на кн.: Жале. Ожидание//Литературная газета. 1968. 6 марта; Краснородко В. Лирика, зовущая к борьбе за мир//Железнодорожная здравница. 1958. 10 сент.; Аълохон Афсохзад. Назаре ба шеъри фарси//Садон шарк. 1967. № 12. С. 138—139; и др.

در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف
در آواز
برگزیده
نقد و بررسی
اصناف

мирование и развитие идейно-эстетических взглядов Жале. Становление творческого метода, периодизация ее поэзии, единство идейного содержания и художественной формы исследуются на материале всего творческого наследия поэтессы. Предпринята попытка выявить новаторство ее творчества и определить значение и роль Жале в современной поэзии Ирана.

Значительным подспорьем в нашей работе послужили материалы Первого съезда писателей Ирана, а также личный архив поэтессы.

ایران
تاریخ
ادبیات
دوره
ایران
و ادبیات

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИРАНЕ В 30—40-е ГОДЫ XX в.

Сложная политическая обстановка в Иране во второй четверти XX в., как и вся литературная жизнь этого времени, оказали немаловажное воздействие на воззрения поэтессы Жале. Данный период совпал со вторым десятилетием правления Реза-шаха, когда был установлен режим военной диктатуры. Наступление реакции на жизненные интересы народа особенно усиливается в 30-е годы, вошедшие в историю страны как «черный период», время жесточайших репрессий в отношении демократического движения. Издаются законы, запрещающие коммунистическую и профсоюзную деятельность, отменяющие все партии и ликвидирующие, по сути дела, конституцию и самостоятельность междисциплинарных организаций. Многие прогрессивные и общественные деятели и писатели, открыто выражавшие недовольство политикой правительства, были брошены в тюрьмы, сосланы или эмигрировали. Строгая цензура следила за малейшим проявлением оппозиционных настроений в печати.

Иранские поэты и писатели не имели в то время официальных литературных организаций и группировались, в основном, вокруг газет и журналов. Большую роль в литературной жизни играло Литературное общество Ирана (Анджумане адабийе Иран), которое возникло в конце первой мировой войны. В него входили Малек ош-Шоара Бахар, Хабиб Ягмаи, Саид Нафиси, Рашид Ясеми и другие, которые печатали свои произведения сначала в журнале «Данешкаде», а после его закрытия в 1919 г. в журнале «Армаган» («Подарок»), основанном Вахидом Дастангарди в 1920 г.

Во второй половине 30-х годов, в связи с осложнившейся политической обстановкой в стране, Литературное общество ограничило свою деятельность. Переименованное в Общество мудреца Низами (Анджумане

دیکتاتور نظام
رہنما
تدویر سما
مہار زمان
صفائے
دولت
حرکت
حرکت و ادبیات
انجمن
دانگہ
بر لو ط
زمان رضا
نیت

хакиме Низами), оно не выходило за рамки изучения проблем классической литературы.

В начале 30-х годов в Тегеране молодыми литераторами (Садеком Хедаятом, Бозоргом Аляви, Мас'удом Фарзад и филологом Моджтаба Минови), был создан кружок, названный по числу входивших в него членов Раб'е (Четверка). Затем к ним примкнули Абдоль-Хосейн Нушин, Парвиз Ханляри, Нима Юшидж, Собхи Мохтадж, музыкант Минбашиян и другие. В их произведениях превалировала реалистическая линия. Запрещение изданий произведений прогрессивных иранских писателей нанесло значительный ущерб литературе. Ростки нового реалистического направления, порожденного национально-освободительным движением, были уничтожены. Некоторые литераторы отходят от демократических позиций. Большинство же писателей предпочитают заниматься проблемами литературоведения, народного творчества, переводческой деятельностью. В результате как в поэзии, так и в прозе вытесняется гражданская тематика, слабо звучат критические мотивы.

В 30-е годы правительство поддерживает писателей, восхваляющих и пропагандирующих диктаторский режим. В литературе отмечается идейно-художественный спад, отход от критической направленности, утверждаются упаднические настроения, пессимизм. Произведения исторического жанра, вышедшие в 30-е годы (например, романы «Воинственный» С. Кермани и «Лазика» М. Хейдара, А. Кемали), были проникнуты духом национализма, отход от социальных проблем наблюдается и в произведениях на современные темы («Поэмы и рассказы» Али Дашти).

Однако политическая реакция смогла лишь заглушить, но не остановить развитие демократических и реалистических тенденций в персидской литературе. Остались литераторы, верные делу прогресса и демократии. Так, Фаррохи Йазди смело выступает со стихами, обличающими правящую клику Ирана, которая превратила страну в тюрьму, где за правду сажали и убивали людей. М. Бахар находился некоторое время в состоянии разочарованности, толкнувшей его на создание нескольких стихов, воспевающих нового правителя, тем не менее он преодолел эти настроения и написал стихотворения о горькой судьбе Ирана, «кровавых слезах матери-родины», призывавшие к мужеству и борьбе.

В 30-е годы расцветает творчество замечательной

поэтессы Парвин Этесами (1906—1941). Во многих ее притчах и баснях правдиво показаны жизнь трудового народа, трагическая участь иранских женщин и детей бедняков. В ее произведениях все отчетливее выступают социальные симпатии автора: возмущение вопиющей несправедливостью, царящей в стране, ненависть к угнетателям и призыв к обездоленным подняться на решительную борьбу («Спор», «О труженик!» и др.).

Накануне второй мировой войны созданы наиболее зрелые произведения С. Хедаята, чья литературная деятельность началась в 30-е годы; под воздействием политической атмосферы, царившей в стране, в его творчестве появились мистические мотивы. В 1936 г. он уезжает в Индию, надеясь найти там условия для свободного творчества.

Во второй половине 30-х годов Реза-шах проводил противоречивую национальным интересам Ирана внешнюю политику. Антисоветский характер стала носить его политика в отношениях с Советским Союзом, который всячески способствовал укреплению экономической независимости Ирана.

Резко антисоветской стала политика Реза-шаха на кануне второй мировой войны, когда шах все больше ориентировался на фашистскую Германию, которая активизировала свое проникновение в Иран с целью использовать его территорию в качестве плацдарма для осуществления своих агрессивных замыслов. Антисоветские провокации гитлеровских агентов в Иране становились все более явными и вызывающими. Усилился полицейский террор, в рабочих кварталах, среди прогрессивно настроенной интеллигенции проводились массовые аресты.

Репрессии против прогрессивных деятелей отразились и на литературе. Многие демократически настроенные, прогрессивные поэты, писатели, культурные и политические деятели были убиты или же сосланы в тяжелые по климатическим условиям районы страны. Так, Мир-заде Эшки (1894—1924), выступавший против деспотического режима в стране, был убит в своем доме наймитами резашахской полиции.

Талантливый журналист и поэт Ф. Йазди (1888—1939), издатель и редактор газеты «Туфан» («Буря»), на страницах которой помещались острые политические статьи и стихотворения, разоблачающие диктаторский режим и призывающие народные массы к борьбе за свои права и свободу, в 1937 г. был арестован и приго-

الحمد
رايم
برگه
موسى
وزاد
بعد
نعمي
بني
بنيان

لا كما راگر
رضه شاه
موسى قزوینی
استقلال
اقتصاد ایران
انکه قزوینی

۵۰
حسن محسنی
موسى قزوینی

ворен к тюремному заключению. Однако пытки не сломили его. Будучи в заточении, он писал стихи, в которых клеймил правительство Реза-шаха. В 1939 г. Яазди был убит.

Жертвой реакции стал также крупный политический и общественный деятель Ирана доктор Таги Эрани, издатель журнала «Донья» («Вселенная»). Развенчивая концепции ислама в своих публикациях, этот журнал сыграл существенную роль в повышении идеологического уровня иранской интеллигенции. С выходом журнала начались нападки на доктора Эрани. «Донья» просуществовал только два года и был закрыт в 1937 г. по распоряжению господствующей клики, а Эрани, обвиненный в пропаганде коммунистических идей, был арестован политическим отделом тегеранской полиции. В те же дни было арестовано 53 прогрессивных деятеля Ирана, обвиненных в пропаганде марксизма и коммунизма. В тюрьме доктору Эрани привили тиф, и он умер.

В числе арестованных был прогрессивный деятель — писатель Б. Аляви, один из активных членов литературного объединения «Раб'е». Арест писателя и вынужденное прекращение литературной деятельности кружка послужили причиной его распада.

Выступая в 1946 г. на Первом съезде писателей Ирана, П. Ханляри сказал: «В период диктатуры Реза-шаха полицейские репрессии и цензура были сильны до такой степени, что убивали у поэтов и писателей всякое стремление к литературному творчеству. Полиция давала указания не печатать печальные стихотворения, ибо в стихах должна быть выражена только радость и удовлетворение жизнью. В тот период один из поэтов написал стихотворение, в котором воспевал красоту леса. Полиция запретила печатать это стихотворение из-за того, что в нем описан лес, где действовали партизаны Кучек-хана. Разумеется, в такой обстановке не могла развиваться литература, и она не развивалась»¹.

Прогрессивная тематика была изгнана из официальной печати, ее страницы заполнили в основном перепевы традиционных моралистических тем и дешевое славословие режима в жанре од. В предисловии к сборнику стихотворений Афраште пишется: «В произведениях того времени вряд ли можно найти литературный шедевр. Полицейская цензура, отсутствие свободы сло-

¹ Первый съезд писателей Ирана. Тегеран, 1947. С. 50.

ва и печати явились причиной того, что прогрессивные поэты не смогли открыто писать о том, о чем хотели»².

Начало 40-х годов в Иране отмечено новым размахом демократического движения, в которое были вовлечены широкие слои трудящихся. Оно явилось ответом на многолетнее господство полицейского режима и тиранию диктатуры. Ввод на территорию Ирана союзных войск, демонстрации протеста против профашистской политики Реза-шаха, отречение его от престола, вступление Ирана в коалицию борющихся против гитлеровской Германии держав — таковы события, способствовавшие активизации демократических сил страны.

Осенью 1941 г. объявлена амнистия политическим заключенным. По инициативе демократических деятелей в октябре 1941 г. была образована Народная партия Ирана, за короткое время объединившая широкие массы трудящихся: рабочий класс, передовую молодежь, крестьянство. Под руководством Народной партии стали создаваться профсоюзы, крестьянский союз, демократические организации женщин и союз молодежи. В стране поднялось антифашистское движение.

В 1943 г. было создано Иранское общество культурных связей с СССР, способствовавшее развитию персидской литературы и сплочению прогрессивных писателей. Общество и его печатный орган «Пейяме ноу» («Новый вестник») развернули огромную работу по изданию переводов произведений русской и советской литературы, которые имели большое значение в повышении общественной роли художественного слова.

Активизация общественно-политической жизни способствовала появлению новых газет и журналов. Так, под руководством Народной партии Ирана издавались газеты прогрессивного направления «Мардом» («Народ»), «Рахбар» («Путеводитель»), «Разм» («Битва») и журналы «Мардоме махане», «Мардоме адине» и другие. Важную роль в развитии передовой литературы сыграли общественно-политические и литературные журналы «Пейяме ноу», «Сохан» и другие, вокруг которых объединились прогрессивные писатели, поэты, ученые и деятели культуры.

Кроме прогрессивных журналов, в Иране выходили журналы «Ядгар» («Память»), «Аянде» («Будущее»), которые пользовались успехом лишь у иранской аристократической верхушки. В этих изданиях печатались

² Афраште. Эй гофти. С. 2.

در بعضی اشعار

صیغی است
علم

بسیار است
در بعضی اشعار

صیغی است
اصلاً

مال است
مفهومش
و تالیف

فرز قوت

دیده

ایمان
و تالیف
و تالیف

در زبان
مردم
و تالیف

صدا
آینه

و تالیف

13
و تالیف

«литературные произведения и критические заметки, от-
вергавшие все новое, передовое, все то, к чему стре-
мились писатели, вставшие на путь правдивого отобра-
жения действительности, протаскивая чуждые иранско-
му народу упаднические настроения западноевропейской
буржуазной культуры, эти журналы пытались заглушить
энергичные голоса прогрессивных писателей Ирана,
тормозили развитие новой персидской литературы»³.

После двадцатилетнего застоя в иранскую литера-
туру ворвался свежий ветер событий. Демократическое
направление в литературе Ирана начала 40-х годов
представлено творчеством ряда писателей и поэтов
старшего поколения. Это было время расцвета творче-
ства крупнейшего поэта М. Бахара и прозаика С. Хе-
даята. Волна национально-освободительного демокра-
тического движения ввела в иранскую литературу но-
вые имена. С первыми произведениями выступают поэ-
ты Э. Табари, М. Афраште, М. Джавахери, а также
Б. Аляви, Бехазин, Садек Чубек, Джелал Але-Ахмад,
Нушин и другие молодые авторы⁴. Их творческая био-
графия складывалась в годы серьезных испытаний —
испытывалась не только их верность реалистическому
искусству, но и гражданское мужество.

Произведения передовых поэтов и прозаиков пер-
вой половины 40-х годов доказали жизненность и ста-
бильность идейно-художественных принципов реали-
стического творчества, определив его развитие в после-
дующие годы социальных битв и новых испытаний.

Среди поэтов 40-х годов особого внимания заслужи-
вает Жале Исфгани. Али Акбар Мошир Салими в «Ан-
тологии иранских поэтесс»⁵ упоминает иранскую поэ-
тессу Этель Солтани. Такое имя было дано поэтессе
при рождении. Поскольку имя это европейское, позд-
нее поэтесса взяла себе имя и тахаллус Жале. Свои
произведения она подписывает: Жале Солтани, Исфа-
гани, Бади, но чаще всего — Жале. Солтани она по от-
цу, Исфгани — по месту рождения, Бади — по мужу.

Жале родилась в Исфгане в 1922 г. Отец ее — мел-
кий землевладелец, мать — из семьи интеллигентов.
Дед Жале был известным и образованным человеком,

³ Комиссаров Д. С. Очерки современной персидской прозы.
М., 1960. С. 84—85.

⁴ Там же.

⁵ Али Акбар Мошир Салими. Занане соханваране
Иран, Чапе аввал, Техран, 1335/1956, дафтаре аввал. С. 230—240.

отличным каллиграфом, участником конституционного
движения в Иране (1905—1911).

Подробно о воспитании, полученном в семье, Жале
рассказала в стихотворении «Эджазе бедехид ашна ша-
ривим» («Разрешите представить», 1967 г.)⁶, написан-
ном в Советском Союзе, а также в личной беседе с ав-
тором (10 мая 1970 г.). Отец Жале был против ее обу-
чения и говорил, что она никогда не сможет отличить
«калеф» от «б». На этой почве у них в семье были по-
стоянные неурядицы. Благодаря матери, Жале заканчи-
вает единственное среднее учебное заведение в Исфага-
не — английский колледж. Занимаясь в колледже, она
находилась во власти двух религий: дома изучала Коран
и придерживалась обычаев мусульман, в колледже ее
заставляли изучать христианство и целовать крест.
Впоследствии Жале стала атеисткой.

Большое влияние на Жале оказали ее мать и дирек-
тор колледжа — женщина. Они водили ее в кварталы
бедняков, где она видела жизнь, полную лишений, обез-
доленных и голодных детей. Жале прониклась глубоким
сочувствием к бедному люду.

Писать Жале начала с юных лет. Выступая на Пер-
вом съезде писателей Ирана, она рассказала, что в дет-
стве сочиняла песенки для своих кукол, а с тринадцати
лет печаталась в газетах⁷. Рано проявившееся стрем-
ление к творчеству, искусству слова, непосредственному
выражению своего отношения к миру не делает ее ис-
ключением, — такие увлечения обычно свойственны мо-
лодости.

Уже первые литературные опыты Жале свидетел-
ствовали о ее поэтическом даровании. В колледже она
выступала с критикой политики англичан в Иране, пи-
сала листовки, стихи в стенную газету, направленные
против политики правящих кругов Ирана. В этих про-
бах пера проявилась общественная позиция поэтессы,
обозначилась ее демократическая ориентация.

Окончив колледж, Жале порывает с родителями, хо-
тевшими выдать ее замуж за нелюбимого человека,
родственника, с которым по мусульманскому обычаю
она была обручена с рождения. Вопреки воле богатого
отца, стремясь быть независимой, она поступает на
службу в Иранский национальный банк в Исфгане.
В условиях Ирана это был смелый шаг. Работая в бан-

⁶ Жале. Энтезар. Душанбе, 1969. С. 98—101.

⁷ Первый съезд писателей Ирана. С. 187.

ماتونی اسلام مت نه در تپین ار تو که مادر تو ؟
در چاه دانه کودکی ز اله بود نه پر از ضم مدرسه

این مجله
تجدید
نوبر روان
گفت سوسه
باب اله بود
سال ۷۰
مهران
مسحی
آهشت
هم لرزونی
در گوت ؟
مار و عصم
درد نامه مادر
در کالج
در اردبیل
الغلی استغفار
سماورد
سینه نامه
در وقتنامه دیوانه
سماورد

ке, она побывала во многих иранских городах. Чаще всего Жале приезжала в Тегеран, где общалась с прогрессивными писателями и поэтами того времени. Она поддерживала с ними переписку, особенно интенсивную в годы войны. В это время девушка еще ближе столкнулась с невыносимо тяжелыми условиями жизни простых людей. Поездки по стране укрепили в молодой Жале неприятие социальной несправедливости и стремление выразить протест против угнетения народа.

Творческая эволюция поэтессы, выход ее на литературную арену тесно связаны с борьбой прогрессивной общественности колониальных и зависимых стран Востока за эмансипацию женщин. Проблема эмансипации оставалась одной из ведущих тем в литературе этих стран, и путь женщин в большую литературу там был нелегким. Женщины Ирана, составлявшие почти половину населения страны, были почти полностью лишены возможности участвовать в экономической и общественно-политической жизни.

В 1944 г. в Тегеране вышел первый сборник стихотворений Жале «Голхайе ходру». В него вошли стихотворения 1939—1943 гг. в основном пессимистического характера. Нередки в ее поэзии и мотивы обреченности, тщетности человеческих усилий изменить жизнь, а также стремление уйти от злободневных проблем, погрузиться в замкнутый, мир чувств и переживаний. Источником творчества для молодой поэтессы являлись, главным образом, отвлеченные картины природы, не связанные с реальной общественной жизнью, ее творчество в то время было оторвано от насущных интересов народа и ограничивалось описанием пейзажа.

Жале еще предстояло найти верную линию в своем творчестве, научиться не отступать перед трудностями жизни. Она находит этот путь после вступления в ряды Народной партии Ирана в 1946 г. и знакомства с ее активными членами, видными поэтами и писателями Эхсаном Табарни (род. в 1917 г.), Мохаммадом Али Афранте, Абу Тарабом Джали (род. в 1913 г.), Мухаммедом Али Джавахери (род. в 1913 г.), Нима Юшиджем, молодыми талантливыми поэтами-демократами Ираджем Али Абади, Шахназ Элами, Джавадом Дельхош, Насером Амели, Фазлоллахом Горгани, Али Асгаром Соруш и многими другими.

Широк тематический диапазон произведений этих поэтов, в основном они затрагивают жгучие проблемы современной политической жизни. В произведениях го-

ворится о необходимости объединения трудящихся масс Ирана для борьбы с угнетателями, низвержения реакционного режима, об эксплуатации рабочих и тяжелой доле крестьянства, о роскошной жизни капиталистов и помещиков, о богатстве, обогащающихся за счет рабочих и крестьян, о целях и задачах Народной партии, разоблачаются продажные депутаты, критикуется система выборов в меджлис, затрагиваются и другие злободневные вопросы.

В годы второй мировой войны Жале начинает интересоваться советской культурой. Не ограничиваясь знакомством с произведениями советских писателей, она берет энергично изучать русский язык, чтобы шире и глубже понять характер советской литературы.

Мировоззрение Жале, ее взгляды на социальное устройство общества формировались исподволь, по мере познания мира, явлений. Созерцательные мотивы не определяют творческое кредо поэтессы, — они — следствие столкновения с действительностью, и темы, вызванные ими, были присущи не только Жале, но и многим иранским поэтам различных направлений и носили временный характер. Постепенно она приходит к выводу, что поэт должен быть как можно ближе к реальности; правдиво раскрывать борьбу старого и нового и являться не посторонним ее наблюдателем, а непосредственным участником. Если в первом сборнике стихов поэтессы искренне верила в то, что призывами к добру и справедливости можно заставить «сильных мира сего» стать добрее и облегчить жизнь бедняков, то уже в дальнейшем она все отчетливее сознает тщетность этого. Главными темами ее произведений становятся раскрытие основного социального конфликта буржуазного общества — вопиющего несоответствия между богатством и бедностью, и описание жизни обездоленных и бесправных труженников.

Талант молодой поэтессы формируется и крепнет в борьбе за народное дело. Органы печати НПИ «Мардом» и «Рахбар» стали для нее боевой трибуной. В это время Жале пишет стихи под псевдонимом «Ахмад» или отмечает, что они написаны «Пером одной женщины». Многие ее статьи и стихи печатались в исфаганских газетах «Ахгар» и «Сепанта».

В 1941 г. у Жале умирает мать. Этот период был самым тяжелым для поэтессы. Почти в это же время она познакомилась с молодым офицером авиации, тоже борцом за свободу родины — Бади. Они вместе рабо-

سازگار
بهر آید
دوستی که
با دوستی
در باره وضع
به مردم
مما نبرد
دستگاه گران
و راز آزادی
میر
لا خود
سازگار
و دوستی
راه جان
میر
مقطوب
صفت توصیف
از مردم
که ای در
سال ۱۹۴۲
۱۶
مکتوب
دوره

سازگار
بهر آید
دوستی که
با دوستی
در باره وضع
به مردم
مما نبرد
دستگاه گران
و راز آزادی
میر

میر
سازگار
بهر آید
دوستی که
با دوستی
در باره وضع
به مردم
مما نبرد
دستگاه گران
و راز آزادی
میر
لا خود
سازگار
و دوستی
راه جان
میر
مقطوب
صفت توصیف
از مردم
که ای در
سال ۱۹۴۲
۱۶
مکتوب
دوره

سازگار
بهر آید
دوستی که
با دوستی
در باره وضع
به مردم
مما نبرد
دستگاه گران
و راز آزادی
میر

دعا کننده ادبیات در ایران گنجه آذربایجان

В 1945 г. Жале поступила в Тегеранский университет, где, обучаясь на факультете журналистики, оказалась между двумя известными поэтами — Малек ош-Шоара Бахаром и Нима Юшиджем. Один из них — «царь поэтов традиционного стиха, другой — царь поэтов нового стиха. Один — с тысячелетней древней персидской поэзией — Хафизом, Фаррохи, а другой — с новым словом и красноречием»¹⁰. В этом же году Жале вышла замуж за Бади, переехала в Табриз, где продолжила учебу в Табризском университете.

Жале радовалась победе Иранского Азербайджана и созданию в 1945 г. национально-демократического правительства, с которым она связывала надежды на счастливое будущее иранского народа. Активный член Народной партии, Жале выступает на митингах, клеймя позором политику произвола правящих кругов Ирана, обличая варварство, темпоту и невежество, царившие в стране. Эти чувства и высокий патриотизм питали творчество поэтессы, тесно связанное с передовой демократической литературой Ирана. Призывая массы к борьбе и восстанию, Жале становилась опасным врагом для реакционных кругов Ирана.

В конце 1946 г. реакция перешла в открытое наступление. В декабре 1946 г. были закрыты газеты «Рахбар» — орган НПИ, «Зафар» — орган Центрального Совета профсоюзов и другие прогрессивные газеты. Организации «Демократическая партия» Кавама, «Союз помещиков» и другие, а также сформированные ими террористические банды и войска зверски расправились с азербайджанскими патриотами.

Начались репрессии против интеллигенции. Режим военной диктатуры и полицейского террора душил всякую свободолобивую мысль, устанавливая жесточайший политический гнет в Иране. В конце 1946 г. Жале с семьей покинула родину и эмигрировала в Советский Союз. В эмиграции она училась 5 лет в Бакинском университете на филологическом факультете на азербайджанском языке. Она перевела с азербайджанского языка на персидский тысячу бейтов из стихотворений классиков и современных поэтов и несколько пьес известного азербайджанского драматурга Джаафара Джабарли. Здесь же, в Баку, вышел в переводе на азербайджанский язык сборник Жале «Ядегар» («Воспоми-

¹⁰ Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат/Фардае Иран. Тегеран. 1981. № 9. С. 557.

در فضائل با تو من به ایران
انگزان و سوز ز نظر

امروز
فرمودی
من کی خوشحال شدم
از مردی که
مخالف
عضو بودم
این نظرم بود در مورد آزادی ایران
که همه دشمنان به خواهر می صلیم که
بیت کفر تو هم گریه از ایران

тали в подполье и поклялись отдать все силы борьбе за свободу отчизны: он — мечом, она — пером. Спустя некоторое время они поехали в Тегеран, там хотели пожениться, но не успели, так как Бади был арестован с группой революционеров-патриотов и выслан в Керман. Жале откликнулась на это событие стихотворением «Бе афсаране زندани» («Заклоченным офицерам»), опубликованным в одной из тегеранских газет. В нем звучал призыв к свержению существующего режима в стране. Это стихотворение было переслано в тюрьму Бади и группе заключенных офицеров, и они каждое утро читали его. Большинство из этих офицеров впоследствии расстреляли⁸.

В июне 1946 г. по инициативе Общества культурных связей Ирана с Советским Союзом был созван Первый съезд иранских писателей. На нем был зачитан и обсужден ряд докладов по основным проблемам современной персидской литературы. В работе съезда принимали участие советские писатели А. Сурков, В. Инбер, Дадаш-заде, выступавшие с докладами о состоянии советской литературы. Будучи участницей этого съезда, Жале выступила со своим стихотворением «Эй, ба-нафше» («О, фиалка»), которое написано традиционным стилем.

На съезде обсуждались проблемы современной иранской прозы, поэзии, а также критики, подчеркивалась ее роль для дальнейшего развития литературы Ирана. Фатима Сайях и Э. Табарн подчеркнули в своих выступлениях, что современная иранская литература может развиваться только по пути реализма. Большинство участников поддержало их. «Поэты и писатели, — заявил Б. Аляви, — должны найти новых читателей, т. е. народные массы... Мы должны знать, что они хотят, и дать им это. Поэт и писатель — это путеводители общества, которые должны разъяснить и передать обществу то, что чувствует, но не может выразить простой народ. Поэты и писатели должны идти впереди народа и вести его за собой... Революционный поэт должен объяснить свои идеи народу»⁹.

После войны Жале участвовала в женском движении, была членом демократической организации женщин Ирана.

⁸ Эти данные известны автору из личной беседы с поэтессой в мае 1971 г.

⁹ Первый съезд писателей Ирана. С. 94.

من ایران
سازنده کشورم
بر
به ایران
از برای
دکتر
خواهم
نزد
من
عجب
ایمان بودم

хания»),¹¹, куда вошли в основном стихотворения, написанные в Иране. Позднее в Баку вышли еще два ее стихотворных сборника¹².

В Москву Жале впервые приехала в 1951 г. на декаду азербайджанской литературы и искусства, где выступала со своими стихами. Затем в 1954 г. с семьей (супругом и двумя сыновьями) уехала в Москву для продолжения образования, закончила аспирантуру в Московском Государственном университете им. Ломоносова и защитила кандидатскую диссертацию о жизни и творчестве Малек ош-Шоара Бахара. Включенная в поэтику М. Бахара, Жале в то же время не смогла скрыть свое пристрастие к новой поэзии и ее царю — Нима. Свое отношение к этому мастеру слова поэтесса выразила в статье «Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране», опубликованной на русском языке¹³. Это была первая статья о Нима, вышедшая в СССР.

До 1980 г. Жале занималась исследованием современной персидской и афганской поэзии в Институте мировой литературы им. Горького, что нашло отражение в ряде ее научных статей¹⁴.

За время пребывания Жале в СССР издано пятнадцать сборников ее стихов: три — на персидском¹⁵, пять — в переводе на русский¹⁶, три — на азербайджанском¹⁷, три — на таджикском¹⁸ и один — на узбекском¹⁹ язы-

¹¹ Жале. Ядегар. Баку, 1950.

¹² Жале. Шенрлар. Баку, 1955; Бир дасте гёл. Баку, 1958.

¹³ Жале Бади. Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. М., 1964. С. 319—339.

¹⁴ Жале Бади. Новая поэзия в современном Иране // Садои шарк. 1964. № 4. С. 10—14; Она же. Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. С. 319—339; Она же. Что такое новые стихи? // Садои шарк. 1966. № 2. С. 17—22; Она же. О «новой поэзии» в современном Иране // Иранская филология. Ташкент, 1966. С. 211—228; Она же. Произведения Хафиза в Советском Союзе. О переводах газелей Хафиза на русский язык. Тегеран, 1970; и др.

¹⁵ Жале. Зеде руд. Энтешарате «Данеш». М., 1965; Она же. Энтезар. Душанбе, 1969; Она же. Нагше джахан. М., 1981.

¹⁶ Жале. Стихи. М., 1960; Она же. Ожидание. М., 1967; Она же. Попутный ветер. М., 1970; Она же. Перелетные птицы. М., 1974.

¹⁷ См. сн. 11—12.

¹⁸ Жола. Модарон сулх мехаханд. Сталинобод. 1956; Жола Бадеть. Зинда руд. Душанбе, 1964; Жола. Хангоми вафо. Душанбе, 1974.

¹⁹ Жола. Калдирғоч. Тошкент, 1966.

ках. Многочисленные ее произведения печатались в периодической печати и передавались по радио.

Москва стала для Жале источником нового вдохновения, здесь проходит наиболее плодотворный и бурный период творчества поэтессы, чей талант обрел новые грани, качественные изменения.

В Москве поэтесса познакомилась с пролетарским поэтом Ирана Абулькасемом Лахути, с которым она переписывалась прежде. Жале считает Лахути своим учителем. Его революционная принципиальность, вера в светлое будущее своего народа служили примером для поэтессы.

Прославляя свободный труд советских людей, Жале никогда не забывала о своей родине, трудовом народе. Стихи об Иране, написанные ею в СССР, привлекают политической остротой и поэтической зрелостью.

Будучи членом Союза писателей СССР, делегатом съездов писателей СССР, Жале выступала на этих форумах с докладами о современной поэзии Ирана. Она много и увлеченно занималась изучением и переводом на персидский язык произведений В. В. Маяковского, К. Симонова и др. В этой связи примечательно, что в своем письме от 11 марта 1951 г. к Жале А. Лахути, основоположник пролетарской поэзии Ирана писал: «Я прошу Вас серьезно взяться за русскую литературу — произведения Пушкина, Лермонтова, Маяковского — всесторонне и глубоко изучить их. Не забудьте и о классической персидской поэзии. Изучая русскую литературу, Вы постигнете полноту ее реалистического содержания, его лаконизм и выразительность. Произведения же классической персидской литературы сохраняют национальную форму ваших произведений. В противном случае Вы не добьетесь гармонии между интернациональным содержанием и национальной формой»²⁰.

В 1985 г. в Лондоне была опубликована книга «Хар гули дарад»²¹ («Каждый цветок имеет свой аромат»), в которой собраны произведения советских писателей и поэтов, переведенные Жале в 1965—1977 гг. В сборник вошли произведения А. С. Пушкина, С. Есенина, М. Горького, Тараса Шевченко, Константина Симонова, Самада Вургуня, Расула Рзы, Мирзы Али Акбара Сабира, Расула Гамзатова.

²⁰ Архив поэтессы.

²¹ Хар гули буйи дарад. Тарджоме аз: Саман, Лондон, 1364 (1975);

За лучшие переводы и популяризацию произведений русской и советской литературы Жале награждена Почетными грамотами Союза писателей СССР. Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила поощрениями лучшие произведения, напечатанные в журнале в 1969 г. Среди них цикл стихов Жале «Любви золотой соловей»²². Ряд стихотворений Жале переложен на музыку²³. В Таджикском оперном театре была поставлена опера по поэме Жале «Парасту» («Ласточка»), музыку к которой написал таджикский композитор Фаттах Одинаев, а либретто — сама Жале. В опере повествуется о тяжелой жизни иранского народа, поднимающегося на борьбу за свои права.

После свершившейся антишахской революции, в результате которой пал деспотический режим и Иран был объявлен Исламской республикой, Жале смогла возвратиться в 1980 г. на родину. Поэтессе взволновала теплая встреча с соотечественниками. «Она не представляла того, что за эти долгие годы ожидания она возвратится на родину и большинство поэтов и писателей Ирана поспешат встретиться с ней; она не ожидала, что за время эмиграции 25 ее произведений будут переведены на языки народов Советского Востока, а также на курдский, чешский, вьетнамский и др. языки»²⁴.

В 1981 г. в Иране вышел сборник ее стихотворений «Агар хазар калам даштам» («Если бы я имела тысячу перьев») ²⁵, посвященных послереволюционному периоду в жизни страны. В предисловии к этой книге известный литературовед, поэт и общественный деятель, секретарь Народной партии Ирана (Туде) Эхсан Табарии писал: «Революционные деятели нашего поколения никогда не были вдали от народа. Этой крепостью революции мы называем произведения Лахути, Нушина и Жале, которых одновременно связывали и революция, и время»²⁶.

²² Огонек. 1970, № 1. С. 28—29.

²³ Композитор Эльга, стих. «Ожидание». Вокальный цикл на стихи поэтов Азии «Песни борьбы»; Композитор Габараев. Ленинград. 1958, стих. «Маленький чеканщик»; «Встань, человек!» — вокальный цикл на стихи Жале, 1964, композитор Альберт Пресленев (архив поэтессы).

²⁴ Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат. С. 557.

²⁵ Жале. Агар хазар калам даштам. Тегеран, 1981.

²⁶ Эхсан Табарии. Шаэри аз дибаче бар кетаб: Жале. Агар хазар калам даштам. Тегеран, 1981. С. 3.

Другой литературовед Каве Гоухарин в статье «Певцы свободы» отметил: «Хотя Жале на долгие годы разлучена с родиной и вынуждена находиться в эмиграции, она никогда не была оторвана от современной литературы Ирана. В своих стихах она выступает как глашатай свободы и искатель пути, по которому можно вывести страну из охватившей ее темной и страшной ночи. Созданные ею прекрасные картины — результат ее высоких помыслов и прекрасный образец поэзии нашего времени. Умело используя классические формы поэзии Ирана, она находила новые темы, мотивы в жизни народа. Стихи поэтессы вбирают в себя одновременно цвет и аромат классической поэзии Ирана и не лишены самобытности и новизны»²⁷.

Но счастье свидания с родиной было недолгим. Как известно, с конца 1981 г. в Иране начались массовые репрессии властей Исламской республики, направленные против авангарда рабочего класса — Народной партии Ирана. Предав идеалы и цели народной революции, правящие круги расправлялись без суда и следствия с десятками тысяч борцов — коммунистов и демократов. Начались бесконечные аресты и расправа.

Многие прогрессивные деятели Ирана, в том числе и писатели, вынуждены были эмигрировать из страны. Жале уехала в Лондон, где два года гостила у своего младшего сына. Здесь в 1983 г. вышел сборник ее стихотворений «Альборзе бишекаст» («Непокоримый Альбрус») ²⁸ и был подготовлен к печати очередной сборник произведений «Эй, баде шартэ» («О, попутный ветер») ²⁹, увидевший свет в 1986 г. В 1985 г. Жале вновь приехала в Москву, где продолжает свою творческую деятельность.

Многогранно и разнообразно творчество Жале. Ее стихи регулярно печатаются в журналах «Донья», «Сохан» и «Пеяме навин», «Фардае Иран», «Бидарийе ма» и др.

Многие произведения Жале, написанные ранее, были изданы много лет спустя в переводах на языки народов Советского Союза. По самим произведениям можно проследить, как росло мастерство поэтессы, какую

²⁷ Каве Гоухарин. Сорудсазе азади//Фардаи Иран. Техран. 1360 (1981). № 9. С. 595.

²⁸ Жале Солтани (Исфагани). Альборзе бишекаст (Маджмуэе аш'ар). Лондон, 1362 (1983).

²⁹ Жале. Эй баде шартэ. Маджмуэе шеър аз Жале. Лондон, 1365 (1986).

در سخن و دنیا بیزاران ۸۰ مکتوبات

در سخن
مکتوبات
طیبه
صفا
بیمه
نور
نقد
آد
۱۹۸۰
برای

محمود
رولف
ایر
ایک
نور
مکتوبات
ایر
نقد
آد
۱۹۸۰
برای

эволюцию претерпело ее мировоззрение, как сказалось это на идейно-тематическом содержании ее творчества. В мировоззрении и творчестве поэтессы четко выделяются два основных, качественно разных этапа, где прослеживается эволюция ее социально-политических и эстетических воззрений, обусловленная изменениями реальной действительности, окружающей среды, ее постоянной творческой работой, обогащением новыми знаниями. Первый — ранний период (от начала литературной деятельности) — с 1938 до 1946 гг., и второй — с момента приезда в СССР — с конца 1946 г. по настоящее время.

Поэзия Жале раннего периода пронизана чувством одиночества, неуверенности в своих творческих силах и возможности переделать мир. Поэтесса полна сомнений и покорности судьбе. Вместе с тем в отдельных стихах прослеживается неудовлетворенность действительностью, стихийный бунт против нее. Постепенно ее поэзия приобретает общественное звучание, стремление раскрыть и объяснить читателю причины социальной несправедливости в стране. Но пока Жале не может полностью осознать, постичь их, чтобы указать путь уничтожения зла.

Жизнь Жале в Советском Союзе оказала воздействие на мировосприятие поэтессы, что проявилось и в ее творчестве. Углубилось идейно-тематическое содержание ее произведений, обогатилась художественная палитра поэтессы. В СССР поэзия Жале достигает наивысшего расцвета.

تالی
ساز
سال
در
در

تالی
سال
در
در

Глава II

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА ЖАЛЕ (1938—1946 гг.)

К раннему периоду творчества Жале относятся первый стихотворный сборник «Голхайе ходру» (1944) и ряд неопубликованных стихов, хранящихся в личном архиве поэтессы. По этим произведениям, оставшимся вне поля зрения исследователей, можно судить о ее мироощущении в ранней юности. Эта поэзия раскрывает внутренний мир Жале, соединяющий в себе трогательные черты женской нежности, глубокого ума и героических порывов. Ранние произведения поэтессы важны как с точки зрения их литературных достоинств, так и исторической ценности. В них отражены многие стороны жизни довоенного Ирана и частично периода второй мировой войны.

«Голхайе ходру» содержит 98 разнообразных по жанру и содержанию стихотворений. В предисловии к сборнику Жале пишет, что она не прошла специальной школы поэтического творчества, не претендует на безупречность стиха и просит мастеров слова дать оценку ее работе.

Первые поэтические опыты Жале отмечены искренним стремлением передать в лирических стихах глубину своих переживаний, но ее творческая индивидуальность нередко оказывалась во власти довольно устойчиво сохранявшихся литературных традиций. Как известно, Исфаган, с его духом, культурой и богатой поэзией, немало содействовал созреванию поэтического таланта Жале. Не обретя еще собственных путей в поэзии и неизбежно касаясь проблем, созвучных тематике персидской лирики довоенных лет и периода второй мировой войны, Жале не могла в полной мере выразить свое отношение к событиям, поскольку далека была от понимания социально-политической действительности.

Стихотворения этого сборника «Канаре дарйа» («Берег реки»), «Барф» («Снег») проникнуты лиризмом и

новыми для иранской поэзии художественными образами. Природа представлена соучастницей страстей, тревог и настроений человека. Вместе с тем встречаются и такие экспрессивные, эмоциональные стихи, как «Мадар» («Мать»), «Бе йаде мадар» («Памяти матери»), «Бе мадарам» («Моей матери»), выражающие общепринятые этические представления и индивидуальные взгляды поэтессы, «Бейа бе фазле гул» («Приходи в сезон цветов»), осуждающие эгоизм, лицемерие и т. п.

Аскетизм, бегство от общества, упование на бога и жалобы на несправедливость судьбы — мотивы стихотворений поэтессы «Нуре хода» («Божий свет»), «Лине махаббат» («Правила любви»), «Деле ман» («Мое сердце»), «Лаззате шади» («Радость наслаждения»), «Бар бале абр» («На крыльях облака»), в стихотворении «Галбе хасед» («Сердце завистника») поэтесса осуждает человека-завистника¹.

В стихотворениях «Правила любви» и «На крыльях облака» Жале ропщет на свою несправедливую судьбу, а затем сама говорит о бессмысленности этих жалоб.

На мою долю с самого начала выпала горькая судьба,
Никто не в состоянии бороться с судьбой.
Как можно умом и старанием изменить судьбу?
То, что нам предназначено, не подлежит изменению².
«Правила любви».

Жале верит в фатальную неизбежность всего происходящего, бесполезность сопротивления, протеста и проповедует безропотную покорность. В этом же стихотворении раскрываются чувствительная и возвышенная душа поэтессы, сокровенные тайны ее сердца. Она выражает свое отношение к любви, не потусторонней и сакраментальной, а земной. Непременным атрибутом любви она считает

Целомудрие и прямоту — основа любви,
Так как в настоящей любви не может быть хитрости и обмана³.

Но центральное место в рассматриваемом поэтическом сборнике занимают конкретные человеческие чув-

¹ Голхайе ходру. С. 1, 3—5.

² Там же. С. 4. (Переводы стихотворений здесь и далее выполнены нами).

³ Там же.

ства, жизнь души, которая активно познает мир и томится, радуется, молит, просит, негодует, ужасается.

Пытливый ум Жале ищет ответа на многие волнующие вопросы. Однако на раннем этапе ее творчества эти искания весьма отвлеченные, ибо поэтесса еще не разобралась в своих устремлениях, нравственном и социальном идеале. Она обращается к облаку с просьбой:

О, облако, посади меня на свои крылья,
Я хочу взлететь на одно мгновение на небеса⁴.
«На крыльях облака».

Чтобы увидеть:

Что это за сверкающая звезда,
Которая улыбается издали⁵?
«Сверкающая звезда».

Мысленно поднявшись на небеса, Жале спрашивает у луны:

О, новая луна, что ты делаешь на куполе небес?
На утомленной колеснице одна, что ты делаешь?
За облаком свое слабо освещенное лицо
Иногда скрывая и иногда показывая, что ты делаешь⁶?
«Махе ноу» («Новая луна»).

Затем поэтесса поведала свою тайну и желание луне. «О, луна, выслушай мою тайну и желание. Посмотри, как опустошена и пленена моя душа» («Раз ва ни-ёз ба мах» — «Свидание с луной»)⁷. Но небеса не внимают ей, и она вновь остается наедине со своими мыслями, оставаясь такой же далекой, взволнованной, очарованной и печальной Жале. Такое эгоцентрическое самосозерцание — одна из центральных тем классической поэзии.

Свои поиски идеала поэтесса переносит на природу. То она сидит у моря на камне, слушая песню волны об ушедшей жизни («Канаре дарйа» — «Берег реки»)⁸, то на берегу реки Карун («Карун»)⁹, наслаждаясь песней рыбаков.

Природа предстает перед поэтессой преисполненная глубочайшей мудрости: она не только объект поклонения, но и сила, ведущая к слиянию созерцающего с объ-

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 17.

ектом созерцания («Баде бахар» — «Весенний ветер», «Бахаре мотаджаддед» — «Весна обновления» и др.)¹⁰

Однако раннее творчество Жале не ограничивается лишь субъективистской поэзией, исключавшей изображение реальной действительности. Поэтесса воспевае

извечное стремление человека к счастью. В первом сборнике Жале есть стихотворения, со держащие социальные мотивы. В стихотворении «Дар поште миз» («За столом») поэтесса задумывается на социальную несправедливость, царящей в иранском обществе:

Задумайся над своей судьбой, о, угнетенный народ!
Тот человек, который восседает за столом, — тиран!¹¹

В этом стихотворении поэтесса, с одной стороны, изображает человека, пребывающего на верхней ступеньке общественной иерархии, а с другой — бедствующий народ. Одни пользуются всеми благами жизни, а другие лишены самых элементарных условий существования. Жале называет первых «ворами» и говорит, что «они гораздо хуже тех воров, которые нападают на караваны». А куда бы ни обратился с жалобой народ, он нигде не встречает поддержку, ибо «один вор всегда охраняет и защищает другого». «Что же делать, — заключает поэтесса, — если сила золота сильнее силы со вести?».

Но поэтесса говорит:

Сегодня, пока он у власти, он угнетает народ,
Завтра, потеряв ее, он станет никем!¹²

Тема социального неравенства затронута Жале и в стихотворении «Кудаке йатим» («Сиротка») ¹³. В нем рассказывается о судьбе мальчика, потерявшего родителей. Все гонят и смеются над бедным сиротой. Здесь звучат сочувствие и тревога за судьбу обиженных и обездоленных. Но такое сочувствие не носит характер активного гуманизма, возвышающего человека, зовущего его на борьбу за прогресс и процветание общества, за свое счастье. Торжествующие в ранних произведениях Жале добро и справедливость абстрактны, они являются больше волей автора, сочувствующего своему народу.

¹⁰ Там же. С. 10, 25.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Молодая поэтесса обращается также к волнующему ее вопросу — эмансипации женщины. Эта тема в творчестве прогрессивных поэтов и писателей современного Ирана — явление не новое. Стремление избавить женщину от бесправного, угнетенного положения вдохновляло многих иранских поэтов на создание прекрасных произведений.

Лучшие поэты Ирана XX в. написали много стихов на эту тему. Среди них Иредж Мирза и М. Бахар. Еще в 20-е годы Иредж Мирза одним из первых выступил в защиту прав иранской женщины¹⁴. Страстный поборник женской эмансипации, гуманист и просветитель, он протестовал против обычая ношения чадры.

Вопрос о снятии чадры в те годы был одним из самых острых в ряде вопросов, возникших в 20-е годы в Иране в связи с требованием раскрепощения женщины¹⁵. Иредж Мирза считал, что освобождение иранской женщины должно начаться прежде всего с ликвидации унижающего ее обычая ношения покрывала, который мешает ей духовно развиваться, обрекая на темноту и невежество. Он призывал женщин сбросить чадру, отгораживающую их от внешнего мира. Иредж Мирза утверждал, что женщине нужна не чадра, а истинное целомудрие, которое она обретет, когда получит образование и займет в обществе равное с мужскойположением. Такого же мнения в 30—40-е годы придерживался и Бахар. Оба поэта сыграли немалую роль в формировании творчества Жале. Учеба у старших товарищей по перу была весьма плодотворной, творчество поэтессы обогатилось разнообразными художественными приемами и формами в отображении этой темы.

Женской теме посвящены стихотворения Жале «Зибайи бе хударайи нист» («Украшения не определяют красоту»), «Эфтехаре зане дана» («Гордость просвещенной женщины») и «Саадате зан» («Счастье женщины»).

После того, как в 1935 г. в Иране был обнародован декрет о снятии чадры, что само по себе еще не разрешило женского вопроса, нашлись противники этого документа. Приветствуя своих подруг, снявших чадру,

¹⁴ Подробнее см.: Ворожейкина З. Н. Иредж Мирза. Жизнь и творчество. М., 1961. С. 65—93.

¹⁵ Подробнее см.: Яукачева М. Женщина в персидской прозе. Ташкент, 1964; Ее же. Современные прогрессивные поэтессы Ирана. Ташкент, 1978; Климович Л. И. Ислам и женщина. М., 1958.

поэтесса возмущается теми, кто воспротивился реализации этого декрета.

Я слышала, что в Тегеране толкуют о чадре,
Находятся люди, которые хотят,
Чтобы женщина все еще страдала.
Кто требует это? Что за шумиха?
Кто сторонник этих речей?
Разве говорится в исламе,
Что женщина должна жить в саване?¹⁶

Но женщина, снявшая покрывало, по-прежнему была лишена политических прав, экономически зависима от мужчины, не стала еще равноправным членом общества, не заняла достойное место в семье, еще не был изжит жестокий обычай женского затворничества.

Жале хорошо понимала, что семья — важнейшая ячейка общества, а женщина не только жена и хозяйка, но и воспитательница будущего поколения. Так же, как Иредж Мирза и Бахар, поэтесса видела выход из создавшегося положения в просветительстве, чтобы бороться за свои права, женщина должна учиться.

Гордость мудрой женщины — не золото и украшения.
Женщина, которая не обладает ремеслом и искусством,
является униженной и обузой.
Постигай науку и знания вместо увлечения золотом и серебром,
Так как обладающий искусством не является рабом
золота и серебра.
Невежество и необразованность женщины — причина ее несчастий¹⁷.

Но этот призыв к просвещению и знаниям завершается риторическим заключением поэтессы: «Что делать, если в этой стране нет просвещения?»

Любовью и скорбью проникнуты стихотворения Жале «Бейаде мадар» («Памяти матери») и «Бе мадарам» («Моей матери»), посвященные умершей матери, которая была ей очень близким другом. Используя яркие сравнения, поэтесса обращается к своей матери:

О, дорогая моя мама, о, мое утешение,
Звезда моего счастья, о, весна моя.
Любимая моя, ангел мой, желанная моя.
Ты мой сад, цветок мой, цветник тюльпанов.
О ты, от разлуки с которой загублена моя жизнь,
Встань, взгляни, как текут мои дни¹⁸.

¹⁶ Жале. Голхайе ходру. С. 25.

¹⁷ Там же, С. 24—25.

¹⁸ Там же. С. 22.

Это стихотворение — цепь образных сравнений. Образ матери в поэзии Жале имеет, с одной стороны, богатое конкретное индивидуальное содержание, как образ именно ее матери, реальной женщины, а с другой — соприкасается и переходит в метафоры, символы Матери-Земли, Матери-Родины, также проходящие через все ее творчество, явно или скрыто присутствующие и в ее лирике последних лет.

Стих ранней поэзии Жале весьма своеобразен. Она глубоко освоила размеры персидского классического стихосложения и успешно использовала их в своем творчестве. Сборник «Голхайе ходру» написан традиционной метрикой стихосложения, которой она строго следует, внося лишь незначительные изменения в их структуру. Здесь молодая поэтесса использовала формы газели, маснави, кыт'а, рубай, таркибанды и т. д. «Почти во всех стихотворениях сборника она придерживалась традиционной касыдно-газельной рифмы (ав сб), повсюду редиф»¹⁹.

Ранний период творчества Жале отмечен широким использованием образов классической поэзии, что связано со столь же традиционными мотивами стихов, как правило, ограниченных рамками субъективных переживаний поэтессы. Влюбленный зачастую изображается безумцем («Маджнун») или поющим соловьем («Болболе газалхан»), заточенным в клетку собственных страстей («Гафас»). Он постоянно стонет и плачет («Налейе фарйале фаган») по поводу разлуки с возлюбленной («Хаджран»), губы которой неизменно сравниваются с рубинами («Ла'ле йагут»), а лицо — с луной («Мах»).

Некоторые черты образности и стиля Жале определялись уже в раннем периоде. Для нее характерны сдержанность и лаконичность выражения. Так, в стихотворении «Эшг ва афаф» («Любовь и нравственная чистота») влюбленный убеждает возлюбленную не быть гордой в этой быстротечной «двухдневной» жизни.

От возбуждающих слов роса, подобно слезе,
Позвилась на глазах нежной розы²¹.

В другом стихотворении «Ранге чашмха» («Цвет глаз») читаем:

¹⁹ Кляшторина В. Б. Современная персидская поэзия. Очерки. М., 1962. С. 36.

²⁰ Архив СП Азербайджана. 1946 г.

²¹ Образ основан на игре слов. Жале по-персидски — роса.

Я видела возле речки зеленый лист,
Который только что распустился на кусте,
Я сказала, что этот лист очень красив,
Напоминает цвет глаз любимого²².

Обращение Жале к актуальным проблемам современности уже на этом этапе значительно обогащает лексику ее произведений: в них начинают затрагиваться темы социального неравенства и реалистически изображаться страдания народа.

В своих стихотворениях поэтесса, «подобна обезумевшему художнику», который, стоя перед мольбертом с кистью в руке, смотрим по сторонам, чтобы выбрать самый красивый пейзаж и изобразить его. Так и Жале нигде не ошибается в своих сравнениях. Для поэтессы достаточно двух пожелтевших листков, чтобы сказать:

Ты, подобно слезе сирот, блестяшь.
Ты, подобно памяти влюбленных, чист²³.
«Барге теллайи» («Золотистый лист»).

Такое мнение о ранней поэзии Жале высказал Сепанта — кинематографист, артист и поэт Ирана²⁴.

Как видим, стихотворения Жале довольно противоречивы. С одной стороны, им присуща эгоцентрическая замкнутость в узких рамках субъективных переживаний: одиночество, неуверенность в будущем, безразличие к земной жизни, покорность судьбе. Однако статическое опенение чувств иногда нарушается неудовлетворенностью и даже протестом. Недовольство поэтессы перерастает рамки личного, оно вызвано порочностью общественных устоев и окружающей действительности. Мотивам аскетической отрешенности противостоят картины бедственного положения народа, что говорит о стремлении вызвать у читателя чувство сострадания. Пессимизм и настроения обреченности сочетаются с протестом против несправедливости и бесправия, хотя поэтесса еще не видит реального пути к освобождению от социального неравенства.

Центральной темой поэзии Жале становится судьба «маленького» человека. Значительные политические, общественные события происходят где-то далеко от него, от самой поэтессы и поэтому не входят в сферу ее духовной жизни. Ее поэтическое воображение ограни-

²² Архив СП Азербайджана. 1946 г.

²³ Жале. Голхайе ходру. С. 19.

²⁴ Рузنامه-е Сепанта, 1333/1954, № 54.

чено изображением жизни «маленького» человека, зажатого тисками существующих в Иране порядков. В то время Жале еще смутно представляла себе передового поэта в обществе. Но жизненный опыт поэтессы определил ее поиски пути в жизни и поэзии.

40—50-е годы двадцатого столетия отмечены подъемом литературной жизни в Иране. Как уже говорилось, после падения диктатуры Реза-шаха, под давлением народных масс в стране были проведены мероприятия, ослабившие полицейский режим. Происходили перемены и в общественной жизни — росли и крепились демократические силы, создавались прогрессивные организации.

Перед прогрессивной литературой встают новые задачи. В своих произведениях писатели и поэты стремятся осмыслить исторические судьбы иранского народа, раскрыть роль простых людей и особенно рабочего класса в освободительном движении. В эти годы прогрессивная персидская поэзия пополнилась многими замечательными произведениями, отображающими общественно-политические сдвиги, происходившие в стране, указывающими трудящимся путь освобождения от засилья иностранного капитала и феодального гнета. Иранские поэты и писатели демократического направления становятся последовательными борцами за свободу и независимость страны.

Персидская поэзия 40-х — начала 50-х годов не перетерпела коренных изменений в форме. По-прежнему в ее основе лежит система аруза. Но именно в те годы происходят энергичные поиски новых форм и стиля как результат все большего осознания передовыми поэтами преимуществ реалистического метода и их стремление превратить поэзию в искусство отражения жизни со всеми ее горестями и радостями, в искусство отражения глубоких чувств и переживаний человека с возвышенными и благородными идеалами.

Как известно, Нима Юшидж еще в 20-е годы отказался от подражания древним стихам, пошел по пути подлинного новаторства, став основоположником «нового стиха».

Существенно изменилась тематика персидской поэзии. Все решительнее и острее звучала критика буржуазных и фашистских порядков; поэты обращают свои взоры туда, откуда восходит солнце свободы и прогресса, мечтают о счастье своего народа.

Большое развитие получили сатира и юмор. Сатири-

ческий журнал «Челенгар» в 40-х годах был знаменем боевой сатиры, рупором смелой и передовой части иранского общества. Редактором журнала «Челенгар» был Мохаммед Али Афраште. В 50-х годах «Челенгар» был запрещен, а его редактор вынужден был эмигрировать.

В рассматриваемый период процветала и поэзия другого свойства. По-прежнему страницы тегеранских газет и журналов заполняли касыды, абстрактно-сентиментальные и любовные газели, обращенные к таинственному кумиру, многочисленные философские четверостишия с неясными намеками, загадочные по смыслу.

Немало печаталось реакционных стихов, направленных против всего демократического, подбадривающих тех, кто мечтал о полном восстановлении старых порядков в Иране. Однако такие стихи, чуждые основной массе населения страны, успеха не имели.

Все эти перемены оказали влияние на молодую поэтессу, которая находилась в ряду прогрессивных поэтов. Стремление понять историю народа, его величие и трагедию, постичь все с позиции идеалов гуманизма способствовало духовному росту Жале.

Бурные социально-политические события, происшедшие в Иране в середине 40-х годов, открыли перед поэтессой суровую правду жизни, и ее общественно-политические и эстетические взгляды претерпевают серьезные изменения. Перелом этот (вторая половина 40-х годов), означавший рождение Жале как последователя критического реализма, назревал постепенно и был подготовлен впечатлениями от поездок по стране и знакомством с прогрессивными писателями и поэтами, в произведениях которых звучит страстный протест против устоев, порядков, угнетавших человека.

Жажда общественного служения и духовного обновления утрачивает характер неясного, пассивного томления. В поэзию Жале вторгаются новые настроения и интонации. Существенное внимание она начинает уделять проблемам труда, безрадостной судьбе труженика. Эта тема, наряду с патриотическими мотивами, становится центральной в ее поэзии. С большой убедительностью и психологической достоверностью поэтесса создает четкие реалистические картины жизни иранских тружеников, вынужденных работать за нищенскую плату:

В Кермане к боям городским
Бредет голодный люд,
Чтоб кровь животных собирать
В большие чаши тут.

Стоит в отрешках человек,
Худой, босой и нищий,
И собранная эта кровь
Ему послужит пищей...²⁵
«Иран».

Наряду со стихами, проникнутыми симпатией к простым труженикам, поэтесса выражала резкую неприязнь к тем, кто посягал на их благополучие. Жале Исфгани писала полные патриотического гнева стихи о засилье иностранного капитала в стране, расхищении нефти и других природных богатств страны, в то время, как иранский народ голодал.

В тесной связи с такими произведениями находятся стихи поэтессы, клеймящие внутреннюю реакцию. Не приукрашивая действительность, поэтесса рисует потрясающие горькой правдой картины безрадостного, изнурительного труда иранского рабочего на нефтяных промыслах. Она прокликает продажных правителей страны, раскрывает перед читателем их истинное лицо:

И в Исфгане есть бездомный темный люд.
Они среди белых плит на кладбищах живут.
А в Абадане — там грызут худые детки
Лишь кости фиников да пальмовые ветки...

И в этих областях нефть наша день и ночь
Течет за рубежи, от нас уходит прочь.
И нас она, увы, не греет и не светит.
Все так же в хижинах, и сыро, и темно.
Богатством нашим нам владеть не суждено!²⁶
«Иранская нефть».

И поэтесса заканчивает свое стихотворение, обращаясь к народу:

Когда же, наконец, мой народ, ты спину разогнешь?
О, сад страны моей, когда ж ты расцветешь?

Ее поэзия все более насыщается социальными мотивами. Выражая в своих стихах страдание и боль за угнетенный и обездоленный народ Ирана, рисуя его бедственное положение, вскрывая причины социального неравенства, поэтесса стремится вызвать у читателя чувство сострадания и протеста против социальной несправедливости, конкретных условий иранской действи-

²⁵ Жале. Стихи. М., 1960. С. 33.

²⁶ Там же.

тельности 40-х годов. Рабочая тема в творчестве Жале
нашла выражение преимущественно в изображении тя-
желых условий жизни и труда рабочих.

Особое место в поэзии Жале занимала женская и
детская темы. В печальной судьбе женщин, которые,
как мы знаем, испытывали двойной гнет, в их
стремлении вырваться из темноты неволи к свободе и
свету, поэтесса воплотила мечту всех иранских женщин,
жаждавших освобождения.

В 40-е годы иранская женщина добилась некоторо-
го улучшения своего положения: она получила возмож-
ность работать в государственных и частных предприя-
тиях и учреждениях. Хотя женщины получили право не
носить чадру, учиться в школах и институтах, тем не
менее они оставались самыми обездоленными, отстающи-
ми женщинами мира. Они были лишены политических
прав. По избирательному закону Ирана все женщины
наряду с ворами, убийцами, нищими, бродягами и мо-
шенниками не имели права участвовать в выборах в
меджлис и сенат, а также быть избранными в эти уч-
реждения. Что же касается выборов в провинциальные,
областные и городские энджумены, то в законе о вы-
борах ничего не говорилось о правах женщин. Но фак-
тически женщинам до 1963 г. не разрешалось участво-
вать в выборах в эти органы²⁷.

Бесправное положение иранских женщин, устране-
ние их из общественно-политической, и в значительной
мере из экономической жизни страны — один из вар-
варских пережитков средневековья. Вследствие этого
половина населения Ирана почти полностью исключалась
из активной жизни, что препятствовало экономиче-
скому и политическому развитию страны.

В стихотворении «Судобэ» поэтесса описывает судь-
бу женщины, вынужденной работать на фабрике из-за
того, что ее муж заключен в тюрьму и все заботы о де-
тях легли на ее плечи. На работу женщина брала са-
мого младшего ребенка и прятала его в мусорный ящик,
приходя во время перерыва покормить его. И вот од-
нажды ребенка не оказалось на месте: вместе с мусо-
ром он был выброшен на свалку.

Нельзя без волнения читать стихотворение Жале
«Дороти» (1944) о женщине-матери. В основе его —
подлинный факт: в одном из городов США мать, чтобы

²⁷ Иванов М. С. Иран в 60—70-х годах XX в. М., 1977
С. 133.

спасти от голодной смерти двоих детей, продала свои
глаза:

Ох, я освобожусь от горя и забот,
Я имею сегодня две драгоценности,
Два озера — два глаза,
Я продам их за десять тысяч долларов²⁸.

Бедную мать охватил ужас, когда она поняла, что
ее ожидает завтра, она возмущенно кричит покупателю,
что «глаза ее не продаются, ведь они светоч человека».
Но безгранична материнская любовь, посмотрев на сво-
их голодных и истощенных детей, мать подавила в себе
отчаяние и пошла на самопожертвование.

Стихотворение «Шуштер» (1945) — своего рода тро-
гательная колыбельная песня слепой матери, одной из
многих, проживающих в Шуштере, — иранском «городе
слепых». Большинство жителей этого города ослепли от
трахомы, которая свирепствовала там. В этом произве-
дении дана яркая картина чудовищной эксплуатации и
нищеты иранских рабочих:

..Таков Шуштер,
Та мать — народного несчастья пример,
Там всюду скорбным стоном песня эта
Встает из жалких нор, лишенных света.
Там страшный спутник есть у нищеты.
О нем услышав, содрогнешься ты.
Трахома — вот кто спутник тот свирепый!
Там стар и мал, куда не глянешь, слепы.
Живут с рождения горемыки те
В крошечной темноте...²⁹

(Перевод с фарси Ц. Бану).

Иранские женщины в то время были в значительной
степени оторваны от общественной деятельности, и, от-
граничиваясь рамками семейных и бытовых отношений,
не могли существенно воздействовать на социальные ус-
ловия. Современная иранская женщина уже не хочет
мириться с таким положением.

В борьбе за раскрепощение и завоевание политиче-
ских прав прогрессивно настроенные женщины созда-
вали различные организации. Стремясь отвлечь женщин
от борьбы за политические права, власти пытались под-
чинить своему влиянию женские организации и направ-
лить их активность в русло благотворительной деятель-

²⁸ Жале. Модарон сулх мехоханд. Душанбе, 1956. С. 37—38.
(Написано в Иране).

²⁹ Москва. 1959. № 6. С. 149.

ности. Множество женских организаций появилось в Иране после отречения Реза-шаха. В 1944 г. был создан Совет иранских женщин.

Наиболее массовой женской организацией, действовавшей в Иране в годы второй мировой войны и после ее окончания, была Демократическая организация женщин, примыкавшая к Народной партии Ирана и входившая в Международную демократическую федерацию женщин. Председатель ее — Марьям Фируз писала: «В Иране первый, кто смело заговорил о женщине и ее правах, была Народная партия Ирана»³⁰. Эта организация требовала предоставления женщинам избирательных и других политических прав, уравнивания их в правах с мужчинами в семейной жизни, в оплате труда, а также предоставления льгот по беременности и родам работающим женщинам.

Полная кипучей энергии, Жале на собственном примере стремится показать, что женщина может и должна принять участие в общественной жизни, подняться на защиту своих прав и прав своих детей.

В стихотворении «Хиз ке манди агаб аз карван!» («Встань, ты отстала от каравана!»), написанном в 1944 г., поэтесса обращается к иранской женщине:

О, моя иранская счастливая женщина!
Новый цветок моего разрушенного цветника...
...Доколь ты будешь жертвой негодяев?
Доколь ты будешь скрываться под чадрой?
Пребывать в неведении о мирских делах?
Почему ты закрываешь свое сверкающее лицо?
Хватит рабства, слез, унижения.
Хватит закабаления, позора и горя!

Жале призывает иранскую женщину:

Старайся, о ты, достойная, чтобы тебя видел мир.
Пока твои права не растоптаны,
Будь трудолюбивой, будь проворной, ловкой и смелой...
...Нужно, чтобы ты стала депутатом и министром.

И заключает это стихотворение призывом:

Встань, ты отстала от каравана!³¹

Женщина будущего представляется поэтессе свободным, полноправным членом общества.

³⁰ Цит. по кн.: Яукачева М. Женщина в персидской прозе. Ташкент, 1964. С. 61.

³¹ Архив поэтессы.

Одна из злободневных проблем для Ирана в 40—50-е годы была жестокая эксплуатация детского труда. «Дети в возрасте от 6 до 12 лет составляли около 25% рабочих фабрично-заводской промышленности. В ковровых мануфактурах и мелких промышленных предприятиях число детей достигало 30—40% общего числа рабочих»³². Рабочий день малышей длился 12—14 часов, а зарабатывали они втрое меньше взрослых. Массовая безработица и нищета в первую очередь отражались на детях. «Тысячи детей в Иранском Азербайджане, Курдистане, Хорасане и в других провинциях умирают от голода и болезней. В Тегеране тысячи детей промышленного нищенством. Бывали случаи, когда отчаявшиеся матери умерщвляли своих детей, чтобы избавить их от мук голодной смерти»³³.

Горестная судьба маленьких тружеников привлекла внимание прогрессивных общественных деятелей, писателей. Тема обездоленного, бесправного детства нашла отражение и в поэзии Жале этого периода. Повествуя о безрадостной судьбе детей — жертвах социального гнета, поэтесса обличает общественный строй, в котором живут иранские дети. Ее стихотворения «Иран» («Иран»), «Нафте Иран» («Иранская нефть»), «Куда-ке галамзан» («Маленький чеканщик») посвящены детям, лишенным родительской ласки, материнской любви, заботы и даже домашнего крова.

Жале гневно клеймит тех, кто повинен в несчастьях детей, осуждает социальный строй, при котором они лишаются детства и вынуждены вести тяжелую, яростную борьбу за существование. Так, в стихотворении «Иран» мы читаем:

Я помню Абадан
Горячим летним днем,
Что вспомнить я могу о нем?
Квартал роскошный и
домишки-развалюхи,
где люди умирали с голодухи.
На детях исхудалых нет лица —
они желты,
костлявы, как сухие деревца,
но вздуты животы:
ребята эти,
позабывшие веселье,

³² Башкиров А. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. М., 1948. С. 19.

³³ Османова З. Г. М. Горький и литература Ирана. М., 1961. С. 49.

червей из грязного ручья,
отраву ели³⁴.

Нарисовав мрачную картину подневольного труда семилетнего мальчика в стихотворении «Маленький чеканщик» (1949), Жале выразила веру, что он преодолевает все трудности, невзгоды и отстаивает свое право на счастье:

О, малыш, владеющий ремеслом гравера!
В углу сырой ювелирной мастерской
Этими маленькими ручками что ты делаешь?
Это работа или игра?

О, малыш, владеющий ремеслом гравера!
Твой труд дарит богатство богатым хозяевам.
Каждый вечер на их скатерти в этой красивой посуде —
Сладости и напитки.

Сегодня гравируй изящным молотком,
Завтра ты станешь, подобно именитым и сильным
мужчинам,
Твоим большим молотком колотить по голове врагов,
Твой день — завтра!³⁵

Пафос стихотворению придают риторические вопросы, с которыми Жале обращается к мальчику. Патетический призыв к борьбе, завершающий стихотворение, еще более усиливает его взволнованность. Однако в те годы поэтесса еще не видит реального выхода из тяжелого положения народа, еще не полностью сознает роль революционных сил и тенденций в общественном развитии.

Жале неустанно искала идеал, в борьбе за который можно было бы отдать жизнь. Постепенно, обретая жизненный опыт, она постигает закономерности общественного развития, место и роль искусства в общественной жизни. В 1946 г. появились стихотворения Жале, свидетельствовавшие об усилении демократических мотивов в ее творчестве. Поэтесса перестает быть просто наблюдателем со стороны после вступления в ряды Народной партии Ирана. Находясь в самой гуще событий, она ощущает себя частицей народа, чувствует себя вправе говорить от его имени. В эти годы Жале обращается к жанрам агитационной поэзии. В агитационных стихах она непосредственно откликается на происходящие политические события в стране. Эта сторона творчества Жале созвучна творчеству В. В. Маяковского.

³⁴ Жале. Стихи. С. 40.

³⁵ Жале. Зенде руд. С. 58.

Так, постепенно она становится активным участником социально-политической жизни Ирана.

Как член Народной партии, Жале выступает со своими стихами на митингах и в печати, на страницах органов НПИ «Рахбар» и «Мардом», ставших для поэтессы боевой трибуной.

Отныне Жале не удовлетворяет только критика господствующих классов и пассивное сочувствие народу, она ищет пути к изменению социальных отношений, становится активным борцом против угнетения трудящихся, союзником и помощником рабочих и крестьян.

Поиски героя — защитника справедливости, борца против угнетения — наиболее характерная и важная черта ее творческой деятельности второй половины 40—50-х годов.

Творческий метод поэтессы обуславливали конкретные исторические обстоятельства, формировавшие ее мировоззрение. Она напряженно вслушивалась в ритм времени, улавливая в нем то, что было особенно близко, созвучно ее настроению и мировосприятию. У нее эмоция переходит в мысль, вначале тоже мятущуюся в трудных поисках главного, а затем приводящую к этому главному — к человеку. Любовь и ненависть, человеческая боль и протест против всего, что порождает ее, слиты в Жале воедино.

Переход к действенному гуманизму, к общественному служению особенно четко обозначился в стихах «Маме михан дар энтезаре ту аст» («Родина-мать ждет тебя»), «Рахе ноу энтехаб байад кард» («Нужно избрать новый путь»), «Тебриз» («Табриз»). Лиризм этих стихотворений носит патетическую окраску. Автору близки и понятны горе и страдания трудящихся Ирана, она сама страдает вместе с ними.

Помыслы Жале в эти годы упорно обращаются к революции, в которой она видит единственный путь избавления от социального неравенства. Она почувствовала силу революционного народа, увидела его в борьбе и поняла законность ненависти к угнетателям.

О, угнетенные, вставайте смелее,
О, вы нищие, восстаньте теперь,
Каждый, кто хочет свободы для народа,
Для свержения гнета пришла пора³⁶.

В ряде стихотворений дается собирательный образ массы, народа, которых поэтесса призывает бороться.

³⁶ Жале. Ядегар. Баку, 1950. С. 4.

Торжественным гимном звучат строки о силе народной (народ, подобный льву) в стихотворении «Родина-мать ждет тебя».

О, угнетенный народ Ирана,
Подобный льву, до каких пор ты будешь спать в сети?
Открой глаза и трудись.
Вставай и разорви цепи³⁷.

В этом стихотворении возникает картина жизни двух миров — народа и процветающей буржуазии. «Какое лекарство есть от твоих болезней?» — обращается к народу поэтесса. — Кто облегчит твою трудную работу? Все, чем пользуются господа, — это создано твоим потом, это твое состояние, народ. Это результат твоего труда, твоей земли», — говорит она далее и в заключении призывает:

Единственный твой друг — это твоя энергия,
Это усилие и твой славный труд.
Вставай, о, спящий лев Ирана!
Родина-мать ждет тебя!³⁸

Жале поднимается до гневного протеста против социального неравенства, царящего в эксплуататорском обществе. Она видит нищету и угнетение народных масс и не может примириться с несправедливостью существующего строя. Мало верить в светлое будущее народа — его нужно завоевать. Призыв к революции, к свержению монархии звучит в стихотворении «Рахе ноу эн-тэхаб байад кард» («Нужно избрать новый путь»):

Устарел режим салтаната,
Нужно избрать новый путь,
Несчастному народу Ирана
Нужно рассказать о революции.
Не оставить никаких следов салтаната,
На этом пути нужно спешить,
Нужно отдать в музей шахскую корону,
Дворец шаха нужно разрушить³⁹.

Если в ранних стихах поэтесса как бы растворяется в массах и говорит от их имени, их языком, то здесь она не отождествляет себя с народом, она — трибун, поднимающий простой люд на борьбу. Жале утверждает, что никогда в истории человечества правитель, монарх

³⁷ Архив СП Азербайджана. 1947 г.

³⁸ Там же.

³⁹ Архив поэтессы.

добровольно не уступал власть народу. Это стихотворение, написанное в форме газели, — острая политическая лирика, бичующая реакционный режим в стране. Поэтесса заканчивает его призывом к борьбе за свободу:

Устарел режим деспотизма,
Нужно избрать новый путь.

Стремление направить массы на политическую борьбу, призывы к революции, которая уничтожит угнетателей и пробудит Иран к новой жизни, во многом определяют содержание поэзии Жале, формируют ее революционную символику.

Тема борьбы народа за свободу — лейтмотив большинства произведений поэтов-патриотов Ирана. В творчестве Жале эта тема значительно обогащается художественными образами, воспевающими непоколебимую волю угнетенных в их стремлении к свободе. Так, в стихотворении «Свобода» уже нет абстрактных призывов «быть преданным свободе», раздумий о преимуществах «вечера на воле перед утром угнетения и мучений», присутствующих в ранних стихах Жале, в нем слышится сильный, решительный голос борца-патриота, посвятившего жизнь освобождению трудящихся масс от угнетения:

Вся жизнь посвящена тебе, свобода!
И юность беспокойная моя,
И слава недостойная моя.
Любовь моя, надежда и стремленья,
Все, все тебе посвящено, свобода!⁴⁰

Это стихотворение проникнуто стремлением придать людям уверенность в своих силах, укрепить их волю, мужество.

В связи с созданием в Южном Азербайджане национально-демократического правительства поэтесса пишет стихотворение «Табриз» (1944):

Однажды Табриз преисполнился веселья,
Всюду было полно женщин и мужчин,
Краснощеких детей в новых одеждах.
(Всюду были) пляски, музыка и песни,
Все были веселы и смеялись.
Крестьянин, который всю жизнь зависел от помещика,
и был его рабом,
В тот день хорошо понял, что он сам стал хозяином земли,

⁴⁰ Поэты Южного Азербайджана. Баку, 1950. С. 143.

Он сказал жене: «Слава богу, что в этом году
наш труд не для чужих».

Солдаты от счастья ликовали,
От большого счастья сверкали глаза каждого,
Славили желанную свободу
Радостными песнями и горожанин, и крестьянин.

Жале взволнована, она ликует впервые увидав, как
трудится человек, ставший настоящим хозяином земли.
Но недолгой была эта свобода. После подавления на-
ционально-демократического движения в Иранском
Азербайджане и Курдистане реакция развернула нас-
тупление на демократические силы во всем Иране. Жа-
ле, как уже отмечалось выше, вынуждена была эмигри-
ровать в Советский Союз.

Глава III

ВТОРОЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА ЖАЛЕ (с 1947 г.)

ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ В СССР

Эмиграция в Советский Союз открыла перед Жа-
ле новые творческие горизонты. Значительную роль в
эволюции ее взглядов на задачи поэзии сыграло знаком-
ство с творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова,
А. М. Горького, В. В. Маяковского, К. Симонова и дру-
гих поэтов, чьи произведения стали ее настольны-
ми книгами. Влияние русской классической и советской
литературы в определенной мере сказалось на творче-
стве поэтессы в это время, ибо «гуманистические тра-
диции русской литературы были созвучны освободи-
тельным устремлениям народов Востока»¹.

Новое мировоззрение Жале формировалось в кругу
прежних поэтических форм, тем и идей. И в ее новых
произведениях встречаются ранее употреблявшиеся ею
образы, приемы, настроения. Тем не менее в некоторых
случаях совершенно отчетливо прослеживается хроно-
логическое разделение отдельных групп стихов. Оно
было обусловлено творческим ростом поэтессы в усло-
виях новой действительности. Стихотворения Жале
этих лет свидетельствуют о ее неутомимой работе по со-
вершенствованию мастерства, поисках новых путей
правдивого отображения действительности.

Уже к середине 50-х годов в мировоззрении Жале
происходят решающие сдвиги. Она приходит к глубо-
кому пониманию литературы как идейно-художествен-
ного единства в ее конкретных и многообразных связях
с действительностью, идеологией, общественным движе-
нием и бытием эпохи. Как отметила В. Б. Кляшторина,
«до середины пятидесятих годов стихи Жале всегда со-
бытийны, посвящены всегда какому-нибудь конкрет-
ному факту. Это стихи-рассказы, стихи-репортажи, стихи-

¹ Рехо К. М. Горький и литературы зарубежного Востока//
Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969. С. 319.

лозунги, полные призывов, полные пафоса борьбы. В них, как в газетных сообщениях, пестрят имена, события политической жизни мира, стран Востока, своей страны. Национализация нефти, судьба Моссадыка, суд над коммунистами Ирана, война в Корее, движение в защиту мира — все это живо отражается в стихах Жале².

Стихи, написанные в Советском Союзе, — новая страница в творчестве поэтессы. С изменением мировосприятия Жале резко менялась и система образности ее творчества. Речь идет не о чем-то внешнем, а об изменении художественной позиции поэтессы, ее концепции. Жале, «изумленная», «прозревшая», приходит к убеждению, что место поэта «на кипящей арене жизни, среди народа». Она понимает, что «у народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой она заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»³.

Свое отношение к поэзии Жале выразила в стихотворении «Хонар» («Искусство», 1948), где ясно показывает подлинное призвание поэзии, пути, по которым должно развиваться поэтическое творчество, преисполненное чувством гражданственности:

Искусство — зеркало человеческого общества,
Прошли времена лозунга — искусство для искусства,
Искусным поэтам народ дарит почет и имя.
Народ — это источник поэзии и вдохновения.
Среди народа поэтам шагать легко,
Для поэзии нет лучшей темы, чем человек,
Произведения, рисующие жизнь,
Несомненно (оказывают) влияние на человека.
Если поэт удаляется от народа,
Куда бы он ни пошел, он заблудится.
Народу, лишенному хотя бы одной розы,
К чему песни о розе и соловье?
Какое достоинство саду, полному роз,
Если трудящимся не служит украшением даже одна его
роза?⁴

В последующих стихотворениях Жале обострилась их социальная направленность, ярче выявилась гражданственность.

Горечью и болью за беспросветную судьбу женщины в мусульманской семье проникнуто стихотворение «Хан-

² Кляшторина В. Б. Предисловие к кн.: Жале. Ожидание. М., 1967. С. 5.

³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. VII. С. 198.

⁴ Архив поэтессы.

дейе ашке алуд» («Смех сквозь слезы»), поводом для написания которого послужила перепись населения в Иране в 1956 г. Статистик видит в одном из домов Ирана четырех женщин разных возрастов — жен Хаджи-ага. Печаль и несчастье отложили отпечаток на их лица. Вокруг них бегают маленькие дети. На вопрос статистика: сколько же лет каждой, они хором отвечают: «Двадцать» и смеются:

Они отвечали и смеялись,
Но слезы из их глаз лились.

Унизительное для женщин многоженство остро обличается через реалистические детали обстановки, царящей в доме. Поэтесса образно передает психологическое состояние женщин. Разделяя общую судьбу, они не замечают разницу между собой в возрасте. «Рабыня женщина у нас...», — говорит словами статистика Жале. Написанное на тегеранском диалекте, стихотворение оставляет глубокое впечатление, захватывает душу и мысль читателя.

В стихотворении «Рагсе шо'ле» («Танец пламени»)⁵ Жале повествует о людях и обычаях, поставив в центре судьбу несчастной девушки-крестьянки. Праздник урожая, крестьяне жгут костры и танцуют вокруг них, среди танцующих — девушка-крестьянка и ее жених. Они счастливы и радостны. Но вот появляется хан, увидев девушку, он приказывает схватить и увезти ее в свой дом. Потеряв надежду избавиться от его домогательств, девушка выбросилась из окна и погибла. Так она выразила отчаянный протест против несправедливого положения женщины в обществе.

Жале пишет произведения, в которых все громче звучит протест женщины, отвергнутой обществом. Меняется структура образа женщины в поэзии Жале, в ее творчестве определяется новая революционная концепция действительности. В стихотворении «Перед бурей» Жале описывает женщину, муж которой убит жандармами и ее немедленно выгнали с работы. Оставшись с младенцем на руках, без средств к существованию, героиня поняла, что надежд на лучшее нет и неоткуда ждать помощи, все, что обещают народу, — сплошной обман. Прозрев, она призывает бороться с тиранами-богачами, угнетающими народ:

Народ пробудившегося Исфaghана!
Борцов-созидателей славная рать!

⁵ Жале. Стихи. С. 21—26.

В ряды боевого рабочего стана
Вступила еще одна женщина — Мать!

И эта женщина уже с трибуны произносит речь:

«...От горестей наших, от бед и болезней
Нам средство одно лишь дается судьбой,
Оно всех других верней и полезней,
То средство — последний, решительный бой!
Победа! Она возвратит нам здоровье,
Румянец щекам изможденным вернет,
Союз богачей, тунеядцев сословье
Она уничтожит и в прах разметет!
Тиран-самодержец, министры-злодеи,
Приспешники гнусной холодной войны,
Для блага народа, во имя идеи
Вы будете власти своей лишены!»⁷

За такие речи ее бросают в тюрьму, но и там она не падает духом, «Хоть я в тюрьме, но все же я не раба...», «в суровый час нет места для печали, я верю — час победы недалек!», — восклицает женщина. Как видим, иранская женщина наравне с мужчиной включается в политическую борьбу, встает на защиту своих прав. Поэтесса создает образ протестующей народной массы, нарастающей революционной бури.

В те дни, когда иранская реакция подавила национально-освободительное движение, когда ежедневно десятки патриотов-демократов гибли на виселицах, поэты Ирана оставались в строю с борцами за свободу и своими стихами продолжали революционное дело народа.

Среди произведений, посвященных этой теме, особенно художественной силой и убедительностью привлекают стихотворения о подвигах героев, павших в борьбе за свободу и независимость своей родины. Таковы стихотворения Жале «Бе шахидане азади» («Погибшим за свободу»), «Кетане», «Кахрамане азади» («Герой свободы»). В стихотворении «Погибшим за свободу» поэтесса пишет:

О, погибшие за свободу,
Те, кто в земле спокойно спят,
Я поклоняюсь вашим могилам,
Шлю вам привет издалека.

Далее она призывает весь иранский народ к восстанию, к борьбе за свои права и свободу:

⁶ Там же. С. 29—31.

⁷ Там же.

О, угнетенные, вставайте,
О, обиженные, восстаньте,
Мужчины и женщины, объединяйтесь,
Готовьтесь к мести,
Отбирайте свои права,
Благоустраивайте заново свой дом,
Чтобы вы стали в мире
Живым народом, свободным людом!⁸

В центре внимания стихотворения «Вставай!» — поэтизация светлых надежд и упование на будущее.

Ты тоже вставай, о молодой и полный надежд!
Распустилась весна.
Вставай, ибо твое будущее ждет тебя,
Полное волнений и стремительности.

Призывы поэтессы приобретают еще более четкий политический смысл:

Спи спокойно, о, герой свободы!
Слава твоей смерти красивее жизни.
Когда наступит счастливый день будущих поколений,
Во славу тебе поставят мраморный памятник.
На твоей могиле, о, герой свободы,
В память зажгут бессмертный факел,
Распустятся цветы твоих желаний,
По воле борющегося народа взойдет солнце!⁹

Жале показывает, что погибших в борьбе сменяют их жены. Героиня стихотворения «Кетане» — жена погибшего курдского революционера, пришедшая поклониться могиле любимого мужа. Тяжкое горе не сломило Кетане. Она клянется именем Кази Мохаммада¹¹ отомстить врагам и полна решимости бороться до полной победы. Поэтесса уже видит в женщине активного борца за свободу народа, против гнета. В этом стихотворении Жале воспевает интернациональное братство и солидарность трудящихся. Она говорит, что народы Азии пробудились и ведут бескомпромиссную борьбу, в которой немаловажная роль принадлежит женщине. Поэтесса обращается к героине со следующими словами:

О, Кетане, от рук угнетателей
Если вероломно погиб твой муж,
То жива и сильна партия и ее цель.
Пусть мстят врагу курды —
Борцы за достижение цели,

⁸ Архив поэтессы.

⁹ Жале. Зенде руд. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 60—61.

¹¹ Вождь курдского национально-демократического движения.

Они никогда не боятся преград и трудностей,
Кетане, Азия бушует,
Огонь народного гнева пылает.
Народы Азии уже пробудились.
Корея в огне совершает подвиги,
Нанося удар по мировой реакции.
С угнетателями — смерть и могила,
С нами — свобода, победа и честь¹².

Поэтесса стремится раскрыть причины вековой нищеты и бесправия простых людей, указать пути избавления от них, пробудить политическое сознание народных масс, мобилизовать, поднять их на активную борьбу за свои жизненные права, за свободу и независимость. Построенные в форме диалога поэтессы с народом, эти произведения воссоздают широкую панораму тяжелой, беспросветной жизни и борьбы трудового Ирана. Жале борется за человека, его социальные права.

В стихах этих лет нет и в помине тех пессимистических нот, которые прорывались раньше. В них много оптимизма, света, молодого задора. Отдельные стихи звучат как лозунг, призыв. Мелодия стиха становится строже, лиризм уступает место публицистичности, а в некоторых стихах звучат маршевые ритмы. Развитие творчества Жале все более определяется новым видением мира.

40-е — начало 50-х годов в Иране отмечены широко развернувшимся движением за мир, борьбой против засилья иностранного капитала стран Запада. Не случайно поэтому мотивы дружбы и мира, тема народной борьбы начинают занимать чрезвычайно важное место в персидской поэзии этих лет. Передовые поэты Ирана в художественной форме обобщают исторический опыт борьбы народа за свободу и независимость, за мир во всем мире.

25 июля 1950 г. под председательством известного иранского поэта и общественного деятеля Бахара было создано Иранское общество сторонников мира, в которое вошли деятели науки, культуры и искусства. Общество учредило свой печатный орган «Маслахат» и выпустило обращение к народу, в котором призывало «всех честных и желающих блага своей стране иранцев без различия их политических и религиозных убеждений вступать в ряды сторонников мира и принимать участие в их священной борьбе»¹³.

¹² Архив поэтессы.

¹³ Ризаев З. Борьба народов Ирана за мир и демократию // Звезда Востока. 1952. № 1. С. 97.

В послевоенные годы Жале Исфагани всю силу своего поэтического дарования отдает пропаганде идей мира. Она ненавидит фашизм, осуждает насилие, экзоплуатацию.

Горе и страдания народных масс, вызванные второй мировой войной, потрясают Жале. В своих стихах она пишет, что война — это страшное бедствие, трагедия в первую очередь для матери, дочери, невесты. В своих стихах она призывает к активной борьбе за мир, видя в этом свой гражданский долг. Тему мира и дружбы поэтесса связывает с проблемой освобождения трудящихся. Высказываясь о войне, она раскрывает социально-политические корни современных войн, планы правящих кругов стран Запада.

В начале 50-х годов тема борьбы за мир обрела особую актуальность в связи с широко развернувшимся во всех странах антивоенным движением. Взволнованно, гневно звучит голос Жале в стихотворении-отклике на события в Корее в 1951 г. Обращаясь к корейскому народу, поэтесса пишет:

Твой враг — и наш враг.
Он топчет ногами и нашу землю.
На его когтях следы и нашей крови
Нам тоже знакомы танки «Шерман»¹⁴.

Во многих стихах 50-х годов Жале воспела образ матери-борца за мир. Этот образ, чрезвычайно популярный в персидской поэзии, способствовал ее идейно-тематическому обогащению. Женщины-матери уже не просят, а требуют искоренить войны из жизни народов, дать им возможность растить детей в мирных условиях.

Героини стихотворений Жале «Модарон солх михо-ханд» («Матери хотят мира», 1950), «Хаште марс» («8 Марта») выступают от имени миллионов матерей, жаждущих мира, встревоженных тем, что реакционные силы готовят новую мировую войну и их дети в опасности. Борьба за мир и свободу для этих женщин означает борьбу за счастливую жизнь детей.

В стихотворении «Матери хотят мира» раскрывается большое человеческое чувство, и поэтому каждый,

¹⁴ Гусейнов Б. Поэты Ирана о Советском Союзе. М., 1965. С. 113.

кто читает эти строки, находит в них отражение своих сокровенных мыслей, настроений, переживаний.

О, милое прекрасное дитя!
О, только что распутившийся цветок моей жизни!
Коли придется пожертвовать даже своей головой,
Я не отдам ни на миг тебя в руки врага.
Когда муха садится на твое лицо,
Я вскакиваю с места и волнуюсь.
А что будет, если я увижу,
Что ты попадешь в огонь и кровь.
Если мои глаза вырвут с корнем,
Если мое сердце разорвут на куски,
Я не допущу, чтобы пламя войны
Охватило огнем твою колыбель.
Подобно мне, все матери мира
Презирают и ненавидят войну.
Да падет проклятие матерей всего мира
На головы тех, кто разжигает войну!¹⁵

Солидарность с народами, борющимися за мир, выливается у Жале в решительный протест, в активную интернациональную позицию. Устами матери поэтесса проклинает поджигателей войны. Это стихотворение переведено на многие языки народов Советского Союза, а в Душанбе вышел сборник Жале с одноименным названием¹⁶.

В стихотворении «8 Марта» поэтесса связывает Международный женский праздник с борьбой народов за мир. Она с негодованием обрушивается на поджигателей войны:

В эти дни, когда корейская земля
Захлебнулась в море огня и крови,
В мире Трумэна и Эттли
Угнетению нет предела!¹⁷

Жале призывает сторонников мира еще теснее сплотиться в совместной борьбе против войны. Она обращается к труженицам Ирана:

О, угнетенные женщины Ирана!
Теснее сомкните ряды!
Вставайте на борьбу за мир и свободу,
С песней победы шагайте вперед!¹⁸

Интерес Жале к антивоенной тематике понятен: слишком свежа была в памяти народов вторая миро-

¹⁵ Жале. Зенде руд. С. 15—16.

¹⁶ Жале. Модарон солх михоханд Столинобод, 1956.

¹⁷ Архив поэтессы.

¹⁸ Там же.

вая война, последствия которой ощущались на каждом шагу. Из произведений поэтессы на эту тему особого внимания заслуживает поэма «Дорога жизни»¹⁹. В ее основе — рассказ ленинградки, с которой Жале отдыхала в Ессентуках, о героическом подвиге тружеников города Ленина в минувшей войне²⁰. В этой лирико-драматической поэме проникновенно, с большой художественной силой выражены страдания и скорбь матери, потерявшей мужа и двоих детей во время блокады Ленинграда. Мастерски передана вся глубина трагизма осажденных и вместе с тем воспевается сила человека, способного преодолеть трудности, выдержать все испытания. Здесь объективные явления действительности связаны с процессом утверждения совершенного, прекрасного: женщина заменила мать многим детям, эвакуированным из Ленинграда.

Миру войны Жале противопоставляла Советскую страну как оплот мира и дружбы между народами. Самоотверженные советские люди были заняты творческим мирным трудом, плоды которого — лучший ответ поджигателям войны, их проискам.

Жале этой теме посвящает стихотворения «Мехмане асеман» («Гость неба», 1957), и «Гардеш дар мах» («Путешествие на луну», 1956). Жале в числе первых отозвалась на запуск первого искусственного спутника Земли. Звезды на небе увидели новую звезду и спросили: «Кто ты такая? Что ты собираешься здесь делать?» Звезда отвечает:

Я — одна из огненных лодок,
Я — сердце, полное надежд Земли,
Сияние разума свободного человека,
Я — вестник победы новой эры,
Я — зажигающая чистую правду,
Я — новая и сверкающая звезда,
Я пришла, чтобы обойти вселенную,
Чтобы постичь тайны природы.
Новую эру день моего полета
Открывает в истории человека,
У блестящих звезд
Я — первый посол Земли.
Я — вестник победы...²¹

Стихи поэтессы, полные бодрости и оптимизма, вселяют в читателей уверенность в торжество свободы и демократии во всем мире.

¹⁹ Жале. Стихи. С. 68—82.

²⁰ Железноводская здравница. 1958. 10 сентября.

²¹ Жале. Зенде руд. С. 17.

Еще в Иране поэтесса интересовалась событиями в Советской стране, жизнью, культурой и литературой ее народов. Интерес прогрессивной общественности к России, возникший еще в начале двадцатого столетия, особенно возрос после Октябрьской революции. Народы Ирана стремились как можно больше узнать о жизни и борьбе советского народа.

Происшедшая в стране Октябрьская революция во всем ее конкретно-историческом своеобразии все глубже воспринималась передовой общественностью Ирана. Все больше проникались ее идеями широкие народные массы. Это не могло не отразиться на литературе Ирана. Громким эхом отозвалась Октябрьская революция в иранской поэзии. Поэты разных поколений, различных литературных течений и политических убеждений прославляли ее победу, связывая с ней планы своего народа. В своих стихах и поэмах они рассматривали преобразующую роль и значение победы Октября в жизни народов многих стран мира и показывали борьбу их против эксплуатации, раскрывали историческое значение этой революции для иранского народа.

С образом Октябрьской революции поэты тесно связывают образ ее вождя — В. И. Ленина, стремятся осмыслить значение ленинских идей. Произведения прогрессивных поэтов Ирана первых послеоктябрьских лет отмечены абстрактно-романтическим восприятием революции и ее вождя; основными средствами художественного обобщения были символ и аллегория²².

Шахская цензура, как известно, всячески избавлялась от любого произведения с малейшим намеком на революционность. Каждое правдивое произведение, написанное об Октябре, Ленине, о Советском Союзе, будучи по сути революционным, не допускалось к печати и распространению. Эта волнующая и важная тема не получала должного отражения до 1941 г.

1941 г. стал годом переломным. Вступление советских войск в Иран, поездки культурных деятелей Ирана в Советский Союз, широкое распространение советской литературы и, наконец, завоеванные иранским народом демократические права способствовали появлению мно-

²² Кляшторина В. Б. Образ В. И. Ленина в персидской литературе//Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 30—34.

жества произведений советской тематики. Иранские поэты пишут о том, что они видели сами, пережили и почувствовали в те исторические дни, когда в Советском Союзе шла Великая Отечественная война.

Ощущая тесную связь своего национально-демократического движения с борьбой за освобождение всего человечества от ужасов фашизма, которую вел Советский Союз, иранские поэты пишут о Великой Отечественной войне, о Советской Армии.

Тема Октября в послевоенный период приобретала новое звучание, не осталась без внимания эта тема и в творчестве Жале. Думая о социалистической революции в своей стране, поэтесса посвятила много стихов этой теме.

С Советской страной она впервые познакомилась, приехав в Баку. Эти впечатления выражены в стихотворении «Баку» (1947):

Издали сверкают электрические лампы,
Как в черном коралле золотые самородки²³.

Жале говорит о стачке бакинских рабочих в 1904 г., положившей начало революционному подъему в Закавказье. Сравнивая Баку со своей родиной, поэтесса убеждает в том, что лишь после Октября народ получил то, что принадлежало ему по праву, овладел богатствами передовой культуры. В поэтических деталях Жале передает некоторые примечательные черты Баку.

Я говорю — это колыбель счастья,
Весь мир удивляется его красоте,
В нем нет разрушенных хижин,
Нет ребенка, который дрожал бы от холода²⁴.

Образ В. И. Ленина, человека и вождя, представителя мира совершенно иных измерений, неоднократно возникал в поэзии Жале. Она видела в Ленине человека, которому суждено создать новый мир.

Поэтесса не отделяла В. И. Ленина от Октябрьской революции. Так, в стихотворении «Великой Октябрьской революции» (1949), создавая образ вождя, который поднял народы России на борьбу против угнетателей, за ликвидацию голода и разрухи, она выразила свое отношение к нему:

²³ Фонд СП Азербайджана. 1947 г.

²⁴ Там же.

Это пламя из искры на свет родилось,
Высоко поднялось,
Озарило простор,
Миллионы к нему обратили свой взор,
Шар земной к нему руки простер.
Это пламя зажег всех трудящихся друг,
Он от горя и мук
Грудью нас заслонил,
Он сказал: «Пробудись, на борьбу поднимись,
И в борьбе не щади своих сил»²⁵.

(Перевод П. Железнова).

Революция и Ленин в сознании поэтессы едины. Она пишет о том, что Владимир Ильич посвятил свою жизнь революционной борьбе. Ленин словно слился с борьбой, с действием, стал символом революции, ее олицетворением.

Когда Жале впервые побывала в Москве и посетила Мавзолей Ленина, свои чувства, волнение она воплотила в стихотворении «Арамгах» («Мавзолей», 1951). С большой художественной силой в нем рассказывается, как тысячи людей различных национальностей стремились увидеть Мавзолей. Жале говорит об роли учения Ленина, его идей для всего прогрессивного человечества²⁶. Она выразила отношение к нему всех народов зарубежного Востока. Примечательно, что в стихотворении нет грусти. Оно заканчивается жизнеутверждающими строками²⁷.

Начиная с 1945 г. в мировоззрении Жале произошли значительные изменения, что проявилось и в ее творчестве. Тяжкий труд рабочих, бесправие и гнет, унижение и страдания — тема ряда стихотворений поэтессы, в которых выражен не только протест против существующего строя в стране, но и призыв к революции, к его свержению. В стихах Жале ощущается единство с народом, она хорошо понимает тех, для кого пишет. В этот период во всей полноте раскрылся поэтический самообытный талант Жале в глубоко психологичных, отмеченных яркой образностью стихах. Если в произведениях раннего периода ее герои в основном — жертвы системы, то в последующие годы это уже борцы.

²⁵ Поэты Южного Азербайджана. Баку, 1950. С. 137.

²⁶ В кн.: Гусейнов Б. Поэты Ирана о Советском Союзе. С. 236—238.

²⁷ Там же. С. 236—238.

От одностороннего изображения человека как жертвы, безжалостно раздавленной капиталистической действительностью, поэтесса все чаще подходит к всестороннему раскрытию богатого внутреннего мира, благородства и сложности человеческой личности. На смену нерешительному, пассивному, замкнутому в узком мирке персонажу приходят герои-борцы с существующим порядком, не дающим простора для развития личности. Таких героев у Жале еще мало, но их роль в стихотворениях поэтессы возрастает с каждым годом. Это важный поворот в творчестве Жале, свидетельствующий о зрелости ее гуманизма. В послевоенные годы в творчестве Жале особое место заняла тема борьбы за мир во всем мире.

В Советском Союзе поэтесса обрела вторую родину. Она увидела здесь новый мир созидания и творчества. Об этом она неоднократно писала в своих стихотворениях. Пребывание в Советском Союзе вдохновило Жале на создание многих прекрасных произведений. В стихотворениях, написанных под влиянием новых впечатлений, полученных в Советской стране, поэтесса выразила свою любовь и уважением к советским людям.

Тщательный отбор деталей делает стихотворения Жале лаконичными, возрастает идейно-художественная нагрузка на каждую фразу и слово. Язык ее поэзии становится более отточенным, избегает ненужных повторов, присущих ее ранним произведениям.

Новой вехой в творчестве Жале стали годы жизни в Москве. Начиная с 1958 г. по настоящее время ею издано 7 сборников стихотворений на персидском языке и 6 сборников в переводах на языки народов СССР. Только начиная с 1981 г. она выпустила 4 сборника стихотворений на персидском языке²⁸. Часть стихов, вошедших в эти книги, написаны Жале в Советском Союзе, посвящены они, в основном Ирану, и хранились в личном архиве поэтессы. Многие из этих стихотворений известны советскому читателю по переводам на русский и другие языки народов СССР.

Произведения этого времени, созданные на высоком

²⁸ Жале. Нагше джахан. М., 1981; Она же. Агар хазар калам даштам. Тегеран, 1360/1981; Она же. Алборзе бишекаст (маджмуйе аш'бар). Лондон, 1362/1983; Она же. Эй, баде шар-тэ. Маджмуйе шеър аз Жале. Лондон. 1365/1986.

идейно-художественном уровне, открывают яркую страну в творчестве Жале, обогащенном новыми идеями и мотивами, достигшем наивысшего расцвета.

Жале активно участвует в различных форумах и конференциях, где встречается с писателями и поэтами, обменивается мыслями, мнением по актуальным проблемам литературы. Освоение опыта советской литературы проявилось в растущей идейной зрелости творчества Жале, проникнутого острым чувством современности. Влияние советской культуры и прогрессивной иранской поэзии положительно сказалось на развитии поэтического мастерства Жале.

Белинский писал: «Никогда один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страданий и блаженства глубоко вросли в почву общест-венности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества»²⁹.

Окружающая поэтессу обстановка обусловила не только новизну тематики ее поэзии, но и принципы художественного воспроизведения действительности. Творчески осваивая традиции, литературы прошлого, Жале совершенствовала свой метод и написала много оригинальных произведений. «Примерно со второй половины пятидесятых годов все чаще начинает вторгаться в поэзию Жале лирическое раздумье. Меньше сюжетных стихов, она чаще обращается к читателю на языке образов. Ее поэтический мир предстает теперь перед читателем более глубоким и многогранным. Больше появляется стихов, проникнутых разными оттенками чувств,—нежностью, мечтательностью, печалью, насмешливостью.

Но самое главное, что проступает в стихах последних лет,—это стремление глубже постигнуть и осмыслить жизнь. Поэтический отклик вызывают теперь не только факты, но стоящие за ними жизненные закономерности, которые открываются поэту. Они рождают цепь образных построений, ассоциаций и мыслей»³⁰.

Лирика Жале, проникнутая раздумьями о простом

²⁹ Цит. по: Литературная газета. 1984. № 30 (4992). С. 4.

³⁰ Кляшторина В. Б. Предисловие к сб.: Жале. Ожидание. С. 5.

человеке, его месте, жизни в обществе, удивительно разнообразна. В ней нашли яркое выражение патристические чувства поэтессы, взгляды на искусство и поэзию, ее горестные переживания, светлые надежды, идеал гармонического человека.

Важная черта лирики поэтессы — сочетание в ней гражданского, философского и личного. Ее лирический герой — это человек с напряженной, сложной внутренней жизнью.

В стихах Жале предстает и ее образ — человека сложной судьбы, мы познаем ее в горе и радости. Здесь и конкретные детали биографии «Мипорси аз ман ахле коджайам?» («Спрашиваешь меня, откуда я?»)³¹. «Эджаже бедехид ашна шавим» («Разрешите представить-ся») ³² и метафорическое изображение ее жизни: «дикий горный побег я, не тюльпан для букета... из-под камня я вышла и однажды под камень уйду»³³. Лирический герой Жале зачастую не тождествен автору, собственное «я», как правило, объективизировано, это — Человек, Поэт, Судьба и т. д.

Жале стремится поразмыслить над пройденным путем, обрести душевное равновесие в иной, не столь привычной, как раньше, среде, осмыслить пережитое. Эти чувства нашли выражение в таких ее стихах, как «У михандид» («Он смеялся») ³⁴, «Рузгар» («Время») ³⁵, «Айа ходара мипарастам» («Верю ли я в бога») ³⁶.

Стихи Жале 60-х годов отмечены поисками новых художественных средств для выражения своего мироощущения. Она сомневается: «Найдет ли? А если найдет — дойдет ли голос ее до слуха людского?» «Мое сердце кричит... А ты ничего не слышишь?»³⁷ — взволнованно говорит поэтесса. Однако она не смогла бы достичь той идейно-художественной силы, которой пропитаны ее произведения, если бы ограничилась общим выражением тревоги, любви или сострадания. Она отчетливо понимает, что «печалиться несчастьем народа еще не означает облегчить его участь. Необходимо показать причины бедствий, помочь трудящимся избавиться от них»³⁸.

³¹ Жале. Каштийе кабуд. Душанбе, 1978. С. 103—104.

³² Жале. Ожидание. М., 1967. С. 96.

³³ Там же. С. 29.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 31.

³⁶ Жале. Зенде руд. С. 25.

³⁷ Жале. Ожидание. С. 19.

³⁸ Гусейнов В. Поэты Ирана о Советском Союзе. С. 135.

Жале глубоко осознает истоки добра и зла, как в отдельном человеке, так и в обществе в целом. У нее есть свой, добытый не только жизненным опытом ответ на вопрос о смысле жизни и содержании счастья. Если в сборнике «Голхайе ходру» поэтесса писала, что «жизнь — это лишь сон и воображение»³⁹, то в стихотворении «Фахте» («Горлинка», 1968) она сравнивает людей, размышляющих о судьбах человека и общества, с теми, кто беспечно порхает по жизни. Используя прием прямого обращения, Жале спрашивает у голубки:

Скажи, что является проигрышем жизни?
Опьянение от вина и веселье,
Или рассудительность от чаши печали?
Кто жил мечтами, свой вымысел лелея,
Или же пробудившийся от сладкого сна?⁴⁰

В стихотворении «Сетарейе котби» («Полярная звезда», 1959) поэтесса задумывается о ценностях жизни:

Какую ценность имеет та вечная жизнь,
Когда в ней нет никакой надежды и никакой борьбы?
Я не дам тебе (даже) один миг своей краткой жизни,
Если (даже) ты будешь жить и вращаться тысяча веков.
Не свети на меня, беспокойную, о, Полярная звезда.
Ведь я — горячая искра, а ты — холодный свет.⁴¹

В стихотворении «Шафаг балаи дарйа» («Заря над морем»), рассказывающем о морской птице — чайке, которая летает над необъятными просторами моря под животворными силами солнечных лучей, поэтесса завидует ее свободному полету:

Я завидую твоей свободе,
Как легко ты паришь на крыльях воли,
Не зная ни одиночества, ни бури,
Потому что перед тобой открыты просторы вселенной.
Смысл твоей жизни — вечный полет и полет...⁴²

...Ты направляешься к новому поиску...
Чтобы видеть солнце завтрашнего утра...⁴³

Смысл жизни народа Жале видит в поиске пути к новой жизни, борьбе за счастливое будущее. Таково кредо поэтессы.

³⁹ Жале. Ожидание. С. 26.

⁴⁰ Жале. Нагше джахан. М., 1981. С. 68.

⁴¹ Жола Бадеев. Зида руд. Душанбе, 1964. С. 15.

⁴² Дафтархайе заманейе джанге хонар ва адабе эмрузе Иран ва джахан. Тегеран, 1977. С. 15—16.

⁴³ Там же.

В стихотворении «Чера таслим тагдири?»⁴⁴ («Зачем быть в плену судьбы?», 1966), вышедшем на русском языке под названием «Судьба»⁴⁵, поэтесса устами моряка выражает свое понимание счастья. На вопрос:

Жить спокойно,
Как легкий тростник,
Иль с безумными волнами спорить?

Моряк ответил:

«Я хочу моря, я хочу борьбы».

(Перевод А. Янова).

Эти строки невольно напоминают горьковское: «Я жажду бури. Пусть сильнее грянет буря..». Жале бичует представления о мещанском обывательском счастье, состоящем в сытости и покое. Заметно расширилась тематика поэзии. Если в первом сборнике стихов Жале повествуется о страданиях луноликой красавицы и ее возлюбленного, то уже в стихотворении «Гарне бигарар» («Беспокойная эпоха», 1968) Жале стремится определить свое место в жизни и ответить на вопросы: «В чем же счастье людское? Жить для себя? Или жить для других? Или то и другое?»⁴⁶.

Глубокие раздумья поэтессы о родине, ее истории, народе раскрываются в динамике поэтических образов, которые в свою очередь как бы естественно рождаются реальной обстановкой. Мысли о родине и народе сменяются размышлениями о собственной судьбе, своем труде и долге, о назначении человека, роли литературы, о взаимоотношениях художника и народа.

Поэзия Жале 60—70-х годов носит ярко выраженный гуманистический характер. В ней крепнет убежденность в том, что искусство должно служить человеку. На пленуме Союза писателей Таджикистана (1969 г.) поэтесса сказала: «Бескрайние просторы искусства живут по только им присущим законам красоты и свободы... Но свобода искусства подчиняется и своим особым законам. Та свобода творчества, о которой мы говорим, должна служить только человеку, его счастью, его будущему...»

⁴⁴ Жале. Нагше джахан. С. 28.

⁴⁵ Жале. Попутный ветер. С. 52.

⁴⁶ Стихотворение «Кабутар» («Горлинка»). Написано в Ташкенте в 1969 г. Архив поэтессы.

Если у меня спросят, что такое искусство, я отвечу: это любовь к человеку, выраженная в формах прекрасного, будь то слово, музыка или краски. Не всякий гуманист может быть человеком искусства, но каждый художник обязан быть гуманистом. Где бы ни находился деятель искусства, в какой бы стране он не жил, если он подчиняется и верит тому закону искусства, той общечеловеческой цели, той свободе творчества, о которых я упомянула, он становится носителем идеи солидарности народов...»⁴⁷.

В углублении творческих задач и расширении поэтического диапазона лирики Жале последних лет убеждают ее стихи, посвященные раздумьям об искусстве и долге художника. Стремление сделать свою поэзию голосом народа стало определяющим в жизни и творчестве Жале. Она понимает, что поэзия — арена общественной борьбы, где слово имеет цену лишь когда оно неразрывно слито с сердцем поэта. Именно кровью сердца написаны лучшие стихи поэтессы.

О призвании поэта Жале говорит в стихах «Афтаб азади» («Солнце свободы», 1967)⁴⁸, посвященном поэту Мали Сняхпусту. «Ты — поэт! Ты — провидец! Ты слышишь могучие вздохи набирающей силы великой эпохи!», в стихотворении «Ту шаэри» («Ты — поэт», 1967)⁴⁹, посвященном Нима Юшиджу, — «Ты — поэт, пророк надежд и горя... Ты — поэт, провидец, ты — гонец!».

В стихотворении «Байест ташне буд» («Надо быть жаждущим»)⁵⁰ она пишет, что поэт «должен жаждать счастливого завтра... То сердце, которое не жаждет, — грустный мираж... Поэзия — это жажда».

Притягательность стихов Жале заключена в ощущении счастья, которое поэтам и его героям приносит борьба за свободу и счастье народа.

В «Мазрейе оמידваран» («Луг надеющихся», 1971)⁵¹, написанном в ответ на стихотворения «Херман» («Жатва») и «Дар наомиди» («В безнадежности») иранского поэта Надерпура, проникнутых разочарованием, подавленностью в связи с разгулом в Иране реакции в 1953—1957 гг., когда в иранской литературе наметился спад, отказ от осмысления актуальных общественных проблем, появились пессимистичные произведения. Жале,

⁴⁷ Доклад на персидском языке находится в архиве поэтессы.

⁴⁸ Жале. Нагше джахан. С. 80—81.

⁴⁹ Там же. С. 105—106.

⁵⁰ Жале. Ожидание. С. 42.

⁵¹ Жале. Нагше джахан. С. 19.

отдаленная от родины почти двадцатью годами разлуки, призывает молодого поэта к стойкости, мужеству и верности идеалам свободы.

Художник должен быть глашатаем идей гуманизма. Эта мысль — доминанта поэтического творчества Жале, неразрывно связанная с ее демократизмом.

Выражая передовые идеи эпохи, Жале стремится раскрыть мироощущение своих современников, показать действительность в ее революционном развитии. О чем бы она ни писала, всюду мы видим ее неразрывную связь с народом, с его радостями и бедами. Поэтому особое место в поэзии Жале второго периода занимает тема родины и народа.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА

Жизнь вдали от родной земли обострила патриотизм Жале, укрепила ее решимость идти дорогой борьбы. Патриотические и гражданские стихи ее глубоко лиричны, поэтесса не отделяет события, происходящие в Иране, от собственной судьбы.

Стихотворения «Джедайиха» («Разлуки», 1963), «Бебахш» («Прости», 1963) Жале посвятила родине-матери. В стихотворении «Прости» поэтесса обращается к родине:

О, ты, дыхание жизни, о свобода!
Прости меня, прости великодушно,
На поиски тебя из гнезда ласточка
Улетела и более не вернулась в родное гнездо,
Где для меня ничего не осталось,
Кроме надежды — надежды без сомнения и страха⁵².

Лирическая мысль развивается и проходит через столкновения тоски и надежды, веры и разочарования, конкретизируется в реалиях прошлого и настоящего. Жале тяжело переживает разлуку с родиной, невозможность возвратиться и встать в ряды борцов. Поэтесса верит, что наступит «весна» освобождения, и она вернется на родину: «Я дикое горное растение, и я жду весну»⁵³.

Чувством глубокой и нежной любви к родине проникнуто все творчество Жале; особенно яркое воплощение нашла эта тема в стихотворениях «Парандегане мохаджер» («Перелетные птицы», 1960), «Баз мигардам» («Я вернусь к тебе»).

⁵² Жале. Зенде руд. С. 91.

⁵³ Жале. Попутный ветер. С. 68.

شویبده امانه از امانه

در سبأ ط
و انتم با مردم

تکرار موضوع مردم و سبأ
رسانه نشر سالها

۷-۹

صدای آ
بیت

در باره امانه
دور از وطن است
۹۰/۲۵

دور از
وطنی برده
زانه صفتی
دستگذاشته

امان و وطنی برده

بیت تمام نشر سالها

شویبده امانه
۱۹۹۰

شویبده امانه
مدام
و صلیب

امان و آزادی
۱۹۹۷

مدام
عالمی
سینه درت

از عشق امانه
۷۱

۸
۵
۵

Поэтическая речь, образная система произведений Жале глубоко национальны и связаны с новыми веяниями современной поэзии и классическими традициями. Бейт из газели Хафиза в стихотворении Жале «Эй баде шорте» («О, попутный ветер») дает толчок поэтической мысли и острая тоска по родине, мечта о встрече с близкими выливается в яркую, образную картину:

О, попутный ветер, поднимись, стань огненным ураганом,
Освети бунтом фонари волнений,
По воле воды и огня веди по волне наш (корабль),
Чтобы снова мы свиделись с друзьями⁵⁴.

Поэтесса выражает уверенность в том, что на ее родине свершится революция, и тогда ей удастся свидеться с друзьями.

Хотя Жале живет вдали от родины, сердцем она вместе с народом, его борьбой, невзгодами и радостями. Так, в стихотворении «Пасдаре оствар» («Стойкий страж») она пишет:

Ты столько лет живешь в горниле бури,
Ответа нет на скорбь твоих молитв.
Но ты стоишь не сломленный страданьем,
О, мой народ, среди могил и битв.
А я — с тобой! Твоей болею болью,
Жива твоей любовью⁵⁵.

(Перевод А. Янова).

Тоской по родине проникнуты стихотворения «Откуда я?», «Новогодняя ночь», «Отвори окно», «Прости меня», «Я не канарейка». А стихотворение «Перелетные птицы» — символическое выражение судьбы политических эмигрантов.

Перелетные птицы! Мое сердце волнуется,
Что это далекое путешествие будет бесконечно,
Весенний ветер подует в сад, и без вас
Яблони расцветут.
Только тяга и любовь к родине помогут
Вам с радостью прильнуть к родному гнезду⁵⁶.

Перелетные птицы — это символ молодости, полета, привязанности к родной земле. Многие поэты Ирана откликнулись на это стихотворение Жале. Мохаммад Зо-хари (род. в 1926 г.) в ответном стихотворении «Мохаджарат» («Эмиграция») ⁵⁷ выражает искреннее уважение

⁵⁴ Жале. Энтезар. Душанбе, 1969. С. 9.

⁵⁵ Жале. Ожидание. С. 83.

⁵⁶ Жале. Зенде руд. С. 82.

⁵⁷ Сохан. 1347/1968. № 10.

к политэмигрантам, особенно к товарищам, живущим в Советском Союзе.

В произведениях поэтессы о людях, вынужденных жить вне родины, чувство любви к родной земле передается с большой художественной силой, иными, более емкими образами. Это и «жажда ожидания, иссушающая глаза», и глубокие страдания тех, кто вынужден был покинуть «страну, которую заколдовал бог зла», и надежда, «не знающая сомнений и страха», и ожидание «попутного ветра», который «вернет ярость и огонь сражения».

Жале осуждает тех, кто не верит в патриотизм таких людей, в стихотворении «Ватан» («Родина»). Между тем эти люди преданы своей стране, отдают ей свои силы и любовь, черпая в этом чувстве повседневное счастье своего бытия.

Критики, пишите, что вам угодно,
Но не говорите, что Жале бросила родину.
Многие люди от родины отдалены, но остаются с родиной.
Многие, живущие на родине, от родины далеки.
Несчастье тех, кто слеп глазами сердца,
Не знают они, что поклонение идолу не означает
любовь к родине.

Идол глиняный, идол золотой, как и всякий
Идол другой, способен разрушаться, но будут вечны
Народ, история, борьба и надежда.
За что я и люблю родину...⁵⁸

Поэтесса заключает свое стихотворение словами:

Родина! Я готова отдать за тебя обоих сыновей,
свет очей моих.
Будь всегда величественна и радостна!⁵⁹

Горячая любовь к родине, пронизывающая ее поэзию, вера в способность политических эмигрантов принести пользу родной земле и ее народу, позволили Лакхути назвать Жале «первой сильной поэтессой иранского народа». Он писал: «Я горжусь тем, что моя родина, мой народ в Вашем лице имеет свою талантливую, преданную и достойную дочь»⁶⁰.

Жале волнует судьба не только иранских политэмигрантов. Стихотворение «Хун намихабат» («Кровь не дремлет»), проникнутое революционным пафосом, пос-

⁵⁸ Пейкар. Нашрийе хезбе тудейе Иран барайи данешджуй-ане доурейе доввом соле севвом. 1353/1974. № 6. С. 19—20.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Архив поэтессы.

вящено греческим, испанским и иранским политэмигрантам, у которых одинаково сложилась судьба.

Не дремлет наша кровь, не дремлет.
Не дремлет наша кровь, когда мы бодрствуем и беспокоимся.
Наша кровь в наших венах постоянно в движении,
Потому что тюльпаны мечты расцветают в наших сердцах.
...Страдания и месть —
Это два друга.
Много угнетенных храбрецов среди нас,
Желающих отомстить врагам.

Гимн их борьбы:

Вставай, проклятем заклейменный,
И они полны веры в свою победу⁶¹.

Это стихотворение отличается от других произведений той же тематики страстным протестом, тоской по родине, которые выливаются не в горестные раздумья, а в вызов тем, кто лишил патриотов возможности жить в своей стране.

В стихотворении «Джафар» Жале обращается к своему старому другу, который жалуется ей, что «много лет провел в жесточайшей нужде, жил на хлебе сухом и воде, и не знает, «как семью прокормить, стариков и малюток? А работать легко ль на голодный желудок?» Он работает день и ночь, а в награду «получает только ругань и плети одни. То ли дело хозяин! Богат он и знатен, пить и есть — вот его основное занятие!» Поэтесса отвечает другу: «Да, ты прав... Только стоны и слезы никогда от беды не давали спасенья». Поэтесса считает целью своей жизни достижение свободы Ирана, счастья народа, которые могут быть завоеваны лишь в борьбе. И эту идею она несет в народ.

Гражданская лирика Жале проникнута революционным пафосом, призывом к революции. Яркий пример этого — стихотворение «Бархиз» («Вставай»):

О, спящий темными ночами, утро настало.
Проснись, проснись!
Фокусники нам уши прожужжали
Пеньем колыбельных песен.
Нас усыпляли золотым сном.
Нам рассказывали много сладких сказок,
Чтобы мы спали
Смертельным и тяжелым сном.
Но Солнце подняло голову и наступил день.
Те сказки закончились и сон исчез.

⁶¹ Там же.

Вставай, так как сегодня проснулся весь мир!
Вставай!⁶²

Любовь к родине не мешает поэтессе разоблачать социальный строй Ирана, его господствующие классы, обрекающие трудовой народ на невыносимые мучения, безрадостную, мрачную жизнь. В восстаниях и революционных выступлениях, сопровождающих развитие человечества на протяжении многих веков, она видит проявление извечного стремления человека к справедливости и совершенству. Для нее революция — не бессмысленное разрушение, а прежде всего созидание. Любимыми героями поэтессы становятся борцы за народное счастье, а ее заветным идеалом — свобода родины. В стихотворении «Сетамнишера гар бебахши хатаст» («Если простишь притеснителя — это ошибка») Жале пишет:

Если простишь притеснителя — это ошибка.
В восстании нельзя допускать эту ошибку.
Больше не будет спать борющийся народ,
Проснувшийся от вековой спячки⁶³.

Поэтесса, говорит, что «многие рабы сказали «нет» и порвали свои цепи» и призывает народ не верить «палачам-кровопийцам», ибо, «если ты «поверишь им, спрячешь свой меч, то умрешь в тюрьме».

В сатирическом стихотворении «Тоуге зарин» («Золотой хомут», 1967) поэтесса осуждает людей, смирившихся с насилием и нищетой. Она сравнивает их с осликами, а их эксплуататоров с погонщиками. Жале обращается к этим униженным людям со словами:

Никогда не говори «нет»,
Никогда не говори «почему»,
Опусти голову и, смирясь с врагом,
Свою месть возьми у друзей.
Золотой хомут красив для длинноухого осла.
Пока существует мир, так считается,
Не будет осла, не будет и погонщика⁶⁴.

Мысли о том, что доколь народ будет безропотно терпеть гнет, он будет подвергаться эксплуатации, поэтесса развивает в стихотворении «Энсан ва санг»⁶⁵ («Человек и камень», 1965). С большим мастерством

⁶² Жале. Зенде руд. С. 87.

⁶³ Жале. Энтезар. С. 25—26.

⁶⁴ Архив поэтессы.

⁶⁵ Сохан. 1348/1969. № 5—6. С. 484.

она изображает несчастных людей, покорно терпящих унижение и угнетение, сравнивает их с камнем:

Счастлив камень, коль он превращен в человека,
Горе тем, кто был в камень судьбой превращен.⁶⁶
(Перевод А. Наймана).

Стихотворение «Аташе могадас» («Священный огонь», 1965) посвящено Прометею. Он — символ борьбы против зла, социальной несправедливости, насилия и тупой, гнетущей стихии. Поэтесса говорит, что, несмотря на пытки и муки, Прометей выстоял и победил.

Каждое мгновенье божья гордость шептала тебе на ухо:
«Один раз скажи «нет» и получи царствование на небе».
Но ты не склонил головы и не сдался.
О, священный огонь, о, восставший герой,
Я поклоняюсь твоему мятежному сердцу
И твоей душе, которая выдержала борьбу⁶⁷.

Таким образом, эти стихотворения вновь убеждают в том, что пассивное сострадание угнетенным сменяется в поэзии Жале протестом и призывом к действию. Человек должен стать хозяином своей судьбы, считает поэтесса.

В своих стихах Жале оберегает героя от мещанства и пошлости, воюет за подлинные нравственные ценности, за полноту чувств в жизни современной личности, за активное участие ее в решении сложных жизненных, моральных, политических проблем века. («Не верю», «Когда плачет мужчина», «Попутный ветер», «Помни», «Сокрушающему идиолов», «Человек и камень», «Песнь героев», «Человек спрашивает», «Надо желать»).

Гражданские стихи Жале звучат как глубоко личные: страстно, горько, напряженно. Стихи о земле иранской, о ее народе как бы дополняют друг друга. Аллегорическое стихотворение «Молния»⁶⁸, где Жале обращается к дереву: «Встань, рабом тяжело умирать, а погибнуть в сраженье — почетно!», перекликается со страстным «Не верю»:

Я не верю, что в том саду, полном весны,
Ничего, кроме ворон и желтых листьев нет.
Я не верю, что на том поле, где вырастают
мужественные люди,

Нет человека для смелой борьбы.
...Если согни раз ты повторить это, я не поверю.
Не поверю, что нет надежды и борьбы⁶⁹.

⁶⁶ Архив поэтессы.

⁶⁷ Жале. Энтезар. С. 47—48.

⁶⁸ Жале. Ожидание. С. 27.

⁶⁹ Жале. Зенде руд. С. 84—85.

Это стихотворение, неоднократно переиздаваемое в Иране и за рубежом, переведено на многие языки народов Советского Союза. На него откликнулись известные прогрессивные поэты Ирана Сиявуш Кесрайи и Феридун Мошири. Так, Сиявуш Кесрайи начинает свой сборник «Ханаги» («Домашние») стихотворением «Бавар» («Верь»), написанным в ответ на ее «Бавар намиконам» («Не верю»). Феридун Мошири откликнулся на это же стихотворение Жале сборником стихов «Бахар ра бовар кон» («Поверь в весну»), где подтверждает ее веру в то, что «надежда и борьба живы».

Эта мысль пронизывает и другое стихотворение Жале «Кахрамане азади» («Герой свободы»)⁷⁰.

Поет караванщик, идет караванщик на верную смерть...
...Но гибель — движенье, но гибель лицом на рассвет
Прекрасней темницы, живи в ней хоть тысячу лет...⁷¹

Стихотворение «Герой свободы» Жале посвятила замечательному патриоту, бесстрашному иранскому коммунисту Хосрову Рузбеху, расстрелянному в 1958 г. иранскими властями. Как известно, по указке иранской реакции в 1953—1954 гг. было арестовано, а позднее казнено большое число офицеров при НПИ.

Зверская расправа с иранскими патриотами вызвала возмущение иранского народа, прогрессивных людей всего мира. В 1957 г. был выслежен и заточен в тюрьму член ЦК НПИ, руководитель военной организации свободолобивых офицеров при НПИ, национальный герой иранского народа Хосров Рузбех. После девяти месяцев его заточения в одиночной камере, куда не проникал луч света, по приговору военного трибунала его казнили.

Хосров Рузбех — подлинный выразитель идей и чаяний трудящихся Ирана, в том числе и революционно настроенных офицеров армии. «...Ни я, ни погибшие офицеры, никто из тех, кто в течение последних лет был осужден за политическую деятельность, не являются преступниками, наоборот, мы слуги нашей дорогой родины, — говорил он на суде, — справедливый и благородный иранский народ считает это судилище выражением деспотизма и оправдывает своих самоотверженных сынов»⁷².

⁷⁰ Там же. С. 60—70.

⁷¹ Жале. Ожидание. С. 90.

⁷² Сердце, врученное бурям. Хосров Рузбех перед военным трибуналом Ирака/Перевод с персидского. М., 1962. С. 186.

Он любил свой народ, желая ему добра и счастья, был влюблен в жизнь, ее красоту. Рузбех говорил: «Умирать в любом случае горько, в особенности для тех, кто верит в свои идеи, в чьем сердце будущее, светлое и сияющее будущее. Однако оставаться в живых любой ценой и при любых условиях недостойно человека, ибо на жизненном пути никогда не следует терять свою цель. Если жизнь сохраняется ценой позора и посрамления, потерей чести, отказом от своих идей, своих заветных мечтаний и политических и социальных убеждений, смерть во сто крат благороднее»⁷³.

Жале с гордостью и благоговением пишет о нем, прославляя в его лице мужественных и самоотверженных борцов за народное счастье. Она сравнивает героя с вольным соколом, который предпочел краткий миг свободы и смерть долгой жизни в неволе. Поэтесса выражает уверенность, что честные люди отомстят за его гибель и в день, когда придет долгожданная свобода, благодарный народ воздвигнет герою величественный памятник:

Ты жил так ярко и умер гордо — боец, герой!
Но верь: наступят в твоей отчизне иные дни.
Сыны Ирана клянутся кровью своей святой —
За гибель брата врагам коварным отомстят они!⁷⁴.

Стихотворения Жале «Молния», «Ожидание», «Не верю» как бы перекликаются по содержанию со стихотворением «Марде рах» («Вперед идущим»)⁷⁵, посвященным борцу за свободу Арешу Камангиру — легендарному герою Ирана. Следует отметить, что идеи и образы, воспеваемые в стихах второго периода творчества, близки и дороги прогрессивным литераторам Ирана. Так, образам Жале глубоко созвучен образ современного героя Сиявуша Кесрайи в его поэме «Ареш Камангир».

В стихотворении «Чера» («Почему») поэтесса обращается к народу с вопросом:

Почему свободолюбивые мужчины Ирана
Не едины и не солидарны?
Вместо того, чтобы сражаться с врагом,
Постоянно враждуют между собой?
Почему трудящиеся моей родины
Находятся в цепях эксплуатации?

⁷³ Там же. С. 15.

⁷⁴ Жале. Ожидание. С. 90.

⁷⁵ Жале. Зенде руд. С. 10; Жале. Перелетные птицы. М., 1964. С. 30.

Все миролюбивые люди,
Которые ведут сознательную борьбу,
В Иране не имеют единого фронта?
Освободитель, творец бытия и пробужденный,
О ты, народ мой, ты бог мой!
«Боже, с этой загадки сними покрывало»⁷⁶.

Композиция стихотворения подчинена выражению героического пафоса борьбы. Одна из самых существенных сторон творчества — умение находить точное и при этом эмоциональное воплощение своей идеи. Но главная цель Жале — не только взволновать, но и убедить читателя с помощью серьезных доводов. Порой она задает вопрос и подводит читателя к единственному ответу.

Последние строки стихотворения «Почему» принадлежат Хафизу, но, в отличие от его веры в бога как в нечто абстрактное, у Жале такая вера принимала форму поклонения человеку.

Попутно следует рассмотреть стихотворение «Порсиди айа ходарамипарастам» («Ты спросил, верю ли я в бога»), где поэтесса показывает свое отношение к богу.

Я верю в силу человека,
Того, кто на крыло своего разума
Сажает тысячи звезд.
Того, кто с внутренним волнением и болью,
Подобно взволнованному морю,
Поднимает голову в сторону Млечного Пути,
Чтобы достичь того места,
Где не существует никакого бога, выше человека⁷⁷.

Гуманизм поэтессы — вера в творческие силы человека, в его огромную духовную и физическую энергию, с помощью которой он может избавить мир от нищеты и страдания. Этот гуманизм ставит в центр всего сущего на земле человека, борющегося против всех предрассудков, которые препятствуют пробуждению в нем чувства собственного достоинства.

Жале стремится отобразить наиболее важные стороны жизни иранского общества. Взволнованно, с искренним сочувствием рассказывает она о тяжелой жизни крестьян, гневно осуждает жестокость помещиков, бесчеловечно эксплуатирующих их. («Пире мард ба сатареш» — «Старик со своим сатаром», 1959)⁷⁸. Поэтесса

⁷⁶ Архив поэтессы.

⁷⁷ Жале. Зенде руд. С. 25.

⁷⁸ Там же. С. 94—98.

создает яркий образ человека труда, который при этом «жизнь провел в борьбе, тюрьмах, видел притеснения, трудности», а состарившись, каждый день приходил на поле и пел крестьянам песни, вызывающие у них гнев и решимость восстать против векового гнета. Здесь герой проявляет себя не как отдельная личность, а лишь во множестве — рассказ об одном превращается в рассказ о народной массе.

Однажды клич разнесся по полю:

О, крестьяне!
Его величество
Пожелали прибыть на охоту.
Не дай бог, чтобы кто-нибудь попался на его пути.
Бойтесь наказания!⁷⁹

Все разбежались, остался один старик с сатаром и продолжал петь. На следующий день страшная весть разнеслась по селу:

Вчера вечером внутри диванхане били
Его связанные ноги палкой.
Разбили его сатар.
Подобно собаке напали на него,
Отрезали запястья,
Чтобы мы больше не слышали его голос,
Его музыку...⁸⁰

Но и это не сломало твердость духа, мужество, ясный ум, гордость и благородство старика, он вновь появился на поле, без своего сатара и начал петь. Народная песня о крестьянской доле становится символическим лейтмотивом всего произведения. Скорбны слова песни:

Колос пшеницы от утреннего ветра
Согнул свою тонкую шею.
О, крестьянин, в траурном селении
До каких пор ты будешь подвергаться гнету?⁸¹

В ней звучит несокрушимое стремление к свободе и независимости. Перед читателями возникает обобщенно-романтический образ героя мировой истории — человека-массы, человека-народа. Жале проводит здесь важную мысль о том, что рабочие должны доносить до крестьян идеи революционного протеста, раскрывать им корни социального зла и его носителей, призывать их к борьбе за свое освобождение.

⁷⁹ Там же. С. 96.

⁸⁰ Там же. С. 97.

⁸¹ Там же. С. 97—98.

В стихотворении «Фарйаде у» («Его крик», 1971) Жале пишет:

О, покупатели человеческой силы,
Я продаю свое тело,
Живое тело, но тело без души,
(Моя душа никогда не продавалась и не будет продаваться).
Я восставший раб.
Годами я разрывал звенья цепей на моих руках,
Пока не разорвал их...
...О, покупатели человеческой силы,
Я продаю свое тело
Стоимостью в одну пулю,
Чтобы я ударил ею по каждой голове, которая
Низко склоняется перед злодеем⁸².

Жале-мятежница верит в то, что угнетенные народы всего мира восстанут и потребуют свои права у тех, кто выдает себя защитником прав человека. Мятежная душа поэтессы нашла отражение в ее стихотворениях.

Большой интерес представляет стихотворение Жале «Моттахам» («Подсудимый»). Его герой — мужественный борец, не желающий ронять свое достоинство. Его хотят обмануть пустыми обещаниями, льстят ему, пытаясь заставить отречься от своих взглядов и этим опорочить себя. В этом стихотворении дается беседа судьи и обвиняемого, которая оживает в нашей памяти стихотворение Лахути «Пирузийе партизане доhtar» («Победа девушки-партизанки»), посвященное Зое Космодемьянской.

Герой стихотворения Жале «Моттахам» на допросе проявляет высокое мужество и стойкость, подобно героине Лахути, которая даже под угрозой смерти не предала свои идеалы, идеалы борцов за справедливость.

Прекрасные сравнения, которые мы находим в стихотворениях Жале и Лахути, свидетельствуют о том, что поэтессу вдохновило его стихотворение «Пирузийе партизане доhtar». Но это влияние несколько не умаляет ценности и достоинства стихотворения Жале «Моттахам».

Сопоставим отрывки стихотворений «Моттахам» и «Пирузийе партизане доhtar» Лахути:

Тысячу раз для меня лучше умереть,
Чем согнуть спину перед врагом.
...Обвиняемый все еще стоит прочно и непоколебимо.
Как сталь твердо его решение.

⁸² Архив поэтессы.

Крикнул:
«Вы промахнулись!
Еще я жив, и будущее за нами.
Стреляйте еще...
Да будет вечен Иран!»
Его голос смолк, чтоб грянул ураган⁸³.

«Я не боюсь смерти.
Повесьте меня. Вешайте, сжигайте!»
После чего приговоренная гордо
Обратилась к народу, прощаясь:
«Товарищи! Не бойтесь этих псов!
Вы — горы, не сгибайтесь от ветра.
Вы плачете? ...Оплакиваете мою смерть?
Но я рада такой смерти»⁸⁴.

В стихотворении «Соалхайи асаре ма» («Вопросы нашего времени», 1971) Жале обращается к своим соотечественникам:

Если памятники прошедших веков ушли в музей,
Почему остались престол и венец?
Почему человек нуждается еще в горсти пшеницы?⁸⁵

Эти строки объясняют не только причины бедственного положения трудящихся Ирана, но и показывают им пути борьбы с теми, кто посягает на их права.

Целостное, гармоническое восприятие мира, свойственное поэтессе, определяет ее главные художественные принципы. Столкновение человека, стремящегося к независимости и правде, с социальной несправедливостью порождает острые драматические и трагические коллизии, наполняя ее творения пафосом протеста и борьбы.

Значительными идейно-художественными достоинствами отмечена поэма «Парасту» (1959), которая написана в память о 193 рабочих — соотечественниках поэтессы, ставших в поисках работы жертвой обмана со стороны местной буржуазии. Композиционно поэма распадается на две сюжетные линии: первая — история одного из представителей миллионных масс Ирана — молодого парня Тазарва; вторая — история девушки Парасту — дочери лодочника. Действие происходит в Абадане, в одном из центров добычи нефти. Вот уже год, как уволенный с работы Тазарв вместе с другими безработными каждый день приходит к проходной в надежде получить хоть какую-нибудь работу. Но безрезультатно. Он понял, что ждать больше не имеет смысла, и обратился к толпе:

⁸³ Жале. Агар хазар калам даштам. С. 105.

⁸⁴ Аболкасем Лахути. Диван. 1944. С. 209.

⁸⁵ Архив поэтессы.

Трудящиеся братья, молчание и терпение
Для нас больше невыносимы.
Угнетенный, который мирится со своим угнетением,
Поддерживает угнетателя⁸⁶.

Не успел он договорить, как его схватили полицейские и заключили в тюрьму, где он находился несколько месяцев без суда и следствия. Ему помог выйти из тюрьмы маклер и контрабандист Маджиди, подкупленный властями. Он обещает даже устроить Тазарва и еще 50 безработных на временную работу, но требует за это по 900 туманов с каждого.

Маджиди — воплощение социального зла. Для него нет ничего святого. Изображая доброжелательность и готовность помочь, он усыпляет бдительность Тазарва, и тот соглашается на сделку. Для того, чтобы окончательно договориться, Маджиди назначает ему встречу на набережной реки Карун, откуда якобы повезет их к месту работы. На самом же деле Маджиди вместе с полицейскими хочет убить Тазарва-бунтаря.

Далее действие разворачивается вокруг Парасту, бедной иранской девушки, любящей Тазарва. Но влюбленные не могут пожениться, ибо Тазарва не работает, и ему не на что содержать семью.

Маджиди сам сватается к Парасту. Ее мать, уставшая от постоянной нищеты и горя, хочет видеть свою дочь счастливой и богатой, дает согласие на брак. Парасту заявляет матери, что любит Тазарва и поэтому не может выйти замуж за Маджиди. Мать говорит, что любовь «ничего не значит, это только воображение и сказка», а тот, кого она любит, «самый несчастный, самый ничтожный человек». Парасту, для которой любовь — «светлая мечта, прекрасная сказка», готова делить вместе с Тазарвом нужду и лишения и вместе с ним бороться за свое счастье, за счастье народа. На слова матери, что Тазарв «самый униженный человек», девушка отвечает:

Какое же это унижение?

Он славен тем, что находится на арене борьбы⁸⁷.

Со словами «лучше я одену саван, чем пойду за Маджиди», Парасту покидает отчий дом.

Вышедший из тюрьмы Тазарв находит свою любимую в лесу и рассказывает ей о сговоре с Маджиди. Парас-

⁸⁶ Жале. Зенде руд. С. 113.

⁸⁷ Там же. С. 118.

ту, убедившись в обмане, не успевает, однако, предупредить Тазарва, и он погибает. Увидев падающего в воду Тазарва, Парасту отомстила за своего любимого, ударила ножом убийцу — Маджиди, но тот успевает нанести ей смертельную рану. Поэма заканчивается словами:

Парасту — вестник полной волнения весны,
Светлая надежда ожидающих,
Ты должна остаться живой в полете,
Чтобы быть многоцветной весной будущего⁸⁸.

Поэма отличается проникновенным лиризмом. Вместе с тем в ней имеются острый социальный конфликт, политические идеи.

Поэтесса четко выражает свое отношение к истории и современности. В интерпретации образов героев и характере их конфликта с окружающей средой Жале раскрывает свое понимание героического, свой взгляд на важные события истории Ирана.

Реалистически точные детали правдиво воссоздают жизнь героев, придают особую остроту протесту против безработицы и бесправного положения рабочих, звучащему в поэме. Жале показала судьбу лишь трех человек, но история их жизни олицетворяет все иранское общество, сотрясаемое антагонистическими противоречиями.

В центре поэмы — напряженная борьба человека с окружающим злом. Столкновение двух враждебных сил развертывается как бы внутри самого человека. Конфликт перенесен в сознание героя, мир его чувств и переживаний. Но сила поэмы как раз и состоит в том, что личная драма поднята до уровня острого социального конфликта.

Однако «Парасту» не лишена слабых сторон. Образ Тазарва несколько схематичен, не связанный с другими персонажами, он оказался не включенным в большие исторические события. Несколько преувеличенной представляется легковёрность Тазарва — едва ли рабочий человек мог быть таким наивным. Судьба героя, его характер не раскрываются с достаточной полнотой и глубиной. Возможно поэтому и трагическая развязка не производит ожидаемого эффекта.

Особенно удался Жале образ Парасту. Она предстает как новый идеал духовной женской красоты. Оду-

⁸⁸ Там же. С. 128.

хотворенность, глубокий эмоциональный порыв не ослаблены сентиментальной аффектацией. Переживания героини переданы органично, при этом эмоциональная сторона не заслоняет других черт и не подменяет их. Поглощенная любовными переживаниями, она умеет распознать врага и почувствовать опасность. Девушка борется и за свою любовь, порывает с родными и уходит из дома, не желая выйти замуж по расчету за нелюбимого человека.

Любовь в поэме абсолютизируется — это единственная возможность осмысленной жизни и внутренней гармонии, но в мире, где царит зло, она невозможна. Непреодолимые препятствия встают на пути влюбленных, протянувших друг другу руки. И они гибнут.

Таким образом, Жале художественно ярко и убедительно показала, с одной стороны, тяжелое положение трудящихся, с другой — сытую и веселую жизнь господствующих классов. Поэтесса протестует против социального неравенства и беспощадно разоблачает сильных мира сего, знает. Образ Парасту явился сам по себе призывом к действию, к активному протесту и борьбе.

Жале показала правду жизни, впечатляющие образы, вызывающие ненависть к иранской действительности. Она создала яркий, многогранный образ героини, овеянный романтикой при всей своей реальности. Гибель героев, трагический конец зовет к мести и борьбе со злом.

Тема классовой борьбы поднимает гуманистическую значимость произведений Жале на высокий уровень. Поэтесса добивается глубокого и правдивого освещения жизненно важных проблем, осмысливает современность в широкой исторической перспективе, на основе художественного анализа жизни и психологии трудовых масс.

В центре поэмы Жале «Гонахе могадас» («Святой грех», 1963), — иранская женщина, ее борьба за достойное место в обществе и семье. Эту поэму Жале посвятила своей подруге — поэтессе Шахназ Элами, которая была брошена в тюрьму за свои политические убеждения. Кроме нее, в тюрьме оказываются еще три женщины. С большой достоверностью поэтесса описывает тюрьму:

Узкая, едва освещенная яма,
Одно отверстие с железными решетками,
Место страдания четверых.

Все женщины...
Тюрьма...⁸⁹

Поэма делится на относительно самостоятельные части, каждая из которых рассказывает о судьбе одной из женщин. Все части объединены одной интонацией и поэтической мыслью. Поэтесса удивительно тонко и глубоко передает психологические переживания каждой заключенной.

Одна из заключенных — «проститутка». Она стала жертвой негодяя, который, насладившись красотой и молодостью девушки, бросил ее на произвол судьбы, обрек на жалкое и рабское существование. Женщина становится падшей, попадает в тюрьму, но и здесь ее не оставляют в покое начальник тюрьмы и полицейские.

Другая женщина — воровка. Она идет на воровство ради приобретения лекарства для своих больных детей, но детей спасти не удастся. Потеряв интерес к жизни, она продолжает воровать и попадает в тюрьму.

Наметившиеся в первых двух частях и получившие в дальнейшем развитие мотивы имеют и самостоятельное значение и вместе с тем как бы подготавливают третий мотив. Мы уже узнали о судьбах этих женщин, услышали рассказ об их жизни, отношении к детям, с жалостью и сочувствием отнеслись к их судьбе.

Резко выделяются из той среды, в которой оказались, две другие героини поэмы. Одна попадает в тюрьму как «политическая» и здесь в знак протеста объявляет голодовку. Другая оказалась в тюрьме по обвинению в убийстве. Сын этой женщины убивает помещика. Причиной убийства послужило то, что пьяный помещик, возвращавшийся с охоты, видит на своем поле детей, которые с жадностью едят пшеничные зерна. Он избивает их кнутом, но и это не остановило детишек. Тогда разъяренный помещик убивает голодных, беззащитных детей выстрелами из пистолета. Безжалостность помещика-самодура, поправшего элементарные законы гуманности, пробуждает в сыне этой женщины протест и стремление действовать, и он кетменем убивает помещика.

Жале говорит здесь о великом подвиге матери, ее беспредельной любви к сыну, чтобы сохранить ему жизнь, мать берет часть вины на себя. Они оба были осуждены на 10 лет. Когда на суде женщина заявляет, что она убила помещика, все присутствующие требуют

⁸⁹ Там же. С. 99.

считать и их соучастниками этого убийства. Простая, набожная женщина мучается, считает, что, обманув, она совершила грех. Стихотворение завершают следующие слова:

Мой путь и большой путь этой женщины —
Это пути к Солнцу.
...Мать!
Твой священный грех
Пусть будет вечен, как (вечна) вселенная!⁹⁰

Согретые горячим патриотическим чувством, эти стихи прославляют иранскую женщину, воспевают ее свободолюбие, духовную красоту, мудрость, верность отчизне.

Поэтесса с новой силой и на более высоком уровне создала принципиально новый тип женщины. Ее героини осознают причины своего несправного положения, чувствуют свою силу и способны «поднять топор» на тех, кто их угнетает, кто посягает на их честь. На смену образу безответной страдальницы пришла женщина-борец, которая встает на защиту своих прав. Это уже современная женщина. Она активно участвует в общественно-политической жизни, борется вместе с мужчинами за социальное преобразование иранского общества, за свое счастье и счастье трудового народа.

Ты в отважном бою нашего времени.
О, сколько погибших ты имеешь
На пути к свободе.
Сколько в кровавых окопах
Ты сражалась,
Чтобы от рабства горестных времен освободиться,
Ты в авангарде освобождения поколений стала,
Я надеюсь и в тебя верю,
Что ты, о, иранская женщина,
не останешься в солнечном затмении!⁹¹

(«Зане Ирани», 1973)

Стихотворение «Эй ан, ке гамгини» («О, та, которая печальна», 1982) Жале посвящает матерям, погибшим за свободу родины:

Мать, велика скорбь о тебе, погибшей за свободу,
Твои дети — вечные легенды нашей родины.
Иран — страна легенд.
То дитя, которое свой огонь направило на танк,
Огненной кровью землю родины оросило.
...Мать!

⁹⁰ Там же. С. 108.

⁹¹ Жале. Алборзе бшекаст. Лондон, 1984. С. 49.

Мы среди огня, крови и волнений
Через заруды, горные потоки и молнии должны пройти⁹².

Поэтесса призывает не оплакивать матерей, «не время плакать и доводить до слез, так как по ту сторону баррикад нашим слезам будет радоваться враг»⁹³.

Тему труда в новых условиях жизни Жале считает главной темой своего творчества. Ее высказывания о решающей роли труда имеют широкий социально-философский, этический и эстетический смысл. Высказывая свое понимание труда, поэтесса имеет в виду не только процесс создания материальных и духовных ценностей. Она связывает свое творчество с действенным отношением к жизни, с преобразованием и возвышением личности, с утверждением нового, творческого человека, его нового сознания. С любовью Жале рисует создателя материальных и духовных благ — труженика, борющегося за освобождение.

В гражданской лирике Жале этих лет появляется новый герой — рабочий-пролетарий, представитель передового класса иранского общества. Поэтесса прославляет труд рабочего, который, «полный страсти и энергии, просыпается для того, чтобы разбудить и заставить суетиться молчаливые, спящие города, и подготовить нас к новой жизни...» в стихотворении «Бе барадаране каргарам» («Моим братьям-рабочим», 1972):

О, рабочий! Твое усердие и самоотверженность — это твой опора.

Теплые объятия матери-родины — это твой оплот.
Пусть благополучие будет таким праздником!
Пусть веками заржавелые цепи
Навсегда спадут с твоих ног, идущих по новому пути!
Пусть твои гордые, далеко видящие глаза будут всегда открыты!

Пусть твоя большая связь с миром
Будет всегда укрепляться!⁹⁴

Жале поэтизирует труд рабочего, утверждает идеи прогресса и решающую роль трудового народа в истории. Она мечтает о том времени, когда труд станет для человека радостным и свободным, когда народ свободным трудом преобразит родную землю.

О новом поколении людей пишет Жале в стихотворениях «Соруде джаванан» («Песня молодежи», 1971)⁹⁵,

⁹² Там же. С. 5—6.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Архив поэтессы.

⁹⁵ Жале. Каштйе кабуд. С. 45—46.

«Тек гаре му» («Один волосок», 1971). Это поколение восставших.

До каких пор палачи будут заставлять молчать?
Ведь молодежь не смиряется с молчанием, несущим смерть.
Подобно бурлящему морю, до каких пор мы будем
бушевать?

Пока мир не освободится от воров и палачей.
Мы — шум, гром и крик бури.
Мы — месть веками замученных людей.
Мы — взрыв молчаливого гнева рабов.
Ох, вместо кипящей крови в наших жилах — горящее пламя.
Наша любовь огненная, подобно тюльпану на экваторе,
Наша ненависть — огнедышащая, как наша горячая
любовь...⁹⁶

В другом стихотворении она говорит:

Сожалею ли я о своей жизни?
Никогда.
Моя молодость прошла не напрасно.
В болях, муках и волнениях
Я славлю свой век,
Век борьбы, век мучений,
Век, в котором слились борьба и мука,
Век, в который проснулись рабы.
Губы жаждут. Тела горят.
Готовы к борьбе. Горделиво и возвышенно...
...Моя молодость неенскаема,
Жизнь моя будет продолжена моими детьми,
Поколение нового пути — счастливое и достигающее
своих целей,

Они завтра будут вместо меня⁹⁷.

Приведенные стихи выражают чаяния самой поэтессы, ее единомышленников. Ни на минуту она не оставалась спокойной и равнодушной ко всему, что происходило на ее родине. Она искренне верила, что если сама не увидит свободным свой народ, то ее дети продолжат борьбу отцов и матерей и в конце концов достигнут желанной цели.

После иранской революции условия для иранских литераторов изменились, начали публиковаться произведения, которые при шахе не смогли увидеть свет. Когда Жале после 33-летнего перерыва возвратилась на родину, здесь стали печататься ее произведения. В 1981 г. вышел третий в Иране⁹⁸ сборник ее стихотворений

⁹⁶ Жале. Зенде руд. С. 33—34.

⁹⁷ Там же. (Стихотворение «Один новый волосок».)

⁹⁸ В 1980 г. в Иране был переиздан сборник Жале «Зенде руд», вышедший в Москве в 1965 г. Поэтому иранский читатель имел возможность познакомиться уже с тремя сборниками стихотворений Жале.

«Агар хазар калам даштам» («Если бы я имела тысячу перьев»).

Как известно, во времена тирании Пехлеви многие поэты и другие представители иранской интеллигенции, находившиеся в изгнании, не могли возвратиться на родину. Многие из них, такие как Лахути, Зарре, Нушин, не дождались желанного дня «из-за того, что, — по словам Жале, — горькая разлука продолжалась слишком долго»⁹⁹.

Как отметили Э. Табари¹⁰⁰ и Каве Гоухарин¹⁰¹, стих Жале развивается, отличается высокими идеями, разнообразием, эмоциональностью и выразительностью. «В своих стихах она выступает глашатаем свободы и искателем пути, по которому можно было бы вывести страну из охватившей ее темной и страшной ночи. И в этой связи созданные ею прекрасные, без приукрашиваний картины являются результатом ее высоких помыслов и прекрасными образцами поэзии нашего времени»¹⁰².

Возвратившись на родину, Жале написала исполненные нежности и любви к отчизне стихи:

Если бы я имела тысячу перьев,
Тысячу перьев, каждое из которых сотворило бы тысячу чудес,
Тысячу раз каждый день я бы писала
Стихи и песни, посвященные свободе¹⁰³.

Стихотворение «Бе йаде ватан» («Воспоминания о родине») потрясает глубокой тоской по родине, которую испытывала поэтесса, находясь в эмиграции:

О, мой Иран, любовь твоя
Согревает мою кровь.
Вчера ночью тебя во сне видела,
Вчера ночью тебя в серебре лунного света видела¹⁰⁴.

В своих стихах Жале воплощает образ скорбящей иранской женщины. В стихотворении «Зане иране осйангар» («Мятежная иранская женщина») поэтесса призывает женщин выйти на баррикады:

⁹⁹ Жале. Агар хазар калам даштам. С. 28—29.
¹⁰⁰ Табари Э. Предисловие к кн.: Жале. Агар хазар калам даштам. С. 3—7.
¹⁰¹ Каве Гоухарин. Сорудсазе азади...//Фардае Иран. Тегеран, 1981. № 9. С. 595.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ Жале. Агар хазар калам даштам. С. 112.
¹⁰⁴ Там же. С. 17.

О ты, женщина! О ты, мятежная женщина Ирана!
На твоём теле под платьем саван,
Выйди из дома на свободу, на баррикады¹⁰⁵.

Убежденный певец свободы, Жале верит в то, что трудящиеся всего мира поднимутся на борьбу за свою независимость и потребуют предоставления им прав от тех, кто обманывает народ и выдает себя защитником прав человека. Мятежная душа Жале, стремление к свободе, борьбе, присущее ей с молодости, отражены в таких прекрасных романтических стихах, как «Руйаха» («Грезы»), «Джавани» («Молодость»), «Эхсан ва санг» («Человек и камень»), «Можде» («Радостное известие»), вошедшие в сборник «Если бы я имела тысячу перьев».

Глубоко лиричны стихотворения Жале, посвященные последней иранской революции «Кахрамане азади» («Герой свободы»), «Тавона каме худ гирад э дауран» («Сильный может достичь своей цели»), «Абадане аташ-нак» («Горящий Абадан»). Мир ее многокрасочной лирики чрезвычайно широк, и, говоря о нем, нельзя обойти молчанием произведения, раскрывающие самые сокровенные ее мысли и чувства. Это «Дасте эшг» («Любимые руки», 1983), «Бийа хийал коним» («Приходи, подумай», 1982), «Агабе дарйа» («Альбатрос», 1979), «Айине бехранан» («Обычай мудрецов», 1979) и др.

Интимная лирика всегда занимает особое место в литературе. Природа и человек, личные переживания людей, любовь, жизнь и смерть — вечные темы литературы. Произрастая на новых философских и эстетических основах эпохи, эти темы обретают новое звучание в поэзии Жале. Ее стихи о природе раскрывают Жале как замечательного мастера пейзажа, художника, умеющего тонко и впечатляюще передать богатую палитру красок, звуков, ароматов природы. Но сам пейзаж никогда не служит поэтессе самоцелью. Через отношение к природе она раскрывает характер литературного героя, свое собственное мироощущение, раскрывает время, о котором пишет. Ее излюбленные образы — это море, лес, звезда, птица, весна (стихотворения «Дарйа», «Джангал», «Сетаре», «Паранде», «Бахар» и др.). Особенно волнуют поэтессу лес и море.

С проникновенным лиризмом описаны они в таких стихах, как «Закат над морем», «Я и море», «Женщина и море», «Леса, о леса!», «Музыка леса». Эти стихи на-

¹⁰⁵ Там же. С. 24.

полнены яркими образными сравнениями, сопоставлениями, параллелями.

Все явления природы даны в тесной связи с человеком, его жизнью, борьбой за светлое будущее. В стихотворении «Баргризан» («Листопад») Жале пишет:

Я люблю лес,
Потому что он, как человеческая душа,
Полон теней и света — таинственных и разнокрасочных.
Я люблю лес, потому что
Пока лес жив, он прекрасен,
А умрет — ради теплоты и процветания мира.
Хвала процветающему лесу¹⁰⁶.

Эта способность увидеть, ощутить в природе человека, осмыслить и себя как частицу живого сближают стихи Жале с подобной поэзией Запада. Это не подражание, но выражение в новых исторических условиях чувств, настроений и мыслей, свойственных людям всех эпох, и в то же время — выражение самого себя, сугубо личного, своеобразного восприятия окружающего мира.

«В условиях более свободной среды в эмиграции Жале не обратилась к усложненному символизму, тогда как поэты, оставшиеся на ее родине, вынуждены были прибегнуть к этому. Стихам Жале присущи ясность, простота и открытость. Они развиваются в общественном, гражданском и революционном направлении. Исходя из этого можно сказать, что Жале так же, как Лахути, является больше выразителем объективных процессов общественной жизни, чем субъективных процессов своего внутреннего мира...»¹⁰⁷ В стихотворении Жале «Сепас» («Признательность») доминирует мысль: могут ли страдание, терпение и стойкость быть свойственны совершенной душе и составить жемчужину стихотворений, вселяющих надежду. Можно с уверенностью сказать, что результаты этих мук и страданий принесут пользу новому поколению борцов.

Искусство, как отмечает Гегель, — взаимный разговор между артистом, зрителем и слушателем, и если этот разговор не состоится, и если чувства художника не будут пронизывать его произведения и не взволнуют душу любящего искусство, то художественный акт не состоится¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Архив поэтессы.

¹⁰⁷ Табарн Эхсан. Предисловие к кн.: Жале. Если бы я имела тысячу перьев. С. 5.

¹⁰⁸ Там же.

В 1983 г. в Лондоне вышел сборник стихотворений Жале «Алборзе бишекаст» («Непокоримый Эльбрус»). В нем представлены произведения, написанные, в основном, во время пребывания поэтессы в Иране и посвященные борцам за его свободу. Особенно волнующее впечатление производят стихотворения «Непокоримый Эльбрус» (1981), «Калиде рамзе рахан» («Ключ к освобождению», 1981), «Эй, ан ке гамгини» («О, печаленные», 1982), «Шабэ хизан» («Ночные стражники», 1983), «Моуджим» («Мы — волны», 1982), «Абадане аташнак» («Горящий Абадан», 1980), в которых описывается радость встречи с родиной и скорбь по погибшим ди» («Певец свободы»), Каве Гоухарин призывает молодежь, ей принадлежит будущее — такова главная мысль стихотворения «Бегозарид ма бозорг шавим» («Дайте нам возможность подрасти»):

О, вы торговцы кровью и золотом,
Ваше время закончилось.
Новый поход караванов — это мы.
Мы, которые строим завтрашний день.
На каждом цветке и новом ростке
Мы напишем:
«Жизнь, радость,
Желанная работа, любовь,
Свобода...»

В рецензии на сборник стихов Жале «Если бы я имела тысячу перьев», озаглавленной «Сорудсазе азади» («Певец свободы») Каве Гоухарин призывает молодежь внимательно и вдумчиво прочесть стихи Жале Исфагани о поколении, «которое сейчас снова подняло свой голос, уже обогатившись опытом прошедших бурных событий»¹⁰⁹.

Таким образом, в стихах Жале рассматриваемого периода появился новый герой — активный борец с социальным злом и бесчеловечной эксплуатацией. Становление этого образа в творчестве поэтессы прослеживается на протяжении 30 лет. Углубилась общественная направленность ее поэзии.

Если в ранних стихах Жале героем был «маленький человек», подавленный, измученный социальным гнетом, беспомощно бьющийся в силках царивших в Иране жестоких порядков, то на смену этой пассивной жертве строя приходят новый герой, осознавший необходимость решительной борьбы за новую, свободную жизнь, новое

¹⁰⁹ Фардае Иран. Тегеран, 1981. № 9. С. 594.

общество. Наряду с мужчиной на арену борьбы выходит и иранская женщина. В стихах этих Жале призывает женщин к активному участию в борьбе за свои права.

Образы героев начинают обретать большую психологическую глубину и многогранность. Автор все чаще отказывается от сентиментального взгляда на мир, перенося действие в область социальных конфликтов, многие стихи имеют политический смысл.

В мире, где существует порабощение народов, стихи Жале особенно актуальны. Эти стихи обличают общество, в котором жестоко эксплуатируются народные массы, зовут к построению новой жизни. Поэтесса обладает большой художественной смелостью, она постоянно в поисках тем, художественных образов и приемов.

**МОТИВЫ БОРЬБЫ ЗА МИР
И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО
В ПОЭЗИИ ЖАЛЕ**

Широкое движение современности — борьба за мир — могучее орудие прогрессивного человечества. В эту борьбу вовлечены сотни миллионов людей — столь разных и по уровню развития, и по национальной, социальной их принадлежности, мировоззрению. Борьба за мир — выражение лучших устремлений и надежд всех масс. Борьба за мир — одна из важнейших тем мировой литературы, показатель высоких гуманистических идей нашего времени. Традиции гуманизма, заложенные еще Фирдоуси, Саади, Хайямом и Хафизом, воспевавших любовь к человеку, братство и дружбу между людьми, приобрели новые черты, наполнились конкретным содержанием, проявились в новой форме. Эти традиции нашли глубокое отражение в поэзии Жале. Поэтесса выходит за рамки узкоместных интересов, обращение к общечеловеческим проблемам усиливает интернациональное начало ее поэзии. По-новому звучат в связи с интернациональными идеями патристические темы. Интернационализм в поэзии Жале развивается благодаря обращению ее к таким проблемам, как борьба за мир, социальную справедливость, против нищеты, невежества, бесправия и угнетения. Интересы народа Ирана совпадают с интересами трудящихся всей земли, поэтому забота поэтессы о своем трудовом народе — забота о судьбах всего человечества. «Только тот художник, который, углубившись в жизнь собствен-

ного народа, через судьбу своего народа решает вопрос о судьбах всего человечества, будет подлинным художником-интернационалистом»¹¹⁰. Эти слова можно полностью отнести к Жале.

В многомиллионной армии борцов за мир Жале уверенно и решительно отстаивает дело мира, выступая против тех, кто пытается вновь разжечь пожар войны.

Почему белая рука дает пощечину по черному лицу?
Атом имеет союз с миром или с войной?
Как могут породниться два бурных океана?

спрашивает поэтесса в стихотворении «Соалхайе асремма» («Вопросы нашего времени», 1966)¹¹¹

В 1968 г. в честь десятилетия Первой Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, в Ташкенте состоялся международный симпозиум «Литература и современный мир», в котором от иранских писателей приняла участие Жале. Ее выступление было посвящено борьбе прогрессивных сил против колониализма, за национальную независимость, мир и свободу, расцвет национальной культуры и экономики стран Азии и Африки. Свое выступление она завершила стихотворением «Голубь мира», в котором называет город Ташкент — родиной прогрессивного движения писателей стран Азии и Африки, маяком мира, дружбы и братства на Востоке. Перевод этого стихотворения с персидского на русский язык осуществил Е. Евтушенко.

Поэтесса осуждает захватнические войны, которые еще велись в отдельных регионах мира.

Эта тема нашла отражение в стихотворении «Бе хакхаре вьетнамийам» («Моей вьетнамской сестре», 1968), написанном Жале в Москве в марте 1963 г. В нем поэтесса поздравляет вьетнамку с женским праздником 8 Марта. В то время во Вьетнаме еще шла война и этот праздник для женщины-вьетнамки являлся знаменем борьбы, вселяющим надежду в победу. Из далекого края Жале посылает свое стихотворение вьетнамке, которая вынуждена одновременно качать колыбель и держать винтовку:

В женский праздник,
Который является праздником надежд и волнений,
Я посылаю тебе в подарок мои новые стихи,

¹¹⁰ Сечин В. В. Интернациональное в национальном // Ленин и искусство. М., 1969. С. 372—373.

¹¹¹ Архив поэтессы.

В них — барабанный бой, волнующий войско,
Шаги отважных Вьетнама.
Я вижу — ты сама являешься поэмой нового мира,
Мужественным борцом и вестником новых побед¹¹²

Борцам за свободу Испании Жале посвятила стихотворение «Даггах» («Место мучений», 1970). В нем говорится о том, что на испанской земле проливается кровь народа. В сердцах простых людей закипает гнев, способный сокрушить устои тирании. Поэтесса мастерски использует здесь свою излюбленную метафору — образ моря. Морская пучина ярко раскрывает грозное несоответствие между внешним спокойствием, умиротворенностью и скрытыми до поры сокрушительными потенциальными силами:

Кто тот человек, который не знает,
Что в этом море страха,
Что в этом море тишины
Вскипают волны.
Волны гнева и ярости,
Жаждающие бури,
Чтобы вытянуть из моря ночного мрака свет¹¹³.

Откликом на события в Чили явилось стихотворение Жале «Памяти Пабло Неруды», — чилийского поэта, который был ей «другом в борьбе и поэзии». Она глубоко переживает смерть Пабло Неруды, всю жизнь борвшегося за свободу и независимость Чили. С этим стихотворением Жале выступила в октябре 1975 г. в Центральном доме литераторов в Москве на вечере, посвященном памяти великого поэта. Поэтесса прочитала стихотворение на персидском, а затем на русском языках.

Твой голос смолк, свободы гордый голос,
Как колокол, гудевший над землей!
...Ты был живою песнею надежды,
И ей нельзя на свете умереть!
Ты жив, Неруда!¹¹⁴

(Перевод А. Наумова).

Жале выражает свою веру в победу народа Чили, надежду на крах врага. Смерть не властна над чувствами, которые владели Нерудой. Поэзия и жизнь неразделимы.

¹¹² Жале. Энтезар. Душанбе, 1969. С. 68.

¹¹³ Архив поэтессы.

¹¹⁴ Жале. Перелетные птицы. С. 6.

Тридцатилетию со дня окончания второй мировой войны поэтесса посвятила стихотворение «Неугасимый огонь». Мать, чей сын погиб на войне, приехала из далекого села поклониться могиле Неизвестного солдата. Может быть там лежит ее сын. В этот день у ее сына день рождения.

Поздравить сына мать пришла сюда,
Ему сравнялось двадцать — навсегда...

Жале пишет о том, что у советских людей возникла замечательная традиция: в самые волнующие торжественные моменты жизни приходиться на могилу Неизвестного солдата:

Целует мать горячий холод плит,
А рядом неубитый сын стоит.
Двадцатилетний. Статный. Молодой.
С ним девушка под белою фатой.
Они молчат и, головы склоня,
Кладут цветы у Вечного огня¹¹⁵.

Ее герои — люди труда — мечтают о свободной, мирной жизни; мечты их светлы и радостны.

В стихотворениях «Бе барадаране каргарам» («Мои братьям-рабочим», 1972) и «Пейванде роушан» («Светлое единение», 1975) Жале прославляет дружбу между людьми и призывает ее укреплять.

Интернационализм — неотъемлемая черта мировоззрения Жале. Искренним и глубоким интернациональным чувством проникнуты стихотворения «Светлое единение», «Даште горосне» («Голодная степь») и «Арас» («Аракс»).

Большая радость на земле, когда люди дружат независимо от национальности и политических убеждений — у них есть общее, и они должны беречь его, помогать друг другу, если кого-то настигла беда. В стихотворении «Светлое единение» Жале пишет:

Я не видела ни одного человека,
Который бы не нуждался в помощи другого человека,
Ни одной души, которая бы нисколько не нуждалась
в тепле и свете другой души,
Разве может быть счастье без этой связи?¹¹⁶

В стихотворении «Аракс» (1964) поэтесса выражает свою веру в то, что река Аракс, по которой проходит

¹¹⁵ День поэзии. М., 1976. С. 58.

¹¹⁶ Архив поэтессы.

граница между СССР и Ираном, когда-нибудь станет не границей разъединения, а будет соединять двух соседей¹¹⁷.

Живя в Советском Союзе более 30 лет, непосредственный свидетель всего происходившего в Советском Союзе, Жале была потрясена грандиозностью масштабов, энтузиазмом, с каким советские люди строили новую жизнь.

Октябрь 1917 г., воплощение в жизнь идеи интернационализма открыли поэтессе широкий путь к постижению новых человеческих взаимосвязей, взаимоотношений.

Вдохновенному труду советского народа посвящено стихотворение «Медсестре Тане». В героине произведения — простой русской труженице-медсестре, завоевавшей любовь и уважение людей, Жале сумела воплотить такие благородные качества советского народа, как доброта, великодушные и самоотверженные.

Особое место в творчестве Жале занимают произведения о достижениях Советского Союза в исследовании космоса, посвященные космонавтам Юрию Гагарину и Валентине Терешковой.

О, слагатель поэм! О, бессмертный Фирдоуси!
Встань из мрака, воспой им хвалу,
Этим новым Рустамам!
Настал, наконец, век победы над
небесами... век свободы, надежды,
любви и стихов.
Человек дотянулся до трона богов —
Всемогущества нашего век!¹¹⁸

Мир ее творчества ощутимо национален. Стихи «все-планетного» масштаба насыщены национальным своеобразием, образностью. Поэтесса сравнивает космонавтов с легендарным героем Рустамом, олицетворяющим силу и мужество народа.

Стихотворение «Бейаде Юрий Гагарин ва дахомине сале парвазеш» («Памяти Юрия Гагарина и десятилетия его полета», 1971) поэтесса посвятила первому космонавту нашей планеты, чье имя стало символом светлых и радостных помыслов человечества. Она прославляет Гагарина, называя его «посланником Страны свободных».

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Жале. Ожидание. С. 57—58.

Сколько веков придет,
Сколько поколений уйдет,
А он всегда будет молодым и вечно живым.
Первым вестником космической эры
На пути к солнцу!¹¹⁹

Многие стихи поэтесса посвятила республикам Средней Азии, Азербайджану, где побывала несколько раз и воочию увидела жизнь советских людей.

В 1966 г. в Ташкенте вышел сборник стихотворений Жале «Калдирғоч», перевод которого был осуществлен Ш. Шамухамедовым. Среди произведений, вошедших в эту книгу, особое место занимают стихи, посвященные Ленину и Узбекистану. Поэтесса побывала в Ташкенте, в древнем Самарканде, который оставил у нее неизгладимое впечатление. В стихотворении «Старейше Октобр» («Звезда Октября», 1964) Жале передает свое восхищение прекрасными средневековыми памятниками Самарканда, свидетельствующими о высокой и богатой культуре Мавераннахра.

«Раем на земле» назвал Самарканд великий Навои. Поэтесса говорит, что несмотря на старания сотен ученых средневековья, которые хотели создать для человека светлую и счастливую жизнь, они не смогли осуществить свои мечты. Жестокие правители, реакционное духовенство неумолимо преследовали малейшее проявление прогрессивной мысли.

Новую, яркую страницу истории города открыл Октябрь 1917 г. После революции были восстановлены памятники старины, построены новые храмы науки, дворцы.

Если обратимся к делам сотен ученых,
Усилиям и борьбе лучших людей прошлого,
На страницах истории человечества
Мы не найдем ни одной звезды, ни одного открытия,
Ярче той,
Что принесла революция Октября!¹²⁰

В стихотворении «Горлинка» (1969) Жале описывает обновленный Ташкент — город мира и дружбы. Поэтесса передает свои впечатления о Ташкенте до и после землетрясения. Вся страна помогала восстанавливать город. Жале восхищенно пишет о том, как строители — посланцы разных республик нашей страны — построили в дар Ташкенту новые, красивые дома.

¹¹⁹ Архив поэтессы.

¹²⁰ Жале. Ожидание. С. 71.

1983

Жале

Калдирғоч

Ш. Шамухамедов

1984

Октябрь

Самарканд

1984

Ташкент

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

1984

Свободному, творческому труду советского народа, совершившему чудо — создавшему в безжизненной пустыне Узбекистана город Гулистан, посвящено стихотворение «Даште горосне» («Голодная степь»). Прежде здесь простирались лишь жаждущие воды солончаки. Со всех концов Советского Союза в Голодную степь съезжались строители. Больших усилий стоило покорение степи. Люди, сильные духом и преисполненные интернационального долга, отвоевали у пустыни землю, выходили ее, воскресили. Гулистан расцвел и, как говорит поэтесса, «навевает своим ароматом память о гении ширазского поэта Саади».

О, беспокойный Сейхун¹²¹!

Много крови и слез влилось в твое русло.
Сейхун, на берегах твоих в течение многих веков
Были только голодные степи и жаждущие воды солончаки...
...Ты — выстрадавшая все, река!
С того времени, как «Буревестник»
Взлетел над твоими просторами,
Взошла заря твоего нового дня.

Трудом и творчеством свободных и счастливых людей
Голодная степь утолила жажду и расцвела,
Как серебристый рассвет, стоят хлопковые поля...¹²²

Это стихотворение, проникнутое идеей интернационализма, рассказывает о том, как трудятся на важнейших народнохозяйственных стройках люди разных национальностей, умножая своими делами мощь и славу родины. Оно привлекает не описанием пустынных степей, знойного солнца, южного неба, не экзотическими восторгами любознательного «чужака», а удивительной способностью проникновения в мир иного народа, избраженного «изнутри», а потому не только верно, но и глубоко поэтично. Разнообразна тематика поэзии Жале.

Стихотворение «Абу Али Сина» (1978) поэтесса посвятила «великому ученому средневековья, учителю человечества», автору всемирно известных трудов «Лекарства» и «Канон врачебной науки». Пройдут тысячелетия, а «Канон» Абу Али ибн Сины будет жить века. «Пока существует мир, он будет всадником, открывающим колесницу времени»¹²³, — этими строками завершает свое стихотворение Жале.

Поэтесса поддерживает дружеские и творческие связи с известной узбекской поэтессой Зульфией. Встре-

¹²¹ Река Сырдарья.

¹²² Архив поэтессы.

¹²³ Жале. Нагше джахан. С. 124.

чаясь на различных форумах и постоянно обмениваясь мнениями о литературе, Жале, как и многие современные поэты, хорошо знает и любит Зульфию, ее стихи, с которыми знакомится в основном по русским переводам. Об одной из их встреч в дни советской литературы в Азербайджане в 1977 г. рассказывает Борис Пармузин в своей статье «Тысячи прочных нитей»¹²⁴.

В бакинском саду дружбы, раскинувшемся у самой кромки Каспия, в районе Шиховского пляжа, участники Дней советской литературы в Азербайджане, среди которых известные поэтессы Жале и Зульфия, туркменская поэтесса Роушан Эсенова, таджикская поэтесса Озод, посадили стройные кипарисы. «Кипарисам стоять рядом, покачиваясь на одном ветру, стоять много лет... И тянутся зеленые рядки кипарисов, словно строки стихов... За этими рядами скрывается серая выжженная солнцем, обветренная до трещин земля...

Об этой земле, уже счастливой и красивой, будут написаны новые стихи и прозвучат они на разных языках, хотя будут понятны каждому из нас»¹²⁵.

Несколько стихотворений Жале, посвященных интернационализму, дружбе народов, вошли в книгу «Ода Узбекистану. Узбекистан в советской и зарубежной поэзии»¹²⁶. В этом поэтическом сборнике идея дружбы и общности народов всего мира сливается с мыслью о неразрывной связи поэтов разных стран, связи, осуществляемой не только в пространстве, но и во времени.

В стихотворении «Бе сарзамине Рудаки» («Родине Рудаки») поэтесса восхищается народом-тружеником, преобразовавшим свой край родной, народом, преисполненным любви к родине:

Как прекрасен в тех краях народ,
И садов их сладок сочный плод,
Там и слову и любви верны,
Гордостью за родину полны...¹²⁷

(Перевод Нины Королевой).

В этих стихотворениях поэтесса изображает новое общество, в котором «благодаря творчеству свободных граждан труд — не страдание, а удовлетворение, радость и долг». Поэтесса сумела постичь мир чувств со-

¹²⁴ Звезда Октября. 1977. № 11. С. 200—201.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Ода Узбекистану. Узбекистан в советской и зарубежной поэзии. Ташкент, 1981. С. 141.

¹²⁷ Жале. Хаггами вафо. Душанбе, 1974. С. 6.

حوالی
باز لفظه
1977

در باره
روزگار اردستان
نوروز در
اردستان

خودمان
اردستان
و کتا
در ریشه
از

سوی سرزمین رودکی

ه
سور
لفظه ام
در اردستان

سور اردستان
سینا
1977

ветского человека, окружающую его действительность, показать мирный, созидательный труд народа¹²⁸⁻¹²⁹.

Идеи интернационализма владели Жале, когда она писала стихи о войне в Испании («Место мучений»), Вьетнаме («Моей вьетнамской сестре»). Именно интернационализм, необходимость единения народов мира позволили Жале, находясь вдали от родины, не только остаться в строю поэтов-трибунов Ирина, но и стать интернационалистом. Ее творчество получило международное звучание. Мы слышим ее голос из Вьетнама, Афганистана («Шад баш. Бе монасебате ангелабе 28 Апрель 1978 джамхурийе демократике Афганистан», 1978; «Такдим бе дехганане Афганистан», 1978), Чили («Бейаде Пабло Неруда», 1975), Кубы («Хамасейе Куба», — «Доблесть Кубы», 1978) Лондона («Лондон», 1982), Италии («Италия», 1982). Жале находит темы, близкие не только иранцу, или русскому, вьетнамцу или афганцу, кубинцу или испанцу, но волнующие всех.

Жале волнует не собственная судьба, и не только заботы и чаяния иранского народа, а борьба, надежды и будущее всего человечества. Пристально еглядываясь в жизнь, современность, Жале в своем творчестве не ограничивается проповедью человеколюбия, сострадания, великодушия, а указывает конкретные пути, ведущие к подлинному равенству, братству всех людей на земле.

Вместе с деятелями литературы всех стран Жале вносит вклад в укрепление мира, содействует установлению климата доверия на нашей планете.

ОТНОШЕНИЕ ЖАЛЕ К НОВОЙ ПОЭЗИИ

Главным критерием новаторства Жале является обобщающая художественная сила и глубина отображения жизни и борьбы народа, его чаяний и стремлений. Ее произведения удивительно злободневны. Она откликается на все волнующие события жизни. Важно отметить, что новаторство поэтессы проявляется не только в создании актуальных произведений, но и в воплощении «прогрессивного содержания в соответствующей ему простой и понятной высокохудожественной форме. А это, в свою очередь, свидетельствует о всей важности для новаторского движения поисков новых, прог-

¹²⁸⁻¹²⁹ Архив поэтессы.

рессивных форм и средств художественного изображения, о необходимости о новом писать по-новому¹³⁰.

Как показывает анализ творчества поэтессы, она придерживается двух стилей: традиционного и нового, свободного стиха. «В выборе художественного стиля Жале колеблется между двумя стилями — прошлого и современного, и больше склонна к свободной форме»,¹³¹ — пишет о поэзии Жале Мейманат Мир Садеки

Традиции — основа новаторства, а новаторство является продолжением традиций. Поэтому одним из главных критериев в оценке новаторства выступает отношение к литературному наследию прошлого.

Относительно роли и значения традиций классической поэзии в Иране существуют различные точки зрения. Консерваторы отрицают возможность и необходимость новаторских поисков, существенного обновления поэзии. По их мнению, плодотворное развитие литературы возможно только путем подражания классической поэзии. Они выступают против новой поэзии и ее представителей.

Некоторые считают, что новую литературу можно создать, отбросив художественный опыт прошлого. Это нигилистическое отношение к литературному наследию и классической поэзии разделяют далеко не все.

Такие художники, как Лахути, Бахар, Фаррохи Йезди, Деххода, Иредж Мирза, Эшки и другие передовые поэты, внесшие в персидскую поэзию новые социальные идеи, новый образ современника, обогатили и тематически расширили рамки классической поэзии. Вместе с тем они творчески использовали в своих произведениях традиционные формы.

Замечательные традиции классической поэзии — ислы гуманизма, народности, патриотизма, демократизма, стремление к реалистическому описанию событий на новой почве, в новых условиях, осваиваются и получают дальнейшее развитие в новаторской поэзии Ирана. Творческое освоение лучших традиций классической литературы, умелое использование достижений поэзии других народов — вот два фактора, на основе которых был создан «свободный стих».

¹³⁰ Гусейнов Б. Традиции и новаторство в поэзии Ирана XX века. Баку, 1973. С. 40.

¹³¹ Бидарийе джуибаран, маджмуэе ше'ре азаде (Мейманат Мир Садеки). Техран, Энтешарате Тус, 1347/1968. С. 45; Сохан. 1347/1968. № 4. С. 467—470.

سازمان
بیت
انقلاب
افغانستان
۱۳۵۷
۱۳۵۸
۱۳۵۹
۱۳۶۰
۱۳۶۱
۱۳۶۲

میر در مجموع
بیداری
میرزا
در باب
تاریخ
نام نهادن
دیندار ادب
نتیجه

Зародившееся еще в 20-х годах движение «ше'ре ноу» («новый стих») ¹³² в 40—50-е годы имело уже много приверженцев, таких как Надер Надерпур, Сиявуш Кесрайи, Феридун Мошири, Сайе и Жале.

В 1965 г. в Москве на персидском языке был издан сборник стихов Жале «Зенде гуд» (Живой поток), оцененный известным прогрессивным поэтом современного Афганистана Бариком Шафии как «один из шедевров персидской поэзии». В письме к Жале он признавался: «Я люблю Ваши стихи, как люблю все огненные крики, которые рвутся из горячей груди борцов, полных надежд, идущих по дороге любви, мира, демократии и общественного прогресса. Это крик всех борцов с врагами национального гнета во всем мире» ¹³³.

Сама поэтесса также считает, что настоящая ее поэзия начинается именно с этого сборника.

Постоянно стремясь к обогащению знаниями, повышая идейный уровень своих стихов, Жале работала и над поэтической формой, техникой стихосложения. «Необходимым условием, определяющим общественную ценность произведения искусства, Ленин всегда считал органическое единство высокой идейности и художественности, актуальность содержания и талантливость исполнения. Именно своим талантом, своим искусством, посвященным служению народу, подчеркивал Ленин, писатель приносит пользу...» ¹³⁴.

Жале во многих своих стихах придерживается традиции иранского стихосложения, а также любит новое слово. «И если мы захотим разделить все стихи Жале между Малек ош-Шоара и Нима, никто из них не бу-

¹³² Подробно о «ше'ре ноу» см.: Кохне ва ноу. Магаддаме дар: Фаридун Таваллоли. Раха, 1333/1954, сафхейе 1—48; Реза Барахани. Тала дар мес. (Дар ше'р ва шаэри). Тегеран, 1347/1968; Брагинский И., Комиссаров Д. Персидская литература. М., 1963. С. 158; Жале. Новая поэзия в современном Иране//Садон шарк. 1964. № 4. С. 10—14; Жале. Что такое новые стихи?//Садон шарк. 1966. № 2. С. 17—22; Она же. Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране//Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. М., 1964. С. 319—339; Ага-заде. Основные черты творчества Нима Юшиджа. Баку, 1966; Кляшторина В. Б. Новая поэзия в Иране. М., 1975; Садыги Е. М. Развитие «нового стиха» в поэзии Ирана//Литературы зарубежной Азии в современную эпоху. М., 1975. С. 279—291.

¹³³ Архив поэтессы.

¹³⁴ Цит. по кн.: Наследие Ленина о науке и литературе. Л., 1969. С. 84.

дет в обиде на нее за долю своего влияния» ¹³⁵, — отмечает иранский литературовед и критик Парвиз Раджаби.

Жале проявляла живой интерес к традиционному стиху и к новой поэзии. Работая после окончания в Институте мировой литературы, она полностью посвятила себя новой поэзии.

«Поэзия Жале независимо от структуры, построения стиха наполнена описанием красоты, родины, природы, свободы. Читая ее стихи, невольно ощущаешь тяжесть на сердце величиной с Мазандеран. И ты чувствуешь, что поэт не хочет видеть ни одно из морей и пустынь, кроме тех, где проходило ее детство. И невольно задумываешься, если бы революция не подарила ей Эльбрус и Карун, то Жале, находясь у подножья Демовенда ¹³⁶, печаль которого тяжестью лежала у нее на груди, не оказалась бы источником столько Карунов...» ¹³⁷.

Литературная деятельность Жале не ограничивается созданием стихов, она увлеченно занимается теорией нового стиха, пишет статьи «Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране» ¹³⁸, «Что такое новый стих?», «Поэты-новаторы Ирана, Афганистана и Таджикистана», изданные в Таджикистане. Особенно известны ее статьи «Голос Востока», книги «Новый стих в современном Иране», «Современные персидские стихотворения», «Вокруг нового стиха в Афганистане», «Взгляд на современный стих Ирана и Афганистана». Поэтесса выступает на многих литературных форумах и симпозиумах с докладами о поэзии современного Ирана.

Большой интерес представляет интервью Парвиза Раджаби с Жале относительно поэзии Ирана ¹³⁹ (1981 г.). Остановимся на нем подробнее.

Парвиз Раджаби считает, что одним из печальных явлений последних десятилетий в Иране становится отток деревенских жителей в города. Перебрасывание их

¹³⁵ Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат//Фардае Иран, Тегеран. 1981. № 9. С. 557.

¹³⁶ Гора в Иране.

¹³⁷ Парвиз Раджаби. Итоги горестной эмиграции//Иран завтра. Тегеран. 1981. № 9. С. 558.

¹³⁸ Жале Бади. Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране//Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. С. 319—339.

¹³⁹ Парвиз Раджаби. Итоги горестной эмиграции. С. 559—564.

سوراله
من شهر
و...

در باره
مجموعه
ادب زاله
و سخنهای
او

گفتار
پاروین رحیمی
۱۹۸۱

с одного строительства на другое приводило к «безжалостным изменениям» взглядов деревенских жителей, к выбрасыванию из их памяти гор, сопок, степей и воспоминаний детства о зимних корси¹⁴⁰. В их сознании перемешиваются теперь, с одной стороны, дома-небоскребы, с другой—горы, стадионы; луга и пастбища; улицы с нечистотами и ущелья с опьяняющим свежим воздухом, лужи с зловонной водой и прозрачные ручейки, воспетые в тысячах легенд. Имена Фирдоуси, Хафиза забываются деревенскими жителями. Хусейн Корд, Амир Арслан и Мухтар — богатыри с гривами и булавами stanовятся в ряд с горожанами. Эти сказочные богатыри никогда и не думали, что они будут сражаться с транзисторами.

В Иране, по мысли Парвиза Раджаби, сложилось положение более печальное, чем на Западе. В настоящее время поэзия на Западе не играет такую роль, как в Иране. Парвиз Раджаби озабочен тем, как бы вновь обратить людей к стихам и чувству прекрасного?

«Я думаю,— ответила Жале,— что эта проблема относится не только к Ирану. Это проблема XX века и всех. Что-то утеряно, а кое-что приобретено. Деревенские жители сейчас вместо шороха водопада слушают радио. Их дети учатся, и потому Фирдоуси и Хафиз никогда не забудутся. Но сейчас они будут подходить к изучению Хафиза с большими знаниями. Круг влияния поэзии сузился, и поэт не обязан писать стихи для сельчан и их тракторов. И нужно создавать такие стихи, под воздействием которых сельчане получали бы большее удовольствие от своей работы. И не следует, как в прежние времена, поэтам слагать стихи для поэтов, необходимо сделать язык поэзии понятным и более близким народу»¹⁴¹.

Размышляя о том, почему большинство иранцев отдают предпочтение традиционному стиху, Жале приходит к мысли, что, видимо, язык современной поэзии чужд народу. Сельские жители любят поэзию Хафиза, Фирдоуси и не знают ни одного современного поэта-новатора. В течение 50 поколений традиционный стих передавался из уст в уста, впитывался с молоком матери, с ним влюблялись, с ним хоронили, им разговаривали, сочиняли пословицы, поговорки... Хотя за пе-

¹⁴⁰ Четырехугольный низкий столик с жаровней и углями под ним, накрытый одеялом для сохранения тепла.

¹⁴¹ Парвиз Раджаби. Итоги горестной эмиграции. С. 558.

риод двух последних поколений среди последователей новой поэзии мы имеем таких поэтов, которыми гордимся, но, к сожалению, до сих пор не имеем среди новаторов поэта, подобного Хафизу. Каждое новое явление не находит легко дорогу в массы. Как известно, правящие круги не оказывали поддержки прогрессивным писателям. Кроме того, в самом начале своего развития «новая поэзия» пережила смутный период, когда народ отошел от нее.

Почему иранский народ, даже сельские жители получают наслаждение от поэзии? По мысли Жале, язык народной поэзии настолько колоритен, что не нуждается в украшательстве. Стихи слагаются на родном языке и этим притягивают людей к себе. Хотя, по мнению поэтессы, необразованный народ еще не привык к новому стиху и ему ближе поэзия, написанная в традиционном стиле, поэтическое слово обладает огромной силой воздействия в Иране. Здесь искусство поэзии развито более, чем кино, театр, живопись и другие области искусства. Это объясняется тем, что поэзия была единственной отраслью искусства, которая могла развиваться относительно свободно. «Когда скульптура и живопись запрещаются, вкусы людей тянутся к поэзии. Скульптуру и картину невозможно скрыть. Успеху поэзии сопутствовал еще и тот фактор, что, в отличие от скульптора и художника, поэту для написания своего произведения не приходилось нести денежные расходы»¹⁴².

Когда появились ростки новой поэзии, возникли споры, дискуссии между приверженцами традиционного и нового стиха. Иранские поэты и критики много спорили, писали о возникновении и роли нового стиха, и это было полезно, но сегодня, — считает Жале, — когда термин «ше'ре ноу» («новый стих») уже устарел и уступил место «ше'ре мотлаг» («свободный стих»), и вышли в свет десятки сборников стихов такого плана, что сказать что-то новое о новом стихе уже невозможно, так как это не будет новым. По мнению поэтессы, новый стих — это прогрессивный метод и духовная потребность, фундаментом которой являются преобразования, произошедшие в общественной жизни после установления конституционного режима. Эту потребность чувствовал самый большой и, вероятно, пос-

¹⁴² Там же. С. 561.

ب نظارام
اصرا سونو
ماتان مردم
نزدت
بهار اسكند
بهار اسكند
دلقاشي
نور
در راهلو
باز ترينه
شور
و نامر حلاله
اسرا نهالي
كنه
اصطلاح
شورنگ
كده
شوربايد
محمد نورمحمد بايد

ледный современный поэт, писавший в классическом стиле, Малек ош-Шоара Бахар, который сказал: «Бахар О! Хемматджу, эхтелоти кон, бе ше'ре ноу» («О, Бахар, будь великодушным, смешай свой стих с новым стихом») ¹⁴³.

Малек ош-Шоара Бахар, оставаясь до конца своей жизни верным законам хорасанского стиля, однако никогда не противопоставлял традиционный стих новому. В этом убеждают его критические статьи в журнале «Данешкаде» в рубрике «Обыкновенная литература». Попытки же других поэтов, воспевая классическую форму стиха, внести новое в поэзию, не дали ощутимых результатов. И только Нима Юшидж, который, прилагая большие усилия и «проявляя неподобное мужество, сорвал и отбросил подражания, подобные сорной траве, окутывающей ствол плодоносящего дерева персидской поэзии за последнее столетие» ¹⁴⁴. Значение его работы в том, что он свое искусство построил на основе традиционного, тысячелетиями любимого и знакомого стиха. Эта его работа — не выдумка и не привнесенное извне. Хотя, к сожалению, некоторые иранские и зарубежные критики все еще пытаются доказать, что новый стих в Иране получил распространение через переводы произведений европейских писателей.

Жале отмечала, что исторический период, на который приходится расцвет классической поэзии, уже закончился, и появилась необходимость создать новый литературный стиль, который соответствовал бы требованиям современности ¹⁴⁵.

Ратуя за обновление формы персидской поэзии Нима Юшидж, вместе с тем считает, что новаторство немислимо без изучения, творческого освоения опыта классической поэзии.

Вместо старой модели, где метрика аруза заполняется обилием ненужных слов, Нима Юшидж там, где считает необходимым, создает короткие и длинные строки в зависимости от содержания и избранной им темы. Так, чтобы первая основа каждой строки была созвучна избранной им метрике аруза. Например, в «Тавана бувад хар ке дана бувад» («Силен тот, кто умен») слово «тавана» (фаулун) может стать одной строкой, а ос-

¹⁴³ Диване шадрван Бахар.

¹⁴⁴ Парвиз Раджаби. Итоги горестной эмиграции. С. 562.

¹⁴⁵ Жале Бади. Нима Юшидж — отец новой поэзии Ирана. С. 327—328.

тальные слова могут быть другими строками в случае, если общее построение строк во всем стихотворении составляет желаемый им размер. Если Нима временими, с его точки зрения, отходит от своего стиля, то это не означает, что он допускает «беспорядочность» в своих стихах. Как говорит сам поэт, «даже в беспорядке он придерживается порядка». Однако не все поэты понимают новаторство Нимы и знают законы классической поэзии.

По мнению Нимы, «ритм стихотворения должен определяться не одной строкой, а совокупностью нескольких строк: 1) количество строк в стихотворении; 2) количество слогов в строке и распределение ударений в ней; 3) соответствие законченной поэтической мысли законченному стихотворному куску» ¹⁴⁶.

Ритм стихотворения близок ритму обычной разговорной речи. «Моя цель — пишет Нима, — лишить персидскую поэзию ее музыкальности, не соответствующей эпическому характеру произведений. Я считаю, что надо способствовать сближению поэзии с прозой. Я страстно хочу освободить поэзию от строго определенных правил сложения стиха» ¹⁴⁷. Вместе с тем он придает огромное значение тщательному отбору лексического материала: ведь плохо подобранные слова искажают смысл стихотворения и нарушают рифму.

Вслед за Нима Юшиджем Жале тоже считает, что только одна новая форма не означает новый стих. Новый стих, по ее мнению, должен иметь три особенности: прогрессивное и новое содержание; новую форму; новое поэтическое воображение и изображение, иными словами, — новый взгляд и новое изложение.

Критикуя некоторые стороны теории Нимы «нового стиха», Жале соглашается с ее основными положениями. «Нима Юшидж, — пишет она, — смело отошел от традиционных законов аруза и, прибегнув к новой свободной форме, открыл огромные возможности для последующих поколений поэтов» ¹⁴⁸. Таким образом, мастерски сохранив и использовав все богатства и преимуществ системы аруза, Нима Юшидж в то же время преодолел ее узкие рамки, создал новый стих и тем самым совершил своего рода поэтическую революцию.

¹⁴⁶ Там же. С. 329.

¹⁴⁷ Там же. С. 330.

¹⁴⁸ Цит. по: Жале Бади. Нима Юшидж — отец новой поэзии Ирана. С. 339.

Новое произведение искусства пока находится в состоянии зародыша, формирования и развития — детище автора и принадлежит ему. Но, родившись, произведение принадлежит уже не его творцу, а народу. «Это богатство, которое может быть и созидающим, и разрушающим. И поэтому художник ответственен за произведение, которое он создал. Теперь уже художник, ссылаясь на то, что он свободен, не сможет избежать суда народа»¹⁴⁹.

Поэзия сближает людей и дарит им радость и наслаждение, содействует борьбе против несправедливости, бедности, невежества и разложения. Необязательно, чтобы поэт был гением, но он может быть «любящим другом и слугой народа». Большая часть поэтов последнего 40-летия даже при различных общественно-политических позициях стремилась вносить свою лепту в развитие современной иранской поэзии.

Большое значение Жале придает взаимовлиянию литератур. Еще в 1969 г., выступая на пленуме Союза писателей Таджикистана с докладом о новой поэзии Ирана, Жале говорила: «Нельзя представить себе современную литературу Ирана без влияния на нее М. Горького, Маяковского, Шолохова, Поля Элюара, Пабло Неруды, Назыма Хикмета и других всеми признанных мастеров слова, и нельзя также себе представить, чтобы современная литература Ирана в лице ее виднейших художников не оказывала хоть небольшое воздействие на другие литературы, тем более на литературы, близкие ей по языку и традициям. Мы все являемся свидетелями невиданного по своей интенсивности процесса взаимодействия и взаимосвязей литератур...»¹⁵⁰.

В Иране, как и во всякой другой стране, где идет непримиримая борьба классов, есть поэты, представляющие интересы борющихся сторон. То течение, которое принято называть «новая поэзия» (ше'ре ноу), в Иране — это оружие в борьбе прогрессивной интеллигенции с реакцией, с прогнившими устоями общества. Яркими представителями «ше'ре ноу» являются Сиявуш Кесраи, Сайе, Надер Надерпур и другие.

Борьба за обновление содержания и формы современной персидской поэзии неотделима от борьбы за освобождение народа.

¹⁴⁹ Фардае Иран. Тегеран, 1981. № 9. С. 562.

¹⁵⁰ Архив поэтессы.

Говоря о взаимовлиянии литератур, Жале большое внимание уделяет современной афганской литературе, в которой новая поэзия так же, как и в Иране, стала развиваться после второй мировой войны и нашла много приверженцев. Среди них Махмуд Фарани, чей сборник новых стихотворений «Ахерине сетаре» (Последняя звезда) во многом близок «Сормейе хоршид» («Солнце-исцелитель») Надер Надерпура. Влияние Надерпура на творчество афганских поэтов хорошо известно. Воздействие поэзии Сиявуша Кесраи ощущается в книге «Сетак» («Молодой побег»). Выдающийся афганский поэт-новатор, борец Сулейман Лаэк, который облек свои революционные и социальные идеи в новые стихотворные формы, особенно свободного аруза, издается на двух языках — дари и пушту и пользуется большой любовью и популярностью у афганского народа.

Поэтесса поясняет, что, говоря о сходстве произведений афганских поэтов с произведениями иранских собратьев, она не имеет в виду подражание. Каждый поэт, рожденный социальной средой своей страны, является в первую очередь выразителем чаяний своего народа и своих интересов. И естественно, что поэты-современники могут оказывать друг на друга влияние.

Новая поэзия в Таджикистане возникла и распространилась в более спокойных и благоприятных условиях; для нее подготовили почву Абулькасем Лахути и Садриддин Айни.

Вслед за Лахути его последователь Пайрау Сулеймани начал писать стихи в новом стиле в 30-е годы нашего столетия, но после его внезапной смерти путь, который он избрал, не был продолжен. Новый стих в Таджикистане начал процветать лишь после второй мировой войны. Этот новый стих хотя и столкнулся с сопротивлением традиционалистов, но не породил таких столкновений, как в Афганистане и Иране. Такие поэты-новаторы, как Мирза Турсун-заде, Мир Саид Миршакар, Мумин Каноат, Лаэк Шир Али, Бозор Сабир, Гульрухсор Сафиева, Мостон Ширали, Котби Карам, Гольназар и другие, стали издавать произведения, написанные в новой форме.

В своем интервью Парвизу Раджаби в Тегеране Жале на вопрос, каково ее мнение о собственной поэзии, ответила: «Поэзия — это жажда. Нужно высказаться, и таким образом утолить жажду. Другого выхода нет.

تاریخ متعاقب
ادبیات
ایران و
اصول

سور
در ادبیات

سور
ما قبل
من
دوره
دوره
دوره

سراخی را در
مقدمه
اصول

سور
ما قبل
من
دوره
دوره
دوره

هاله حیا کومه
من بار بار
عاصم انعم
شعر حیا کوم
نوبهار کوم

نفسه
حافظه اشکام

بوی فوله
سازم

آل نغمه
؟

А иначе человек спорит, сойдет с ума. И в то же время профессия писателя социально ответственна. Одно необходимо всегда иметь в виду: то, что мы говорим и пишем, рано или поздно попадет в руки других, которых или обезнадежит и собьет с пути, или же обнадёжит и вооружит. Я всегда свои стихи сочиняю для большинства своих современников. Не для меньшинства избранных поэтов и критиков, а для грядущего поколения. Будущее поколение, несомненно, будет иметь жизнь лучше нашей, и поэтов, мудрее и свободнее»¹⁵¹.

Жале считает, что стихи должны быть доступны простым людям, народу, ведь 60—70% иранцев не умеют даже читать и писать, однако они стихи любят и живут со стихами. С диваном Хафиза изливают душу и советуются, с Шах-наме борются и побеждают.

Вряд ли можно с легкостью разорвать и отбросить золотую нить, которая глубоко связывала людские души с традиционным стихом в течение нескольких столетий. Но его можно отшлифовать и построить на нем новый современный стих. Поэтесса убеждена, что новый стих — это потребность современного иранского общества и литературы. «Но нерифмованный стих все еще не засел в сердце нашего народа и не излечивает его раны. Речь идет о 36 миллионах иранцах, а не об ограниченной массе пишущей и читающей интеллигенции, к которой принадлежу и я, — отмечает Жале. — В своей поэзии я стараюсь не держаться в стороне от простого народа моей родины. Стих Нима и свободный аруз я люблю и в своей работе их использую, но безразмерных стихов я не сочиняю. В течение двадцати последних лет я в точности не повторила, за исключением 2—3 газелей, нескольких кыт'а и четверостиший, ни в одном из других моих стихотворений распространенные принципы и законы классического стиха. Я всегда больше склонна к разнообразию и новизне стиха»¹⁵².

На примере стихотворения Жале «Ан нагме» («Та мелодия») видно, что свободный стих не упраздняет метрику аруза. Это закономерный этап развития традиционных форм стихосложения.

Бешекофад баре дигар лалейе рангине морад,
Гончейе сорх форубастейе дел баз шавад,
Ман нагууям ке бахаре ке гозашт айад баз,

¹⁵¹ Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат// Фардае Иран. Тегеран. 1981. № 9. С. 564.
¹⁵² Фардае Иран. Тегеран. 1981. № 9. С. 564.

لغز مکرر در اصل تارکی

Рузгаре ке ба сар агаз шавад,
Рузгаре дигари хаст ва бахаране дигар...¹⁵³

Еще раз расцветает красочный тюльпан желаний,
Красный бутон, подобно сжатому сердцу, раскроется.
Я не говорю, что прошедшая весна вернется,
Что время, которое прошло, заново придет.
Есть другая эпоха и другие весны...

Эти пять строчек сочинены по размеру мазра'и сабзе фалак дидам у дасе махе нов, как у Хафиза, но следующие строки:

Шад будан хонар аст,
Шад кардан хонари валатар¹⁵⁴.
Быть радостным — искусство,
Делать радостным (другого) — искусство в высшей степени

написаны тем же размером, но с опущением нескольких стоп. Таким образом, все последующие строки рассматриваемого стихотворения то длиннее, то короче, тогда как размер всего произведения сохранен. И первая стопа каждой строчки гармонична и соразмерна первой стопе размера «рамаль».

С 60-х годов Жале отходит от канонов классического стихосложения. Среди ее произведений мы уже не встречаем касыды, маснави, рубан, очень редки и газели.

Рифма в стихах Жале, как и размер, подчинена идее, содержанию. Своеобразная рифма, используемая поэтессой, придает стихам мелодичность и экспрессию. Это можно проследить на примере стихотворения «Дар катар» (В поезде):

Мидавад асеман,
Мидавад абр,
Мидавад даре ва мидавад корре,
Мидавад джанге сабзе анбух,
Мидавад руд,
Мидавад нафар,
Мидавад дехкаде,
Мидавад шахр,
Мидавад мидавад дашт ва сахра¹⁵⁵.

Здесь удивительный ритм, почти все строки равны между собой по времени произнесения, все пронизаны почти правильными повторами ударений, что образует

¹⁵³ Дания. Сале сиздахом. № 2. С. 124.
¹⁵⁴ Там же.
¹⁵⁵ Жале. Энтезар. С. 45.

تند رفتن توسته حافظه هم خرد لغز
مکرر قطار دوسه شعر است به اصل تارکی

художественную законченность. Мы видим, чем больше звуков совпадает в рифмующихся словах, тем мелодичнее стих, передающий ритм движущегося поезда.

В поэзии Жале немало разнообразных строф, состоящих из пяти, шести, семи стихов. Она выбирает ту или иную рифмовку, те или иные сочетания в соответствии со своим замыслом, со своими индивидуальными вкусами и задачами. В этой области у нее открываются широчайшие творческие возможности.

Стихотворения Жале отличаются как глубиной и реалистичностью воплощения общественно-значимых событий, так и широтой использования изобразительных средств.

Богатство стихотворных традиций в персидской литературе, постоянное общение с поэзией других народов, работа над переводами русских и советских поэтов, а также поэтов Европы и Азии, где представлены самые разнообразные формы стиха, — все это вместе складывается, сливается, перерабатывается Жале в необычное богатство стихотворных ритмов. Все более широкий круг элементов, составляющих языковую ткань, она привлекает в качестве выразительных средств стиха.

Жале использует много новых слов и оборотов, не употреблявшихся в литературном языке. Ее поэзия насыщена политической, социально-экономической лексикой, ярко передающей характер эпохи (атом, космонавты, эпоха покорения небес, космический корабль, целина, голодная степь, серебряное озеро хлопка, звездные войны и т. д.). Поэтесса тщательно работает над языком своих произведений, избегает употребления труднопонимаемых слов и выражений. Все больше встречается стихов, где Жале обращается к литературной традиции, к классике. Часто это эпитафия из Хафиза, Саади, Моулави. Так, например, следующие строки Моулави:

Хар каси ку дур манд аз асле хиш
Баз джуйад рузгаре васле хиш...¹⁵⁶

Кто оторвался от корней родимых,
Тот будет к ним стремиться весь свой век...

служат эпитафией к стихотворению «Рузгаре васл» («Время соединения», 1969). Или же бейт из газели Хафиза:

¹⁵⁶ Архив поэтессы.

Қашти нешастеганим, эй баде шарте, бархиз
Башад ке баз биним дидаре ашна ра.

Наполни, ветер попутный, наши паруса,
И может быть, мы свидимся с друзьями.

дает толчок поэтической мысли, и острая тоска по родине и встреча с ней выливаются в яркую, образную картину:

Эй, баде шорте бархиз аташин шоу,
Роушан кон аз шарарате фонусе муоджха,
Дар каме аб ва атеш мара ба джомбеш авар,
«Башад ке баз биним дидаре ашна ра»¹⁵⁷.

Пусть станет бурей легкий ветерок,
Пусть гребни волн сомкнутся с небесами,
Пусть гром трубит в свой заржавелый рог.
Стань огненной бурей, ветерок, —
«И может быть, мы свидимся с друзьями?»

(Перевод А. Янова).

Здесь мы видим интересный прием ввода в текст строк из Хафиза. Выбор поэтических приемов Жале не случаен: следуя традициям, поэтесса в то же время кровно связана с нашим временем и не стремится «изысканностью выражения» заменить необходимую для взятой темы простоту.

Совершенствуя достижения прошлого, поэтесса сумела в лучших образцах своего творчества доказать, что новое тогда лишь хорошо, когда опирается на плодотворные традиции. Движение вперед невозможно без обстоятельного изучения сделанного раньше.

В стихах Жале часто встречаются имена легендарных героев эпоса — Фархада, Рустама, Ареша Камангира, волшебной птицы Семург («Космонавты», «Нурек» и др.). Излюбленным образом-символом в поэзии Жале выступает птица — соловей, сокол, ласточка, голубь, орел, канарейка. («Я не канарейка», «Ман ганари нистам», «Андухе огаб», «Фахте» и др.).

Образная система Жале близка поэтическому миру ее современников. Особенно ярко выражены в ее поэзии символизация природы, одухотворение элементов пейзажа, через образы дерева, цветущего или увяда-

¹⁵⁷ Жале. Нагше джахан (Картины мира). М., 1981. С. 26.

ющего, ветки, цветка поэтесса передает свое душевное состояние, чувства героев, восприятие окружающего.

Парасту бежит по темному лесу,
Парасту разгневанна и беспокойна.
Парасту вся горит.
На ее пути — черные деревья,
Траурные и молчаливые.
Издали ночная птица говорит с мольбой:
«Не ходи, о взволнованная девочка, не ходи поздно.
Твой любимый пленен в открытом море.
Не ходи одна, мрачная ночь страшна.
Не ходи на берег, ибо берег — место убийства».
Парасту бежит на крыльях своей души,
Быть может освободит своего Тазарва.
Единственная ее мысль — его спасение¹⁵⁸.

Образ темного леса усиливает напряженность, которая звучит и в восклицаниях «Парасту», «Парасту», и в повторах полустигий «не ходи», «не ходи». Описание ночи является аллегорией зла, тревоги и беспокойства. В поэтическом арсенале Жале — и ночная птица, предвещающая беду, и черные деревья, траурные и молчаливые.

Любовь к природе у Жале тесно связана с любовью к родной стране. Это чувство приобретало форму острой ностальгии — тоски по родному краю («Энтезар» — «Ожидание», «Нагме» — «Чувство», «Мара бебахши» — «Прости меня», «Панджаре ра баз кон» — «Открой окно», и др.).

Весна в этом году также прошла полная ожидания.
Каждый лепесток цветка стал птицей и с лужайки улетел,
Снова те фиалки, которые я в твою память посеяла,
Стали темно-голубыми слезами и рассыпались на землю¹⁵⁹.
«Энтезар».

Грусть, пронизывающая стихотворение, — результат личных переживаний поэтессы, находящейся вдали от родной земли.

Поэзия Жале звучит негромко, сдержанно, но проникновенно. Ее образы просты и осязаемы: голубой корабль, ласточка, голодная степь, ураган. Поэтесса придает им обобщающий смысл, значение символа. Дом, родной край, родина сливаются воедино, труд видится как источник радости, как связующее звено между ушедшими и грядущими поколениями.

¹⁵⁸ Жале. Зенде руд. С. 126.

¹⁵⁹ Там же. С. 50.

Жале всегда остается женой, матерью, хранительницей домашнего очага. Ее стихи нежны, но никогда не сентиментальны, не слащавы. Личные переживания перерастают в общечеловеческие, социально осмысленные размышления о добре, красоте — истинных человеческих ценностях.

Глубокой нежной женственностью овеяны некоторые ее лирические стихотворения, в которых она временами — на мгновение — опускала свой меч, а иногда источала из сердца ноты грусти, даже отчаяния. Задушевной теплотой и лиризмом проникнуты стихотворения «Прости меня», «Ожидание», «Ожидание встречи», «Прощай», «Немой крик», «Он смеялся», «Под сенью голубиных крыльев» и др.

Арсенал образов, метафор, сравнений, эпитетов Жале неисчерпаем. Вот к примеру, как описывает она утренний рассвет:

На вершине горы сидела сереброподобная девушка рассвета,
Шелковый серый подол сбросила в ущелье.
Еще ночь — этот вор, облаченный в черную одежду,
на дне ущелья

Сидел в засаде под высокими ветвями.
Еще на сереброподобном горизонте утренняя звезда,
Словно маленькая светящаяся луна светила.
Тогда я, подобно утреннему ветерку направилась к воде.
Тысяча желаний таилось в моем сердце¹⁶⁰.
(«Сапиде сахари» — «Утренний рассвет»).

Или:

Затаенный крик в моем сердце — это жаждущая птица.
Безмолвный крик
В каждой моей клетке —
Это эхо грома, которое отдается в горах,
Ливни, ломающие скалы,
Опьяненные волны,
Сильно взволнованным ураганом морем
Был мой крик.¹⁶¹

(«Фаряде бисада» — «Затаенный крик»).

Разнообразные сравнения и эпитеты, используемые поэтессой, отличаются конкретностью и увеличивают зримость и ощутимость образов. Так: биеенне сердца — это волны океана; родина — тюльпановый сад; сердце в груди стало мозолистым, как подошва верблюда; бо-

¹⁶⁰ Там же. С. 69—70.

¹⁶¹ Там же. С. 48.

рода, как белый водопад. Яркими сравнениями насыщено стихотворение «Абшаре шадмани» («Водопад радости»):

Твой стан — чаша, наполненная молодостью.
Светлый взгляд твой — огонь горных ночей.
Звук твоего смеха — это водопад радости.
Мое взволнованное сердце сегодняшней ночью
подобно потухшему огню¹⁶².

Жале умело применяет рефрены, хорошо выделяющую основную лирическую тему. Так, например, в стихотворении «Порсиди айа хода ра мипарастам» («Спрашиваешь, верю ли я в бога», 1960) рефреном служит:

Мипарастам ходан замин ра,
Шо'лехайе деле аташни ра,
Маш'але гарме эшге афарии ра,
Ке аз деле чашма ту мидерахшад¹⁶³.

Я верю богу земли — человеку,
Пламени огненных сердец,
Горячему факелу благословенной любви,
Который сияет из глубины твоих глаз.

Нередко поэтесса вводит прямое обращение: «Открой! Скажи! Вставай! О, Светящиеся глаза ночи, о звезды! О, быстролетящая птица — время! О, плодоносящее дерево» и др.; повторы: «ты спросил меня, откуда я; я видела, я видела; если бы я была художником; один заблудившийся человек с такими приметами» и др., которые размещены симметрично по всему произведению образуют его композицию.

Тональность произведений Жале изменилась. Громкую ораторскую интонацию вытеснил тон доверительной беседы, раздумья.

В ее стихах встречаются мотивы, созвучные русской классической поэзии. Так, в стихотворении «Зан ва мах» («Женщина и луна») красивая женщина увидела себя в зеркале, возгордилась собственной красотой и спросила: «Разве имеет луна такое сияющее лицо, как у меня?» Но увидев Луну, она заволновалась, страшась поражения, настолько была красива луна, и сказала: «О, Луна! Я должна тебя уничтожить, твоё светящееся лицо затуманю, обезображу.., чтобы ты умерла и перес-

¹⁶² Жале. Энтезар. С. 11.

¹⁶³ Жале. Зенде руд. С. 25.

тала сверкать». Это напоминает «Сказку о спящей царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

Как справедливо замечает Елена Николаевская, «вся суть художественных поисков Жале — лирика. Этой болью, искренностью освещены все ее темы, раздумья, призывы, любовь и гнев. Передовые идеалы народа нашли в творчестве Жале могучее поэтическое оформление. Здесь — тайна новаторских качеств ее лирики, значение ее вклада в иранскую и мировую поэзию»¹⁶⁴.

Эпиграфом к своей рецензии Е. Николаевская взяла четверостишие из стихотворения Жале «Хасха и рангха» («Чувства и краски»):

Разве могут слова развязать
те сплетения духа и чувств,
и страдания, и счастья узлы,
что зовутся судьбою людскою?¹⁶⁵

В этом стихотворении — тревога поэта, сомнения, вопросы. Жале улавливает тончайшие оттенки чувства, звучание безмолвия.

Интонация стихов Жале — неподдельно живая, нигде нет позы: все испытано, прочувствовано, продумано. Это лирическое размышление и одновременно непосредственный эмоциональный отклик, голос, в свою очередь, требующий отклика. В этом же стихотворении мы читаем:

...Спросите у Рафаэля,
иль у радуги,
иль у Пикассо,
есть ли цвет
в их палитрах
для мужества?

«Палитра Жале богата красками. В ней есть цвета для воссоздания красоты земной, в ней есть и «цвет страдания» и «цвет для мужества»¹⁶⁶.

Высоко ценил поэзию Жале Борис Полевой. В ответ на полученный от поэтессы сборник «Попутный ветер» он писал 28 февраля 1971 г.: «Отличные полнзвучные стихи, в которых ярко сочетаются верность великой:

¹⁶⁴ Николаевская Е. Когда слова болят // Литературная газета. 1968. 6 марта.

¹⁶⁵ Жале. Зенде руд. С. 92.

¹⁶⁶ Там же.

традиции одной из старейших поэзий мира и современное, боевое звучание.

Про переводы говорят, что они «напоминают обратную сторону ковра. Но если это «обратная сторона» так ярка, то представляю, как звучат они в подлиннике»¹⁶⁷.

Молодая иранская поэтесса Фаррохлега Аляви, сравнивая Жале с выдающейся поэтессой Ирана Парвин Этесами (ум. в 1941 г.), пишет в стихотворении «Парвин ва Жалайя гол ва гонче» («Парвин и Жале, или цветок и бутон») ¹⁶⁸.

В цветнике литературы Парвин была благоухающим
цветком,

Гиацинтом, выросшим весной на берегу ручейка,
Подобно красивому тюльпану по красочности была.
Где бы она ни была, ее речи доставляли наслаждение.
Все ученые восхваляли ее,
Потому что ее стихи на вечерах поэзии — драгоценные
жемчужины.

Бутоном этого сада стала сладкоречивая Жале.
Ее стихи вызывают восхищение в душе поклонников поэзии,
Уносят грусть и печаль из уставшей памяти и сердца.
Избранный поэт нашего времени — женщина.
Появится ли в саду литературы цветок лучше этого?..
...Она в мире поэзии вызвала революцию.
Восемь воров¹⁶⁹ отчизны разоблачает перед народом...

Фаррохлега Аляви называет этих поэтесс «гордостью иранского народа и страны героев, гордостью прошлого и настоящего».

Украшение цветника литературы, украшение того сада,
Высокое мастерство удивительных стихотворений поэтесс
несравненно.
Жале и Парвин — две жемчужины на земле Ирана¹⁷⁰.

Такую оценку поэзия Жале получила в 1946 г. Спустя 35 лет известный иранский литературовед Махмуд

¹⁶⁷ Архив поэтессы.

¹⁶⁸ Бидарийе ма. Органе ташкилате занан. Техран., 1946. № 4. С. 12.

¹⁶⁹ В мировом нефтяном бизнесе с 1945—1950 гг. доминировали так называемые семь сестер — «Стандарт ойл (Нью Джерси)», «Ройял дойч-Шелл», «Тексако ойл», «Мобил ойл», «Галф», «Стандарт ойл оф Калифорния» и «Бритиш петролеум». (См.: Тьюгендхэт К. Международные монополии. М., 1974. С. 241). Восемью воров народа считался шах.

¹⁷⁰ Бидарийе ма. Техран. 1986. № 4. С. 13.

Таффазули, присутствующий на одном из литературных вечеров в Лондоне, где Жале читала свои стихи, писал ей из Оксфорда: «Когда Вы читали свои стихи, от радости и волнения я плакал. Я думал, если и остальные Ваши стихи так хороши, то можно с уверенностью считать, что Вы после Парвин являетесь крупнейшей поэтессой Ирана. А сейчас передо мной Ваша книга новых стихов, и я решительно утверждаю, что Вы намного выше Парвин Этесами, не только Парвин Этесами, но и всех поэтов Ирана, которые пишут в стиле «новой поэзии». Ваша поэзия подняла Вас на высший пьедестал почета»¹⁷¹.

Источник вдохновения Жале — любовь к своему народу. «С большим умением используя классические формы поэзии Ирана, — отметил Каве Гоухарин, — она находила новые темы в народе, ее стихи вбирают в себя одновременно цвет и аромат классической поэзии Ирана и не лишены самобытности и новизны»¹⁷².

Поэзия — арена общественной борьбы, где слово имеет цену лишь тогда, когда оно неразрывно слито с сердцем поэта. Именно кровью сердца написаны лучшие стихотворения Жале.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Архив поэтессы (22. I. 1988 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало творчества Жале Исфагани совпало с раз-
вернувшимся в 40-е годы в Иране национально-освобо-
дительным и демократическим движением.

В это время на литературной арене выступила пле-
яда поэтов и писателей, находившихся в первых рядах
национально-освободительного движения. Они ставили
своей целью ликвидировать идеалистические извра-
щения в литературе, ратовали за реалистический путь
ее развития. Их произведения были проникнуты прог-
рессивными идеями, отражали важнейшие обществен-
но-политические проблемы современности, и в первую
очередь борьбу за независимость Ирана, освобождение
от засилья иностранного капитала. В эту плеяду входила
и Жале, чье творчество в данный период отмечено
социально-политической направленностью.

Мировоззрение поэтессы, ее взгляды на социальное
устройство формировались постепенно, по мере столкно-
вения с действительностью.

В своих ранних произведениях, вошедших в первый
сборник стихотворений «Голхайе ходру», Жале выра-
жает, с одной стороны, эгоцентрическую замкнутость,
свое одиночество, неуверенность в будущем и покор-
ность судьбе. С другой — в них проявляются чувства не-
удовлетворенности и недовольства поэтессы порочностью
устоев окружающей социальной среды. Пессимистиче-
ские мотивы сочетаются с бурным протестом против зас-
тоя и несправия. Судя по ранним стихотворениям, Жа-
ле была еще далека от понимания социально-полити-
ческих проблем и, следовательно, не могла указать сво-
им читателям конкретный путь освобождения от соци-
ального и морального неравенства. Уже ранние стихот-
ворения Жале показывают, что она в ту пору тяготела
к романтической поэзии.

Большое влияние на мировоззрение и творчество
Жале как демократического поэта оказали борьба
иранского народа за свободу, участие ее в деятельнос-

ти Народной партии Ирана, установившиеся культур-
ные связи с Советским Союзом, знакомство с его куль-
турой, искусством, выдающимися образцами литерату-
ры, а также произведения представителей прогрессив-
ных иранских писателей.

Главной темой произведений Жале становится рас-
крытие основного социального конфликта в буржуазном
обществе—вопиющего несоответствия между богатством
и бедностью, описание жизни угнетаемых классов—кре-
стьян и рабочих.

В процессе творческих поисков иранская поэтесса
находит свой путь. Шагая в ногу со временем, Жале
живо откликается на все новое в жизни страны, что
несло с собой национально-освободительное, демокра-
тическое движение. Широка гражданских интересов,
глубокий гуманизм, мечта о лучшем будущем своей
страны обусловили растущую идейно-эстетическую цен-
ность ее произведений. Они становятся остро критиче-
ским откликом на социально-политические события в
Иране. Если в ранний период ее поэзия ограничива-
лась изображением жизни «маленького человека», за-
жатого тисками существующего строя, то теперь ее ге-
рой осознает необходимость борьбы за свои права, за
новое общество. Наряду с мужчиной в ряды борцов
встает и иранская женщина.

Образы героев начинают обретать психологическую
глубину и многогранность, и главное — социальный де-
терминизм. Автор отказывается от сентиментального
взгляда на мир, переносит действие в область социаль-
ных конфликтов. Поэтесса расстается с позицией пас-
сивной созерцательности, пессимистических колебаний
одинокого и поэтому бессильного протеста. Она осозна-
ет ту роль, которую призваны сыграть в истории ре-
волюционные рабочие Ирана. Ее творчество обретает
передовую идеологическую устремленность, в нем все
отчетливее проявляются прогрессивные, революционно-
демократические тенденции.

Большую роль в дальнейшем развитии творчества
поэтессы сыграл ее приезд в СССР, непосредственное
восприятие качественно нового мира.

Критическое отношение к действительности—основа
философских воззрений Жале. В большинстве ее эти-
ческих философских стихотворений выражаются и кри-
тика окружающей действительности, и обличение лице-
мерных представителей правящих кругов Ирана, и во-
обще всей системы буржуазного общества. Поэзия для

Жале — действенное средство революционного преобразования жизни, орудие идейного воспитания угнетенного народа.

Живя в Советском Союзе, поэтесса постоянно думает о своей родной земле, тяжелой жизни трудового народа. Она живет тревогами и надеждами Ирана, выражая свои чувства в поэзии. Раздумья о родине и судьбах народных естественно переходили в раздумья о собственной судьбе, о своем труде и долге, о назначении человека, роли литературы, о взаимоотношениях художника и народа.

Поэзия Жале носит ярко выраженный гуманистический характер, она стоит за искусство, которое должно служить человеку.

Творчество поэтессы отмечено тематической широтой, разнообразием художественных средств. Она мастерски, ярко рисует почти все стороны народной жизни — тяжкое существование простых людей, горестную судьбу сирот и их матерей, социальные и экономические пороки современного Ирана. В ее стихах нашли отражение и интернациональные идеи, и советская тематика.

В отличие от ранних стихов, в произведениях 60—80-х годов Жале не только объясняет причины бедственного положения трудящихся, но и указывает пути борьбы за социальные права.

Характерная черта поэтессы — чувство высокой ответственности. Она стремится к изображению актуальных явлений современности, выявлению их глубинной сути через внутренний мир человека. В ее философских раздумьях о жизни, народе, судьбах человека диалектически сопряжены частное и общее, нравственное и социальное. Поэтому, какую бы тему ни затрагивала в своих произведениях, она открывает читателю мир сильных чувств, ярких, героических характеров.

Образы, созданные поэтессой, отличаются качественной новизной по содержанию и форме, они несут конкретно национальный характер и в то же время далеки от традиционных. Это люди труда, представители рабочих и крестьян, борцы за свободу и счастье народа. Нередко главным героем ее произведений выступает молодой рабочий, стремящийся добиться справедливости, постепенно обретающий подлинно классовое сознание.

Таким образом, актуальные социально-политические проблемы Жале воплощает через образ нового героя — мужественного революционера, активного участника

широкого движения за мир, бесстрашного борца-интернационалиста. И это одно из главных творческих достижений поэтессы, ее главный вклад в прогрессивную поэзию Ирана. Качественные изменения претерпевает и художественная форма ее произведений. Используя богатство тем и идей персидской классической поэзии, поэтесса решила их по-своему, с новых идейно-эстетических позиций, в основе которых художественный синтез старого и нового.

В поэзии Жале выделяются два стиля. В 30—40-е годы она в основном использует традиционные формы стихосложения: газели, маснави, кыт'а, рубаи, вкладывая в них новое прогрессивное содержание. Примерно со второй половины 50-х годов усиливается поиск новой формы и техники стиха. Поэтессу привлекает «новая поэзия». С 60-х годов Жале окончательно отходит от канонов классического стихосложения и увлекается «новой поэзией».

Сначала в творчестве поэтессы преобладал в основном романтический метод с элементами критического реализма. Революционная романтика в сочетании с критицизмом под влиянием постепенно формировавшегося у Жале мировоззрения в конечном итоге приводит ее к освоению нового метода отображения действительности.

Отвергая все, что унижает или принижает человека, ранит его, мешая идти вперед, Жале выступает как носитель нового, действенного гуманизма. Ее гуманизм не исчерпывается верой в самосовершенствование человека, в преодоление им всех препятствий на пути к полному преобразению жизни на основах свободы, красоты и уважения к людям. Этот гуманизм не ограничивается проповедью человеколюбия, сострадания, великодушия, а указывает конкретные пути, ведущие к утверждению подлинного равенства, братства, счастья всех людей на земле.

Анализ творчества Жале показал, что ее поэзия органически сочетает в себе национальное и интернациональное. Проблемы, поднимаемые ею, призывы к борьбе за подлинную свободу и равенство, социальное и национальное освобождение народов, за гуманизм, мир и дружбу между народами — близки трудящимся всех национальностей. Отсюда растущая популярность творчества Жале и в Иране, и в СССР, и в других странах. И это широкое признание вдохновляет поэтессу на создание новых произведений, воспевающих светлые идеалы борьбы за свободу и счастье народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на персидском языке

- Жале. Голхайе ходру. Исфахан, 1944.
 Жале. Зенде руд. Эдарейе энтешарате «Данеш». М., 1965.
 Жале. Каштийе кабуд. Нашриете «Орфан». Душанбе, 1978.
 Жале. Энтезар. Нашриете «Орфан». Душанбе, 1969.
 Жале Эсфакхани. (Баргозидае ашъар). Агар хазар галам даштам. Чапе аввал. Энтешарате Хейдар Баба (Тус). Техран, 1981.
 Жале. Альборзе бишекаст (Маджмуэе ашъар, чапе аввал, Лондон, 1362/1983).
 Жале. Эй баде шортэ. Маджмуэе шъер аз Жале. Лондон, 1365/1986.
 Жале. Иад буд//Донйа. 1351/1972. № 2.
 Жале. Данешгахе ман. Кенари нистам. Ин хаме гол бешекофад. Танхайи. Джодугар. Джангал. Дар гатар//Донйа. 1968. № 4.
 Жале. Чера таслим тагдире//Донйа. 1348/1969. № 2.
 Жале. Афтабе азади//Донйа, 1348/1969. № 2.
 Жале. Бахаре мождерасан//Донйа. 1348/1969. № 2.
 Жале. Энсан ва санг//Сохан. 1348/1969. № 5—6.
 Жале. Джавабе шаэре данешманд. Диване Яхъя Рейхан. Техран, 1355/1976.
 Жале. Огабе гомшоде. Шаэране моасере таалифе Яхъя Рейхан. Техран, 1355/1976.
 Жале. Сетарейе готби. Шаэране моасере таалифе Яхъя Рейхан. Техран, 1976.
 Хар голи буйн дарад. Тарджоме аз: Саман (Жале). Лондон, 1364/1985. Энтешарате доуран ин ашъар дар салхайе 1346—1356 (1967—1977) тарджоме шоде аст.
 Жале. Эфтехаре зане дана. «Бидарийе ма». Техран, бахман, 1323/1944.
 Жале. Мехреган//Бидарийе ма. Техран, 1365/1986. № 4.

Источники в переводах на русский и языки народов СССР

- Жале. Стихи/Авторизованный перевод с персидского. Под редакцией Б. Слуцкого. М., 1960.
 Жале. Ядгар. Баку, 1952.
 Жола. Модарон солх мехоханд. Сталинобод, 1956.
 Жале. Калдиргоч/Перевод Ш. Шамухамедова. Ташкент, 1966.
 Жале. Ожидание. М., 1967.

- Жале. Попутный ветер. М., 1970.
 Жале. Перелетные птицы. М., 1974.
 Жола Бади. Зинда руд. Душанбе, 1964.
 Жола. Хангоми вафо. Душанбе, 1974.
 Жале. Судабэ (быль)/Перевод Н. Алибегова//Работница. 1958. № 11.
 Жале. Цикл стихов//Женщины советской Латвии. Рига, 1961.
 Жале. Цикл стихов//Украина. 1966. № 4.
 Жале. Цикл стихов//Друг. Рига. 1968. № 5.
 Жале. Цикл стихов//Огонек. 1969. № 9.
 Жале. Цикл стихов//Азербайджан. 1969. № 2.
 Жале. Цикл стихов//Памир. Душанбе. 1970. № 1.
 Жале. Цикл стихов//Огонек. 1972. № 26.
 Жале. Шеирлар. Баку, 1955.
 Жале. Бир дасте гел. Баку, 1958.
 Жале. Поэты Южного Азербайджана. Баку, 1950.
 Жале. Шуштер//Москва. 1959. № 6.
 Жале. Зов матери. Дорогой мира//Писатели стран Азии и Африки в борьбе за мир. М., 1959.
 Жале Бади. Малек ош-Шоара Бахар. Жизнь и поэтическое творчество: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1959.
 Жале. Шеъри нав дар эрони муосир//Садон шарк. 1964. № 7.
 Жале Бади. Нима Юшидж — отец новой поэзии в Иране//Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. М., 1964.
 Жале. О новой поэзии в современном Иране//Иранская филология. Ташкент, 1966.
 Жале. Произведения Хафиза в Советском Союзе. О переводах газелей Хафиза на русский язык//Ахбар. Тегеран, 1970.
 Жале. Роль Нима Юшиджа в «новой поэзии» современного Ирана//IV Всесоюзная научная конференция по иранской филологии (Тезисы докладов). Ташкент, 1964.
 Жале. Хафиз на сцене (К 650-летию)//Маориф ва маданият. Душанбе, 1970.
 Жале. Что такое новые стихи?//Садон шарк. 1966. № 2.
 Жале. Вестник радуги/Перевод с персидского. М., 1990.
 Архив поэтессы.

Исследования на персидском языке

- Али Акбар Мошир Салими. Занане соханваре Иран. Чапе аввал. Техран, 1335/1956.
 Нохостин конгрейе невисандегане Иран. Техран, 1325/1946.
 Парвиз Раджаби. Хаселе андухе кабире мохаджерат//Фардае Иран. Техран. 1981. № 9.
 Пейкар. Нашрийе хезбе тудейе Иран бараи данешджуян. Доурейе доввом. 1353/1974. № 6.
 Рашид Ясеми. Адабийате моасер. Техран, 1316/1947.
 Чанд сору де тазе аз Жале//Донйа. Соле севвом. 1353/1974. № 6.
 Сайид Мохаммад Багер Боргани. Соханваране нами моасер. Джелде доввом. Техран, 1331/1952.
 Эхсан Табари. Шаэри аз «доуран дошвар обур»//Дибаче бар кетабе «Агар хазар галам даштам» Жале. Техран, 1981.

- Алиев Р. М. О новаторстве в современной персидской поэзии. М., 1963.
- Апресян З. В. И. Ленин о свободе творчества//Искусство. М., 1960. № 3.
- Асланова Ч. На конференции женщин стран Азии//Новое время. 1960. № 4.
- Бабаходжаев А. Х. Ленин и страны Востока. Ташкент, 1960.
- Башкиров А. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. М., 1948.
- Башкиров А. Экспансия английских и американских империалистов в Иране. М., 1954.
- Бертельс Е. Э. Очерки истории персидской литературы. Л., 1928.
- Брагинский И. С. К итогам дискуссии о становлении реализма в литературах Востока//Проблемы становления реализма в литературах Востока. М., 1964.
- Брагинский И. С., Комиссаров Д. С. Персидская литература. Краткий очерк. М., 1963.
- Брагинский И. С. О соотношении интернационального и национального в развитии литератур народов СССР//Вопросы литературы. 1977. № 10.
- Брагинский И. С. Образ В. И. Ленина в литературах Востока//В. И. Ленин и литература зарубежного Востока. М., 1971.
- Валиева Д. В. Советско-иранские культурные связи (1921—1960 гг.). Ташкент, 1965.
- Ворожейкина З. Н. Иредж Мирза. М., 1959.
- Гаэмпанах Г. Г. Ариф Казвини — гражданский поэт Ирана. М., 1971.
- М. Горький и литература зарубежного Востока: Сб. статей/Предисловие Брагинского. М., 1968.
- Гулиева Х. Жанр поэмы в персидской литературе 50-х годов//Иранская филология. Ташкент, 1966.
- Гусейнов Б. К вопросу о развитии реалистических тенденций в современной персидской поэзии//Иранская филология. Ташкент, 1966.
- Гусейнов Б. Литературное движение «Новый стих в Иране». Азербайджан. Баку, 1969. № 1.
- Гусейнов Б. Поэты Ирана о Советском Союзе. М., 1965.
- Гусейнов Б. Советская тема в прогрессивной персидской поэзии: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1962.
- Гусейнов Б. Новое и новаторское в современной персидской поэзии//Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
- Дорри Дж. Персидская сатирическая поэзия (40—50-е годы XX века). М., 1965.
- Дорри Дж. Антиимпериалистические мотивы в современной персидской сатирической поэзии//Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. 1961. № 11.
- Дорри Дж. Персидская сатирическая проза. Традиция и новаторство. М., 1977.
- Зайнал. Заметки о революционной поэзии Ирана//Звезда Востока. 1947. № 1.
- Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1952.
- Иванов М. С. Иран сегодня. М., 1969.
- Идеи гуманизма в литературах Востока. М., 1967.
- Из истории эмансипации восточных женщин//Новый Восток. 1928. № 20.
- Инбер В. Три недели в Иране//Новое время. 1946. № 17.
- Иран: Сб. статей/Под ред. Д. С. Комиссарова и Кузнецовой. М., 1963.
- Кляшторина В. Б. Современная персидская поэзия. М., 1962.
- Кляшторина В. Б. Новая поэзия в Иране. М., 1975.
- Кляшторина В. Б. Литературно-общественная мысль и «новая поэзия» в Иране. (Конец 60 — начало 70-х гг.)//Народы Азии и Африки. 1975. № 6. С. 88—100.
- Кляшторина В. Б. Структура образа в персидской поэзии XX в. (Бахар—Нима Юшидж)//Народы Азии и Африки. М., 1965. № 1.
- Кляшторина В. Б. Садек Чубек ищет героя//Идеи гуманизма в литературах Востока. М., 1967.
- Кляшторина В. Б. К вопросу о развитии литературной критики в Иране на рубеже 50—60-х годов. Иран. М., 1971.
- Комиссаров Д. С. О реалистической тенденции в современной персидской литературе//Проблемы становления реализма в литературах Востока. М., 1964.
- Комиссаров Д. С. Ленин и Иран//В. И. Ленин и литература зарубежного Востока. М., 1971.
- Комиссаров Д. С. О некоторых особенностях развития основных жанров современной персидской литературы (доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.). М., 1960.
- Комиссаров Д. С. О реалистической тенденции в современной персидской литературе//Советское востоковедение. 1958. № 3.
- Комиссаров Д. С. О современном иранском литературоведении. М., 1980.
- Комиссаров Д. С. Очерки современной персидской прозы. М., 1960.
- Комиссаров Д. С. О сближении национального и интернационального в новейшей персидской литературе//Народы Азии и Африки. 1971. № 4.
- Комиссаров Д. С. Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М., 1982.
- Конрад Н. И. Литература народов Востока и вопросы общего литературоведения. Тезисы. М., 1960.
- Конрад Н. И. Проблемы реализма и литературы Востока. М., 1957.
- Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
- Литература Востока: Сб. статей [Ред. В. Б. Кляшторина и Н. И. Пригарина]. М., 1969.
- Литература народов Востока: Сб. статей/Отв. ред. А. М. Шойтов и Н. Д. Гаврюшина. М., 1970.
- Лобат Шейбани. Персидская поэзия сегодня//Современный Восток. 1958. № 9.
- Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха. М., 1961.
- Михалевич Г. П. Прогрессивная поэзия современного Ирана (по материалам демократической прессы 1944—1949 гг.): Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1953.
- Мубариз Али-Заде. Пути развития демократических идей в персидской литературе XIX и XX веков: Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1969.

- Новбари Рагим. О судьбе иранской женщины//Советская женщина. 1948. № 3.
- Османова З. Г. М. Горький и литература Ирана. М., 1961.
- Падьярных Н. Живая мысль поэзии//Вопросы литературы. М., 1968. № 11.
- Первая делегация иранских женщин в Советском Союзе//Советский Восток. 1958. № 5.
- Поэты Южного Азербайджана. Баку, 1950.
- Ризаев З. Борьба народов Ирана за мир и демократию//Звезда Востока. 1952. № 1.
- Ризаев З. Демократические поэты современного Ирана в борьбе за мир и независимость своей родины//Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. II. 1954.
- Ризаев З. Г. Революционно-демократическая поэзия Ирана после второй мировой войны: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1953.
- Ризаев З. Г. В борьбе за свободу (заметки о прогрессивной поэзии Ирана)//Звезда Востока. 1953. № 4.
- Ризаев З. Г. Хозирги замон кушни шарк, мамлакатлари прогрессив адабиети//Шарк Юлдузи. 1957. № 7.
- Ризаев З. Г. Осие ва Африка ёзувчилари тинчлик учун империализмга карши курашда//Ўзбекистон коммунисти. 1958. № 9.
- Розенфельд А. З. Русская литература в Иране и современная персидская проза//Вестник Ленинградского университета. 1968. № 20. История. Язык. Литература. Вып. IV.
- Сайях Фатема. Первый съезд иранских писателей. (Письмо из Тегерана)//Литературная газета. 1946. 21 сентября.
- Сирус Б. О новых стихах//Садои шарк. Душанбе. 1965. № 8.
- Современная персидская поэзия. М., 1959.
- Современная персидская лирика. М., 1961.
- Фатема Сайях, Сенд Нафисн. Иранская литература наших дней//Новый мир. 1944. № 1—2.
- Шамухамедов Ш. М. Прогрессивная литература современного Ирана//Труды САГУ им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. V, кн. 12. Ташкент, 1957.
- Шамухамедов Ш. М. Прогрессивный иранский поэт (Э. Табари)//Звезда Востока. Ташкент, 1956. № 12.
- Шамухамедов Ш. Эхсан Табари. Очерк жизни и творчества. Ташкент, 1959.
- Шойтов А. М. Современная персидская поэзия. Восточный альманах. Вып. 2. М., 1958.
- Яукачева М. Я. Женщина в персидской прозе. Ташкент, 1964.
- Яукачева М. Я. Женский вопрос в персидской литературе//Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции по иранской филологии. Июнь. Баку, 1963.
- Яукачева М. Я. Женщины зарубежного Востока в борьбе за независимость (на современном этапе)//Объединенная научная сессия, посвященная 40-летию УзССР и Компартии Узбекистана (тезисы докладов). Ташкент, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Общественно-политическая обстановка и состояние литературы в Иране в 30—40-е годы XX в.	9
Глава II. Первый период творчества Жале (1938—1946 гг.)	25
Глава III. Второй период творчества Жале (с 1947 г.)	45
Заключение	114
Список использованных источников и литературы	118

Людмила Алексеевна
Солуянова

ЖАЛЕ ИСФАГАНИ
(Жизнь и творчество)

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения
им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, Бюро Отделения общественно-гуманитарных наук АН РУз

Редактор М. Л. Карась
Технический редактор Л. П. Тюрина
Корректор А. А. Ковалева

ИБ № 5527

Сдано в набор 31.10.91. Подписано к печати 30.12.91. Формат 84×108/16
Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумага типографская № 1. Ус
печ. л. 6,51 Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 500. Заказ 296. Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170, Ташкент, проспект
М. Горького, 79.